РЕГИОНОЛОГИЯ
REGIONOLOGY

DOI: 10.15507/2413-1407

Научный журнал

Главный редактор: кандидат экономических наук, доцент С. М. ВДОВИН

Учредитель и издатель журнала: федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»

Журнал издается с октября 1992 г.

Выходит 1 раз в квартал

Т. 26

1/2018
(№ 102)

DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801

СОДЕРЖАНИЕ

Политическое пространство региона

9 **Д. Г. Десяев, И. Г. Напалкова.** Нагорнокарабахский конфликт: цепная реакция на фоне украинских событий

28 **А. С. Елсаков.** Основные характеристики партийной системы Хорватии на современном этапе

Экономика региона

68 **С. В. Савина.** Ослабление действия воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы в регионах Российской Федерации

90 **О. Б. Ярош, Э. А. Митина.** Исследование ассортимента и каналов товародвижения органической продукции в Республике Крым

Социология региона

108 **В. А. Сагайдак.** Практика управления внутренним социальным имиджем бизнес-организаций г. Волгограда

123 **Е. И. Долгаева.** Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтнического региона

141 **М. Ю. Бареев, Е. А. Самойлова.** Становление зооволонтерского движения: региональный опыт

155 **А. Г. Филипова, А. В. Высоцкая.** Исследование систем общего среднего образования в регионах России: метод «серого ящика»

179 **Конференции. Встречи. Дискуссии**

© ФГБОУ ВО «МГУ им. Н.П. Огарёва», 2018

РЕГИОНОЛОГИЯ
REGIONOLOGY

DOI: 10.15507/2413-1407

Scholarly Journal

Editor-in-Chief:
Candidate of Economic Sciences, Docent
Sergey M. VDOVIN

Founder and Publisher of the journal:
Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «National Research Ogarev Mordovia State University»

The journal has been published since October 1992

The journal is published quarterly

Vol. 26

1/2018
Continuous issue 102

DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801

CONTENTS

Political Space of a Region

9 **D. G. Desyaev, I. G. Napalkova.** The Nagorno-Karabakh Conflict: a Chain Reaction against a Background of the Events in Ukraine

28 **A. S. Elsakov.** Contemporary Party System of Croatia: Main Characteristics

Economy of a Region

68 **S. V. Savina.** Weakening of the Reproductive and Stimulating Functions of Remuneration in the Regions of the Russian Federation

90 **O. B. Yarosh, E. A. Mitina.** Studying the Range of Organic Products and their Distribution Channels in the Republic of Crimea

Sociology of a Region

108 **V. A. Sagaydak.** Practice of Managing the Internal Social Image of Business Organizations in the City of Volgograd

123 **E. I. Dolgaeva.** Interpretation of the Factors of the all-Russian National and Civil Identity by the Inhabitants of a Multiethnic Region

141 **M. Yu. Bareev, E. A. Samoilova.** Development of Animal Rights Volunteer Movement: Regional Experience

155 **A. G. Filipova, A. V. Vysockaya.** Studying General Secondary Edcation Systems in the Regions of Russia: the 'Gray Box' Method

179 **Conferences. Meetings. Discussions**

© National Research Mordovia State University, 2018

Основное содержание журнала представляет собой научные статьи, научные обзоры, научные рецензии и отзывы. Журнал входит в **Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.** Наименование и содержание рубрик журнала соответствуют отраслям науки и группам специальностей научных работников в соответствии с Номенклатурой научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени, утвержденной приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 25 февраля 2009 г. № 59 «Об утверждении Номенклатуры специальностей научных работников». Журнал осуществляет научное рецензирование всех поступающих в редакцию статей с целью экспертной оценки по следующим отраслям науки и группам специальностей:

Социально-экономические и общественные науки
08.00.00 Экономические науки
22.00.00 Социологические науки
23.00.00 Политология

Журнал входит в систему РИНЦ (Российский индекс научного цитирования) на платформе eLIBRARY.ru. Издание зарегистрировано в научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (*cyberleninka.ru*), электронно-библиотечной системе «Лань» (*e.lanbook.com*), базе данных Ulrichsweb Global Serials Directory (*ulrichsweb.serialssolutions.com/login*).

РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY

The main content of the journal are scientific papers, surveys, reviews and peer reviews. The journal is included into the **List of the peer-reviewed scientific publications where the basic scientific results of candidate's and doctoral theses must be published.** The names and content of sections of the journal sections correspond to the fields of science and groups of specialties of scientific workers in which academic degrees are awarded in accordance with the Nomenclature of Scientific Specialties, approved by the Order No. 59 of 25 February 2009, "On Approval of the Nomenclature of Specialties of Scientific Workers", issued by the Ministry of Education and Science of the Russian Federation. The journal conducts peer-review of all papers submitted to the Editors for the purpose of their expert evaluation in the following fields of science and specialty groups:

Socio-Economic and Social Sciences

08.00.00 Economic Sciences

22.00.00 Sociological Sciences

23.00.00 Political Science

The journal is registered in the Russian Science Citation Index (RSCI) based on the eLIBRARY.ru website. The journal is registered in the scientific electronic library of CyberLeninka (*cyberleninka.ru*), the electronic library system of Lan (*e.lanbook.com*), the database Ulrichsweb Global Serials Directory (*ulrichsweb.serialssolutions.com/login*).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

С. М. Вдовин — **главный редактор**, канд. экон. наук, доц. (г. Саранск, Россия). *E-mail:* rector@adm.mrsu.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7363-1389

Л. В. Калачина — **ответственный секретарь**, канд. культурологии (г. Саранск, Россия). *E-mail:* regionologiya_lk@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2575-5229

И. В. Бахлов — д-р полит. наук, доц. (г. Саранск, Россия). *E-mail:* bahlov@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6886-5762

И. Н. Барыгин — д-р полит. наук, проф. (г. С.-Петербург, Россия). *E-mail:* ibarygin@gmail.com ORCID: http://orcid.org/0000-0002-8143-3136

А. Г. Большаков — д-р полит. наук, доц. (г. Казань, Россия). *E-mail:* bolshakov_andrei@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5036-000X

В. И. Гришин — д-р экон. наук, проф. (г. Москва, Россия). *E-mail:* Rector@rea.ru

А. В. Дахин — д-р филос. наук, проф. (г. Нижний Новгород, Россия). *E-mail:* nn9222@rambler.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5907-706X

П. В. Дружинин — д-р экон. наук, доц. (г. Петрозаводск, Россия). *E-mail:* pdruzhinin@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5303-0455

Н. В. Дулина — д-р социол. наук, проф. (г. Волгоград, Россия). *E-mail:* nv-dulina@yandex.ru

С. А. Кизима — д-р полит. наук, проф. (г. Минск, Республика Беларусь). *E-mail:* kizima@mail.ru

В. А. Ковалев — д-р полит. наук, доц. (г. Сыктывкар, Россия). *E-mail:* vant_2000@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3691-4106

А. Е. Лапин — д-р экон. наук, проф. (г. Ульяновск, Россия). *E-mail:* eagov01@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1467-0358

М. Н. Макарова — д-р социол. наук, доцент (г. Ижевск, Россия). *E-mail:* makmar11@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3176-6386

В. Г. Немировский — д-р социол. наук, проф. (г. Тюмень, Россия). *E-mail:* valnemirov@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-4076-465X

В. И. Патрушев — д-р социол. наук, проф. (г. Москва, Россия). *E-mail:* vipatrushev@yandex.ru

Г. А. Резник — д-р экон. наук, проф. (г. Пенза, Россия). *E-mail:* reznikga@gmail.com ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4575-1812

А. К. Садвокасова — д-р социол. наук (г. Астана, Республика Казахстан). *E-mail:* aigul-kaz@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3467-0833

Ж. Симанавичене — д-р экон. наук, проф. (г. Каунас, Литовская Республика). *E-mail:* zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6008-2405

С. Л. Спринчан — д-р политологии, доцент (г. Кишинев, Республика Молдова). *E-mail:* sprinceans@yahoo.com ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7411-9958

Р. Ф. Туровский — д-р полит. наук, доц. (г. Москва, Россия). *E-mail:* rft777@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8496-3098

В. П. Шалаев — д-р филос. наук, проф. (г. Йошкар-Ола, Россия). *E-mail:* shalaevvp@Volgatech.net ORCID: http://orcid.org/0000-0001-9155-695X

EDITORIAL BOARD

Sergey M. Vdovin — **Editor-in-Chief**, Candidate of Economic Sciences, Docent (Saransk, Russia). *E-mail:* rector@adm.mrsu.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-7363-1389

Larisa V. Kalachina — **Executive Secretary**, Candidate of Culturology (Saransk, Russia). *E-mail:* regionologiya_lk@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-2575-5229

Igor V. Bakhlov — Doctor of Political Sciences, Docent (Saransk, Russia). *E-mail:* bahlov@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6886-5762

Igor N. Barygin — Doctor of Political Sciences, Full Professor (St. Petersburg, Russia). *E-mail:* ibarygin@gmail.com ORCID: http://orcid.org/0000-0002-8143-3136

Andrey G. Bolshakov — Doctor of Political Sciences, Docent (Kazan, Russia). *E-mail:* bolshakov_andrei@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5036-000X

Viktor I. Grishin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Moscow, Russia). *E-mail:* Rector@rea.ru

Andrey V. Dakhin — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Nizhny Novgorod, Russia). *E-mail:* nn9222@rambler.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5907-706X

Pavel V. Druzhinin — Doctor of Economic Sciences, Docent (Petrozavodsk, Russia). *E-mail:* pdruzhinin@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-5303-0455

Nadezhda V. Dulina — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Volgograd, Russia). *E-mail:* nv-dulina@yandex.ru

Sergey A. Kizima — Doctor of Political Sciences, Full Professor (Minsk, Belarus). *E-mail:* kizima@mail.ru

Viktor A. Kovalev — Doctor of Political Sciences, Docent (Syktyvkar, Russia). *E-mail:* vant_2000@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3691-4106

Anatoly E. Lapin — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Ulyanovsk, Russia). *E-mail:* eagov01@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-1467-0358

Marina N. Makarova — Doctor of Sociological Sciences, Docent (Izhevsk, Russia). *E-mail:* makmar11@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0003-3176-6386

Valentin G. Nemirovsky — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Tyumen, Russia). *E-mail:* valnemirov@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0002-4076-465X

Vladimir I. Patrushev — Doctor of Sociological Sciences, Full Professor (Moscow, Russia). *E-mail:* vipatrushev@yandex.ru

Galina A. Reznik — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Penza, Russia). *E-mail:* reznikga@gmail.com ORCID: http://orcid.org/0000-0003-4575-1812

Aigul K. Sadvokasova — Doctor of Sociological Sciences (Astana, Republic of Kazakhstan). *E-mail:* aigul-kaz@yandex.ru ORCID: https://orcid.org/0000-0002-3467-0833

Žaneta Simanavichene — Doctor of Economic Sciences, Full Professor (Kaunas, Lithuania). *E-mail:* zaneta.simanaviciene@ktu.lt ORCID: http://orcid.org/0000-0001-6008-2405

Serghei L. Sprincean — Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Chisinau, Republic of Moldova). *E-mail:* sprinceans@yahoo.com ORCID: https://orcid.org/0000-0002-7411-9958

Rostislav F. Turovsky — Doctor of Political Sciences, Docent (Moscow, Russia). *E-mail:* rft777@mail.ru ORCID: http://orcid.org/0000-0001-8496-3098

Vladimir P. Shalaev — Doctor of Philosophical Sciences, Full Professor (Yoshkar-Ola, Russia). *E-mail:* shalaevvp@Volgatech.net ORCID: http://orcid.org/0000-0001-9155-695X

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО РЕГИОНА / POLITICAL SPACE OF A REGION

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549
УДК 327.5(479.24+25+477)
*DOI: 10.15507/*2413-1407*.102.026.201801.9-27*

Д. Г. ДЕСЯЕВ,
И. Г. НАПАЛКОВА

НАГОРНОКАРАБАХСКИЙ КОНФЛИКТ: ЦЕПНАЯ РЕАКЦИЯ НА ФОНЕ УКРАИНСКИХ СОБЫТИЙ

Ключевые слова: регион; Нагорный Карабах; конфликт; Армения; Азербайджан; Украина; эскалация конфликта; территориальная целостность; право наций на самоопределение

Введение: украинские события повлияли на обострение замороженного нагорнокарабахского конфликта, что является тревожной ситуацией для России и Евросоюза. Нагорнокарабахский конфликт — один из самых ожесточенных территориальных споров на постсоветском пространстве. В 1994 г. в силу вступил Бишкекский протокол, положивший конец кровопролитию. С августа 2014 г. началась эскалация конфликта, которая может привести к цепной реакции и выйти за пределы Южного Кавказа, что отрицательно скажется на безопасности всего региона. Кризис на Украине обострил армяно-азербайджанское противостояние, увеличилось количество столкновений, с обеих сторон все чаще стали произноситься призывы к военному решению спора.

Материалы и методы: в качестве материалов исследования использовались труды экспертов по нагорнокарабахскому конфликту, заявления официальных лиц, политиков, общественных деятелей; применены сравнительно-политологический, семантический, сценарный и другие методы.

Результаты исследования: проанализировано воздействие украинского кризиса на конфликт в Нагорном Карабахе. Исследована степень заинтересованности сторон в его эскалации, а также влияние на конфликт заинтересованных стран. Показана несостоятельность формата Минской группы по урегулированию конфликта.

ДЕСЯЕВ Дмитрий Геннадьевич, магистрант Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* exprise@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4353-4400

НАПАЛКОВА Ирина Геннадьевна, доцент кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат исторических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* zamisi@yandex.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3896-1600

© Десяев Д. Г., Напалкова И. Г., 2018

Обсуждение и заключения: выработаны возможные сценарии развития конфликта. В них наглядно отражены положительные и отрицательные факторы для противоборствующих сторон.

Введение. События в Крыму и вокруг украинского кризиса повлекли за собой обострение уже давно замороженного нагорнокарабахского конфликта (НКК). Ситуация тревожная и для России в условиях непростой международной обстановки, и для Евросоюза, так как важные для энергобезопасности Европы газо- и нефтепроводы проходят вблизи от линии соприкосновения в Карабахе.

Конфликт вокруг Нагорного Карабаха (НК) — один из масштабных территориальных споров на пространстве бывшего СССР. После распада Советского Союза и появления двух новых независимых государств — Азербайджанской Республики и Республики Армения — он автоматически превратился в межгосударственную проблему, решить которую вначале пытались военным путем[1]. Боевые действия удалось остановить в 1994 г., когда в силу вступило соглашение о перемирии, но до сих пор между Азербайджаном и Арменией остается ситуация напряженности, территориальной неразрешенности.

В августе 2014 г. началась эскалация конфликта, которая может привести к цепной реакции и выйти за пределы Южного Кавказа. Это отрицательно сказывается на безопасности региона. Военная риторика все чаще звучит с официальных трибун. В связи с этим начался очередной виток урегулирования политическими средствами, к переговорному процессу желают присоединиться новые участники. К тому же формат Минской группы ОБСЕ как площадки для обеспечения процесса мирного разрешения НКК между Арменией и Азербайджаном на базе принципов, обязательств и положений ОБСЕ показал свою несостоятельность в разрешении спора между Арменией и Азербайджаном. В связи с новыми реалиями участникам переговорного процесса придется искать другие пути достижения мира.

Обзор литературы. Исследования по изучаемой проблеме достаточно обширны и дисциплинарно многоплановы. Источниковой базой исследования послужили работы экспертов по НКК, в которых объективно рассмотрены многочисленные аспекты противостояния.

Исторические аспекты представлены в работах зарубежных и отечественных ученых: О. Ю. Кузнецова[2], К. Шукюрова [1], Р. Г. Ованнисяна[3], А. А. Цуциева[4], О. Спадаро[5], Э. Помареты[6] и др.

Антропологические интерпретации событий предпринимали Т. де Ваал[7], Г. В. Старовойтова[8], В. В. Дегоев[9], М. Амтаблиян[10], П. Шакарян[11] и др. Отдельные аспекты НКК исследовали и описывали В. С. Арутюнян[12], М. А. Жирохов[13], Ю. А. Помпеев[14] и др.

Проблема урегулирования конфликта и прогноз развития событий вокруг НКК разрабатывали А. А. Абасов и А. Л. Ха-

[1] См.: Абасов А., Хачатрян А. Варианты решения Карабахского конфликта: идеи и реальность. Баку: Ени Несил, 2002. С. 2.

[2] См.: Кузнецов О.Ю. Правда о «мифах» Карабахского конфликта. М.: Минувшее, 2013. 216 с.

[3] См.: Ованнисян Р.Г. Международные отношения Республики Армения в 1918—1920 гг. Ереван: Изд-во ЕГУ, 2012. 445 с.

[4] См.: Цуциев А.А. Атлас этнополитической истории Кавказа (1774—2004 гг.). М.: Европа, 2006. 128 с.

[5] См.: Spadaro O. Storia del Paesi Che Non Esistono. URL: http://www.occhidellaguerra.it/storia-del-paesi-non-esistono/ (дата обращения: 01.07.2017)..

[6] См.: Pomareta E. 25 Acos de Tensiones Étnicas en el Área Postsoviética. URL: http://www.publico.es/internacional/25-anos-tensiones-etnicas-area.html (дата обращения: 01.07.2017).

[7] См.: Ваал де Т. Черный Сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. М.: РОССПЭН, 2014. 391 с.

[8] См.: Старовойтова Г.В. Национальное самоопределение: подходы и изучение случаев. СПб.: Лимбус Пресс, 1999. 208 с.

[9] См.: Дегоев В.В. Большая игра на Кавказе: история и современность. М.: Рус. панорама, 2003. 512 с.

[10] См.: Amtablian M. Ce Que Nous Dit le Conflit du Haut-Karabagh. URL: http://www.huffingtonpost.fr/mihran-amtablian/ce-que-nous-dit-le-confli_b_9659594.html (дата обращения: 01.07.2017).

[11] См.: Shakarian P. Why Do Neo-Cold Warriors Want Another Proxy Fight With Russia? URL: https://www.thenation.com/article/why-do-neo-cold-warriors-want-another-proxy-fight-with-russia/ (дата обращения: 01.07.2017).

[12] См.: Арутюнян В.С. Ресурсы де-факто государственности Нагорно-карабахской Республики. М.: LAP, 2014. 92 с.

[13] См.: Жирохов М.А. Меч и огонь Карабаха. Хроника незнаменитой войны. 1988—1994. М.: Центрполиграф, 2012. 304 с.

[14] См.: Помпеев Ю.А. Карабахский дневник. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2010. 416 с.

чатрян[15], В. Н. Рябцев [2], М. Д. Марджанлы[16], Э. Барри[17], М. Петихом [3], Т. Свиточовски [4] и др.

Материалы и методы. Для ситуационного анализа в основном использованы материалы средств массовой информации России, Армении, Азербайджана и других стран, в которых освещались события, связанные с конфликтом, высказывания официальных лиц, политиков, общественных деятелей.

В исследовании применялся историко-генетический метод для описания развития НКК; с позиций сравнительно-политологического и семантического методов рассматривалась специфика освещения событий в зарубежных и отечественных публикациях; аналитический метод использовался на всех этапах исследования. Привлечение метода case-study позволило проанализировать информационное противостояние. Сценарный метод привлекался для прогнозного анализа развития ситуации.

Результаты исследования. Существование конфликтных точек, подобных НК, — это мина замедленного действия, которая в любой момент может быть использована международными геополитическими игроками или спровоцирована аналогичными конфликтными ситуациями.

Истоки рассматриваемого конфликта ведут начало с утраты государственности Российской империей. Недолго, уже после российских революций 1917 г., существовала Закавказская Федерация. Основные общественно-политические группы (грузинские меньшевики, азербайджанская партия мусаватистов и армянские дашнаки) пришли к соглашению о формировании Закавказской Федерации, которая сперва стала самостоятельной от России, а 22 апреля 1918 г. официально объявила о независимости. Однако единое государство оказалось нежизнеспособным, а Закавказская Федерация вскоре распалась[18].

[15] См.: Абасов А.А., Хачатрян А.Л. Варианты решения карабахского конфликта: идеи и реальность. 38 с.

[16] См.: Марджанлы М.Д. Карабахская проблема с позиций геополитики. Аналитический ракурс. М.: Книж. дом, 2009. 40 с.

[17] См.: Barry E. «Frozen Conflict» Between Azerbaijan and Armenia Begins to Boil. URL: http://www.nytimes.com/2011/06/01/world/asia/01azerbaijan.html (дата обращения: 01.07.2017).

[18] См.: Корнелл С. Конфликт в Нагорном Карабахе: динамика и перспективы решения. URL: http://old.sakharov-center.ru/publications/azrus/az_015.htm (дата обращения: 01.07.2017).

На организованном 22 июля 1918 г. первом съезде армян Карабаха в г. Шуше было избрано собственное народное правительство, которое в сентябре того же года стало именоваться Армянским национальным советом Карабаха. Кроме того, НК объявлялся самостоятельной административно-политической единицей. Возникло противоборство армянских и азербайджанских вооруженных подразделений, которое продолжалось в регионе до установления советской власти в Азербайджане. В апреле 1920 г. вступившие в Азербайджан части одиннадцатой Армии РККА, взаимодействуя с азербайджанскими войсками, заняли территорию НК.

Декларацией от 30 ноября 1920 г. Азербайджанский временный революционный комитет предоставил НК право на самоопределение. Постановлением Кавказского бюро Центрального Комитета РКП(б) от 3 июня 1921 г. было подтверждено разрешение карабахской проблемы в пользу Армении, но окончательное решение было принято 5 июля того же года пленумом, который постановил о предоставлении НК широкой автономии и сохранении его в границах Азербайджанской ССР [1, с. 168].

Вопрос о территориальной принадлежности НК надолго перестал быть актуальным — вплоть до конца 1980-х гг.

Предтечей нового конфликта стало обращение на внеочередной сессии Советов народных депутатов Нагорнокарабахской области к Армянской ССР и Азербайджанской ССР о передаче Нагорнокарабахской автономной республики в состав Армянской ССР. Отказ властей вызвал волну протестов и митингов, которые закончились в 1991 г. началом военных действий. НК пытался получить независимость и посредством референдума, который состоялся 10 декабря 1991 г. Обрести суверенитет Карабаху не удалось, что в итоге привело к столкновению интересов Армении и желания Азербайджана удержать власть.

Полный или частичный захват семи районов Азербайджана ВС Армении и отрядами НК стал результатом военных действий в НК в 1991 — начале 1992 гг. Одновременно с этим военные действия происходили на армяно-азербайджанской границе и перешли на внутренний Азербайджан[19].

[19] См.: Ваал де Т. Черный Сад. Армения и Азербайджан между миром и войной. С. 373.

В 1994 г. в Бишкеке при содействии России, Киргизии, а также Межпарламентской Ассамблеи СНГ Армения, Азербайджан и НК подписали протокол, в основу которого легло соглашение о прекращении боевых действий. Хотя переговоры относительно мирного урегулирования армяно-азербайджанского конфликта велись еще с 1991 г., первая встреча представителей НК и Азербайджана состоялась еще в 1993 г., а с 1999 г. проходят регулярные встречи президентов Армении и Азербайджана. Одна из последних состоялась между И. Алиевым и С. Саргсяном 16 мая 2016 г. в Вене по инициативе сопредседателей Минской группы ОБСЕ[20].

За последние годы режим прекращения огня нарушается все чаще. Интерес у противоборствующих сторон все тот же: у Азербайджана — восстановление территориальной целостности согласно равновесному основополагающему международному принципу — территориальной целостности и неприкосновенности государственных границ; у Армении — признание независимости НК или присоединение к Армении на основе права наций на самоопределение.

Детонатором в случае карабахской проблемы выступила ситуация вокруг кризиса на Украине.

Президент Азербайджана И. Алиев все чаще обращается к мировому сообществу с призывами, чтобы не было двойных стандартов в отношении конфликтов на постсоветском пространстве и территориальная целостность Азербайджана должна иметь такую же ценность, как и территориальная целостность Украины, о которой сегодня все говорят. И. Алиев не раз заявлял, что у конфликта на Украине и армяно-азербайджанского одинаковый сценарий и результат — сепаратизм и оккупация. Разрешение в свое время конфликта между Арменией и Азербайджаном, возможно, предотвратило бы события на Украине[21].

В марте 2014 г. глава азербайджанской делегации в Парламентской ассамблее «Евронест» депутат Э. Сулейманов заявил, что «на фоне позиции США в связи с кризисом на Украине можно заметить ее несоответствие в связи с

[20] См.: Алиев и Саргсян: встреча в Вене на фоне обострения карабахского конфликта. URL: http://www.bbc.com/russian/news/2016/05/160516_armenian_azeri_meeting (дата обращения: 02.07.2017).

[21] См.: Если бы карабахский конфликт был разрешен, возможно, не было бы конфликта на Украине. URL: http://vesti.az/news/236216 (дата обращения: 15.07.2017).

другими незаконными актами на территориальную целостность и суверенитет государства», в частности отсутствует поддержка Азербайджана в вопросе о территориальной целостности, хотя по отношению к Украине она присутствует. Он задает ряд вопросов, в том числе «Почему нет санкций в отношении Армении?», «Почему в отношении Азербайджана демонстрируется пренебрежение?»[22]. Выход из ситуации Э. Сулейманов предлагает следующий: «Положить конец двойным стандартам и лицемерию, уважать ценности, являющиеся фундаментальными для ООН и США... продемонстрировать такую же поддержку Азербайджану, как и Украине»[23].

Представленная апелляция вовсе не случайна. Если казус Косово перестает быть уникальным в связи с «воссоединением» Крыма с Россией, по этому же пути может пойти и НК. Практика проведения референдума по карабахскому вопросу показывает, что результаты могут не порадовать официальный Баку.

Для США эскалация карабахского конфликта достаточно выгодна и даже привлекательна в политическом плане как с целью укрепления своих позиций в Закавказье, так и для ухудшения позиции России в международном сообществе.

России и странам ОДКБ, которые являются ее военно-политическими союзниками и гарантами безопасности, очередная война в Закавказье явно невыгодна. Следует также не забывать, что после вступления в ЕАЭС Армения ограничила свою военно-политическую самостоятельность. Да и геополитически она является форпостом на Южном Кавказе.

В настоящее время дан пуск противоположным «энергетическим сценариям».

В случае с Азербайджаном — «энергофорватер». Для Вашингтона очень важно обеспечить Европу и Украину альтернативным российскому газом из Ирана, Ирака, Туркменистана и Казахстана. Это возможно при развитии нефтегазовой инфраструктуры севера Ирана и его транспортировке через территории Азербайджана и Грузии в Европу. Великобритания открыто заявила о необходимости

[22] США призвали отказаться от двойных стандартов в карабахском вопросе. URL: http://news.day.az/politics/477351.html (дата обращения: 12.07.2017).

[23] Там же.

ослабления зависимости Европы от России, и с этой целью Лондон готов возглавить организацию создания альтернативных путей для поставки энергоресурсов.

Подобная риторика вызывает ответы. И. Алиев заявляет, что «в ближайшее время к энергетическим проектам “Баку — Тбилиси — Джейхан и Баку — Тбилиси — Эрзурум” должны добавиться Трансанатолийский и Трансадриатический трубопроводы», что изменит энергетическую карту Европы, будет содействовать экономическому развитию Азербайджана, способствовать реализации колоссальных проектов в регионе[24].

Вокруг Азербайджана вполне может быть выстроен новый региональный антироссийский альянс. Дж. Фридман предлагает такую модель, в которой на дальнем конце альянса будет находиться Азербайджан, расположенный на Каспийском море и граничащий с Россией и Ираном. В случае дестабилизации в Дагестане и Чечне Азербайджан будет важной страной для сдерживания джихадизма. Также Азербайджан может стать постом налаживания отношений между Западом и Ираном. Интересно, что Турция не включается в этот альянс. Это связано с ее внутренней политикой, непростыми отношениями с соседями и большой энергетической зависимостью от России. Армения, настроенная пророссийски, может усилить напряженность с Азербайджаном в НК. Раньше это имело небольшую актуальность для США, но сейчас ситуация иная[25].

Претензии по поводу «размещения в Армении российских войск» нашли свое отражение в муссировании ситуации вокруг российской военной базы в Гюмри. Вскоре после начала акции против повышения тарифов на электроэнергию отдельная часть протестующих заявила о необходимости закрытия российских баз в Армении.

Нередки случаи намеренного нагнетания обстановки со стороны отдельных персон. Примером служат заявления П. Гобла о том, что следующей целью России после разрешения кризиса на Украине станет Баку. Азербайджан отказался войти в состав Таможенного союза, и Баку играет активную роль в Транскаспийском проекте, который

[24] См.: Тарасов С. Нагорный Карабах готовится к переменам. URL: http://www.iarex.ru/articles/47319.html (дата обращения: 02.08.2017).

[25] Там же.

создается для обхода территории России и экспорта газа из Азербайджана и Центральной Азии в Европу. Москва может попытаться вернуть Баку в сферу своего влияния, используя и военное давление.

В случае с Арменией может быть применена карта «энергокризиса». 23 июня 2015 г. в Ереване полиция с применением водометов разогнала протестующих, которые участвовали в акции против повышения тарифов на электроэнергию. Азербайджанские СМИ сразу же представили это как жестокое подавление мирных протестов, агрессивные действия по отношению к своему народу и традиционно упрекнули Запад в его безмолвии по поводу разгона демонстрации. Многие политики и политологи указывают на «украинский сценарий» в Армении — те же протесты, то же их подавление. Если все получится по тому же плану, то конфликт получится еще более горячим. По заявлению И. Н. Морозова, события в Армении повторяют первый этап переворота на Украине, Армения близка к государственному перевороту. Это случится, если президент Армении не примет во внимание произошедшие события на украинском Майдане. Также отмечается, что первая фаза государственного переворота на Украине является зеркальным отражением событий в Армении. Сенатор подчеркнул, что тогда тоже перед митингующими стали выступать приезжие европейские политики, а украинская оппозиция начала взывать к сообществу Европы и отказалась от встречи с президентом В. Януковичем. В тот момент, по его словам, было очевидно, как этим сценарием управляет посольство США в Киеве[26]. Информационное агентство «Интерфакс» заявило, что 24 июня 2015 г. протестующие начали строить баррикады из урн и мусора, дабы забаррикадироваться от сил полиции.

Попытки настроить население Армении против России небезосновательны с учетом того, что акции «АрмРосгазпрома» в начале 2014 были полностью проданы «Газпрому», а ЗАО «Электрические сети Армении» является дочерней компанией ОАО «ИНТЕР РАО ЕЭС».

Для США тормозящим фактором против активного розыгрыша ситуации «Майдан vs Багратинян» может стать

[26] См.: События в Армении повторяют первую фазу переворота на Украине. URL: http://ria.ru/world/20150624/1084291802.html (дата обращения: 11.07.2017).

необходимость серьезных капиталовложений (учитывая военную помощь Украине). Действия президента США в том числе опираются на общественное мнение. Опросы, проведенные при президентстве Б. Обамы, показывают, что при сочувствии гражданам Украины все меньше налогоплательщиков поддерживают выделение военной и финансовой помощи.

В ЕС, в отличие от украинской ситуации, сегодня нет единого мнения по урегулированию НКК, и тому есть ряд причин: в ЕС не смирились с диктаторскими намерениями И. Алиева; попытки подкупить ЕС энергетическими ресурсами в карабахском вопросе не имели успеха. Яркое свидетельство этому — саммит в Риге, в коммюнике которого не нашлось места фразе о «территориальной целостности» Азербайджана.

В качестве дополнительных возможностей для эскалации ситуации вокруг Карабаха эксперты выделяют: создание новой конфликтной ситуации с Арменией на религиозно-этнической основе; муссирование в прессе тем пыток, политических заключенных и трагедии миллиона беженцев, возникших вследствие войны с Арменией; использование джихадистов, которые появились в Азербайджане не без участия Саудовской Аравии, с целью международной «борьбы с терроризмом». Так у США появится возможность вмешаться в дела региона и по сложившейся традиции выступить «искренним борцом за свободу угнетенных народов».

Не надо забывать о деятельности сторонников самоопределения Южного Азербайджана, активно поддерживаемых США и Израилем. В 2013 г. в Баку был проведен круглый стол «Вопрос Южного Азербайджана на международной арене», где прозвучали предложения о том, чтобы «власти Азербайджана предприняли шаги для победы освободительной борьбы в Южном Азербайджане»[27]. При этом многие независимые эксперты утверждают, что Запад необоснованно заявляет о якобы развивающимся сепаратизме в Северном Иране, в регионе «Южный Азербайджан». Подобные разговоры не имеют под собой оснований в силу того, что в Иране проводится сбалансированная национальная политика. Данное

[27] Джалилова Д. Азербайджан: друг или враг Ирана? URL: http://www.iran.ru/news/analytics/87401/Azerbaydzhan_drug_ili_vrag_Irana (дата обращения: 15.07.2017).

мнение подтверждает и то, что борцы за самоопределение Южного Азербайджана проживают главным образом на Западе: в США действует «Движение национального пробуждения Южного Азербайджана», в Швеции — общество иранских журналистов и писателей в изгнании PEN International, в Канаде — «Партия независимости Южного Азербайджана». Этот ресурс может быть задействован для дестабилизации ситуации в регионе.

Стоит отметить, что еще один конфликт никак не в интересах России. Если произойдет его эскалация, то ей придется делать выбор между Арменией и Азербайджаном. Наиболее приемлемый вариант для России — консервация ситуации с НКК, ибо это позволяет иметь рычаги давления по отношению и к Армении, и к Азербайджану.

Интересны выводы Н. Арманьян, опубликованные на испанском интернет-ресурсе *publico.es*. В частности, отмечается, что влияние США и ЕС в регионе ослабевает, а России увеличивается. Этот вывод основан на следующих фактах:

— не состоялся проект ГУАМ, военный союз Украины, Молдавии, Грузии и Азербайджана, т. е. филиала НАТО в данном районе. Хотя еще в 2007 г. саммит ГУАМ проходил в Баку. Тогда политика «собирания земель» азербайджанского руководства была открыто поддержана со стороны Украины и ее президента В. Ющенко, который даже выразил готовность отправить украинские «голубые каски» в зону армяно-азербайджанского конфликта;

— пятерка прикаспийских стран единогласно отказала американскому пребыванию;

— из проекта KASFOR вышел Азербайджан, который планировал в Каспийском море военно-морское сотрудничество с США;

— в связи с провокационными действиями Североатлантического альянса на Украине был перекрыт северный путь доставки военных грузов НАТО в Афганистан.

В качестве преимуществ Москвы в регионе отмечаются:

— силы быстрого реагирования на прикаспийском побережье;

— влияние в НК, 102-я военная база в Армении (Гюмри), имеющая значительное стратегическое влияние. Рекомендованное ЕС и США Турции сближение с Арменией, а также признание геноцида армян (что помогло бы вывести

Ереван из зоны влияния Москвы) усилило недоверие Азербайджана к Западу;

— возможность блокировать нефтепроводы, в том числе с территории Грузии;

— повышение значимости Туркменистана в регионе, что нанесет ущерб Азербайджану;

— совместное строительство с Турцией газопровода «Турецкий поток», через который будут реализовываться поставки газа в Европу и который составит конкуренцию газопроводу TANAP (совместный проект Азербайджана, ЕС и США)[28].

Также к числу преимуществ относится и то, что Россия разместила в Армении оперативно-тактические ракетные комплексы «Искандер».

О значимой роли России свидетельствует и поддержка именно российской инициативы (соответственно отклонение предложения экс-президента Франции Ф. Оланда) по организации встречи «Саргсян — Путин — Алиев» в Сочи (2014 г.) по поводу обострения на карабахско-азербайджанской линии соприкосновения и армяно-азербайджанской границе, где президенты Армении и Азербайджана подтвердили свои обязательства по мирному урегулированию конфликта. При этом Азербайджан закупил израильские баллистические ракеты «Экстра» и пакистанские ракеты «Хатф-4». Бывший первый заместитель министра обороны Армении Д. Тоноян вылетел в США и заявил о намерении Армении обеспечить свои вооруженные силы необходимыми видами вооружения для отражения нападения Азербайджана[29]. Помимо военных расходов, усиливается и пропаганда непримиримости, бескомпромиссности, тем более что в обеих странах выросло целое поколение с устоявшимся образом «национального врага».

Все больше дискуссий разворачивается по формату Минской группы ОБСЕ. Хотя еще в 2011 г. стороны конфликта заявляли, что не намерены уходить от этого формата, так

[28] См.: Giro en Eurasia: Azerbaiybn se Distancia de EEUU y la UE. URL: http://blogs.publico.es/puntoyseguido/2781/giro-en-eurasia-azerbaiyan-se-distancia-de-eeuu-y-la-ue/ (дата обращения: 08.07.2017).

[29] См.: Сваранц А. Нагорный Карабах и кризис российско-американских отношений. URL: http://www.noev-kovcheg.ru/mag/2014-15-16/4690.html (дата обращения: 13.07.2017).

как это общепризнанный форум переговорного процесса по урегулированию НКК[30].

Украинские события меняют лексику. В 2014 г. И. Алиев негативно высказывается о Минской группе ОБСЕ. В его заявлении делается акцент на политике двойных стандартов, в частности на невыполнении резолюций по НКК и поддержке Армении извне, по большей части от стран — сопредседателей Минской группы ОБСЕ.

Изменить формат Минской группы не раз пытались и третьи страны. Например, в 2011 г. председатель парламента Ирана А. Лариджани заявил о необходимости привлечения Ирана к этому вопросу[31]. Высказываясь о работе Минской группы ОБСЕ, эксперт Центра европейской политики в Брюсселе А. Пол подчеркивает, что переговорный процесс должен расширятся и в него должны быть вовлечены Турция и Иран, а также более активную роль должен играть ЕС[32].

При этом не нужно забывать, что Турция всегда исторически была на стороне Азербайджана. В феврале 2015 г. посол Турции в Азербайджане заявил, что Турция всегда будет поддерживать целостность Азербайджана и турецкая сторона полностью поддерживает усилия Минской группы ОБСЕ по урегулированию конфликта. В марте 2015 г. Р. Эрдоган упрекнул США и Россию в нежелании разрешить НКК, а также заявил, что не откроет границу с Арменией до восстановления территориальной целостности Азербайджана. Между Турцией и Арменией нет дипломатических отношений, а граница между странами закрыта с 1993 г. по инициативе Анкары. В итоге позиция Турции ясна — поддержка Азербайджана и восстановление его территориальной целостности. Иран также является союзником Азербайджана, и, как многократно подчеркивалось с обеих сторон, отношения стран носят дружественный характер.

[30] См.: Азербайджан не намерен менять формат Минской группы ОБСЕ по Карабаху. URL: http://www.vestikavkaza.ru/news/44341.html (дата обращения: 02.07.2017).

[31] См.: Брифинг официального представителя МИД России А. К. Лукашевича, 7 июля 2011 г. URL: http://www.mid.ru/brifingi/-/asset_publisher/MCZ7HQuMdqBY/content/id/797012 (дата обращения: 08.07.2017).

[32] См.: Формат Минской группы устарел, он должен быть расширен. URL: http://ru.1in.am/1059953.html (дата обращения: 15.07.2017).

Активные попытки стать посредником в урегулировании конфликта предпринимает Германия, заявляющая, что работа Минской группы не приносит результатов, и предлагающая себя в качестве альтернативы Минской группы ОБСЕ. В начале 2015 г. А. Меркель заявляла, что Германия желает стать посредником в урегулировании, а определенную роль в частом нарушении прекращения огня на указанной территории играет Россия[33]. Иными словами, очевидно старание Германии снизить роль России и Минской группы, хотя конкретных шагов и вариантов урегулирования германский канцлер не высказывает. Пока идет активное маневрирование вокруг организации взаимодействия и переговорного процесса.

Обсуждение и заключения. НКК продолжается уже более 20 лет. За долгое время многие ученые, политики, эксперты, дипломаты вырабатывали и предлагали разные модели решения ситуации на основе международных прецедентов.

«Закавказская конфедерация» — региональная интеграция стран Южного Кавказа при согласии России, ЕС и США. К тому же не исключалась федерализация Грузии и Азербайджана по культурно-этническому признаку.

«Выше автономии, но не государство» — этот вариант основан на развитии событий вокруг Аландских островов, которые после обретения независимости Финляндией в 1917 г. пожелали возвращения к своей древней исторической родине Швеции. В итоге Аландские острова остались в составе Финляндии, но получили настолько широкую автономию, что это приблизило острова по статусу к государственному образованию. Аландская модель предложена в декабре 1993 г. Министерством иностранных дел Российской Федерации и Финляндией. Однако тогда она подверглась критике властей НК в связи с тем, что не учитывает исторические основы и психологические последствия конфликта, который фактически идет за независимость НК от Азербайджана.

«Ассоциированное государство» — этот принцип основан на резолюции, принятой Генеральной Ассамблеей ООН в 1970 г., и Декларации о принципах международного права относительно дружественных отношений и сотрудничества между государствами № 2625[34]. По этому принципу существуют такие ассоциированные государства, как Северные Марианские острова с США, Новая Каледония с Францией, Аруба с Нидерландами и др.

На базе этого принципа Дж. Мареска, бывший специальный представитель США в переговорах по НК, 1 июля 1994 г. разработал и представил план политического решения НКК. По его сценарию, «НК должен быть полностью самоуправляемым законным образованием в суверенном государстве Азербайджанской Республики» и именоваться Нагорнокарабахской Республикой.

«Кипрская модель» — ее значение заключается в том, что это формирование (Турецкая республика Северного Кипра, а в нашем случае — Нагорнокарабахская Республика) формально никем не признается, существует и действует де-факто как таковое. Иными словами, НК никак не станет составной частью Азербайджана или Армении, не будет официально признан как самостоятельное государство, не станет членом международного сообщества, но будет существовать и функционировать как независимое государственное формирование [1, с. 10].

Однако ни один из предлагаемых вариантов не стал компромиссным и не устраивает стороны конфликта, которые по-прежнему не готовы идти на взаимные уступки, необходимые для его мирного решения.

Таким образом, рассмотрев позиции сторон, общую международную обстановку и политический фон, можно предположить, что в настоящий момент по-прежнему возможен ряд сценариев развития событий.

Сценарий «Статус-кво» — данный сценарий в условиях экономического кризиса выгоден для Армении, а также для России и стран ЕС, которые преследуют свои цели. Россия пытается проводить политику «двух стульев», сотрудничая с обеими сторонами конфликта. Великобритания вложила достаточно средств в нефтегазовую отрасль и энергетические коммуникации Азербайджана. Для Германии Азербайджан

[33] См.: Меркель заявила о стремлении Германии к роли посредника по Карабаху. URL: http://www.interfax.ru/world/419349 (дата обращения: 08.07.2017).

[34] См.: Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 15.07.2017).

важен в энергетическом секторе региона, он занимает восьмое место среди поставщиков нефти в Германию.

Азербайджану, с одной стороны, указанный сценарий не выгоден, так как сейчас на фоне украинского кризиса можно апеллировать к международной общественности и требовать прекратить политику двойных стандартов. С другой стороны, Баку понимает, что подобно Украине может оказаться в геополитической ловушке и в этих условиях наилучший вариант — присоединиться к союзу России, Казахстана и Белоруссии.

Сценарий «Скорее война, чем мир» — выгоден Америке, что позволит держать в тонусе российскую сторону и даст возможность вести закулисную игру, усиливая свои позиции в регионе. Для самих сторон конфликта это выльется в его эскалацию и достаточно быстро может перерасти в активные военные действия.

Далее в развитии событий может быть несколько вариантов: размещение российских миротворцев на линии фронта на правовой основе как гаранта безопасности Армении, размещение международных миротворческих сил, армяно-азербайджанские военные действия.

Сценарий «Военные действия» — невыгодное ни для Армении, ни для Азербайджана обострение конфликта и перерастание его в полномасштабные военные действия, которые могут затронуть большую часть Южного Кавказа. Этот сценарий не выгоден также и для России, так как отразится на российской части Кавказа и для мирового сообщества, прежде всего ЕС, поскольку нефте- и газопроводы, важные для энергобезопасности Европы, проходят недалеко от линии соприкосновения в Карабахе.

В последнее десятилетие армяно-азербайджанские встречи на высшем уровне традиционно завершаются без достижения договоренностей об основных принципах урегулирования НКК. При этом единство сторон отражается в позиции «мирное урегулирование карабахской проблемы безальтернативно» (С. Сарсян) и «война не закончилась... завершился лишь первый ее этап» (И. Алиев)[35]. Мировое сообщество в лице ЕС заявило о единственном пути решения проблемы — мирном, эта позиция в какой-то степени отражает

[35] См.: Конфликт будет длиться вечно. URL: http://vz.ru/politics/2009/2/12/255837.html (дата обращения: 08.07.2017).

интересы России. Как показывает политическая практика, США активно играют на одном направлении (сегодня это Украина) и не готовы оказывать повсеместную помощь, а понятие «союзники» для них весьма вариабельно.

Таким образом, каждый из существующих на сегодняшний день вариантов решения НКК имеет свои достоинства и недостатки, причем последних гораздо больше. Иными словами, любой сценарий не сможет максимально учесть интересы всех сторон и вызовет больше негативных последствий, а не позитивных изменений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Шукюров К. К вопросу об автономизации Нагорного Карабаха: уроки истории // Кавказ и глобализация. 2008. № 2. С. 160—172. URL: https://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-2/13.shtml (дата обращения: 01.07.2017).

2. Рябцев В.Н. Переговорный процесс по Нагорному Карабаху в современных условиях: адекватен ли его формат // Философия права. 2009. № 4. С. 60—66. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/peregovornyy-protsess-po-nagornomu-karabahu-v-sovremennyh-usloviyah-adekvaten-li-ego-format (дата обращения: 01.07.2017).

3. Petithomme M. L'état de Facto du Haut-Karabagh Arménien. Entre Démocratisation en Trompe-l'oeil et Ethnicisation. Revue Internationale et Strategique. 2013. Vol. 89, Iss. 1. Pp. 30—39. DOI: https://doi.org/10.3917/ris.089.0030

4. Swietochowski T. Azerbaijan: Perspectives from the Crossroads // Central Asian Survey. 1999. Vol. 18, Iss. 4. Pp. 419—434. DOI: https://doi.org/10.1080/713656170

Заявленный вклад авторов:

ДЕСЯЕВ Дмитрий Геннадьевич — подготовка начального текста статьи, поиск аналитических материалов.

НАПАЛКОВА Ирина Геннадьевна — научное руководство, формулировка выводов, окончательная доработка текста статьи.

Для цитирования: Десяев Д.Г., Напалкова И.Г. Нагорнокарабахский конфликт: цепная реакция на фоне украинских событий // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 9—27. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.9-27

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

D. G. DESYAEV, I. G. NAPALKOVA. THE NAGORNO-KARABAKH CONFLICT: A CHAIN REACTION AGAINST A BACKGROUND OF THE EVENTS IN UKRAINE

Key words: region; Nagorno-Karabakh; conflict; Armenia; Azerbaijan; Ukraine; conflict escalation; territorial integrity; right of nations to self-determination

Introduction: the events in Ukraine have influenced the aggravation of the frozen Nagorno-Karabakh conflict, which is an alarming situation for Russia and the European Union. The Nagorno-Karabakh conflict is one of the fiercest territorial disputes in the post-Soviet space. In 1994, the Bishkek Protocol came into force, which put an end to the bloodshed. Since August 2014, the escalation of the conflict has begun which can lead to a chain reaction and go beyond the South Caucasus, which will adversely affect the security of the entire region. The crisis in Ukraine exacerbated the Armenian-Azerbaijani confrontation: the number of clashes has increased and calls for a military solution to the dispute has begun to be made more and more often on both sides.

Materials and Methods: works by experts on the Nagorno-Karabakh conflict as well as statements by officials, politicians and public figures were used as research materials. The study uses the comparative political science method, the semantic and the scenario ones, etc.

Results: the impact of the Ukrainian crisis on the Nagorno-Karabakh conflict was analyzed. The degree of interest of the parties in its escalation was studied as well as the impact on the conflict of the countries concerned. The failure of the Minsk Group to settle the conflict was exposed.

Discussion and Conclusions: possible scenarios for the development of the conflict were developed. These scenarios clearly reflect the positive and negative factors for the warring parties.

REFERENCES

1. Shukyurov K. [On Autonomy for Nagorno-Karabakh: Lessons of History]. *Kavkaz i globalizacija* = The Caucasus&Globalization. 2008; 2:160—172. Available at: https://www.ca-c.org/c-g/2008/journal_rus/c-g-2/13.shtml (accessed 01.07.2017). (In Russ.)

2. Ryabtsev V.N. [Negotiations Process of Nagorny Karabah Undermodern Conditions: if its Format is Adequate]. *Filosofija prava* = Philosophy of Law. 2009. 4:60—66. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/peregovornyy-protsess-po-nagornomu-karabahu-v-sovremennyh-usloviyah-adekvaten-li-ego-format (accessed 01.07.2017). (In Russ.)

3. Petithomme M. L'état de Facto du Haut-Karabagh Arménien. Entre Démocratisation en Trompe-l'oeil et Ethnicisation. *Revue Internationale et Strategique*. 2013; 1(89):30—39. DOI: https://doi.org/10.3917/ris.089.0030

4. Swietochowski T. Azerbaijan: Perspectives from the crossroads. *Central Asian Survey*. 1999; 4(18):419—434. DOI: https://doi.org/10.1080/713656170

Contribution of the authors:

Dmitry G. Desyaev — writing the initial version of the text of the article, search for analytical materials.

Irina G. Napalkova — academic advising, drawing conclusions, final revision of the text of the article.

About the authors:

Dmitry G. Desyaev, Student Pursuing a Master's Degree, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* exprise@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-4353-4400.

Irina G. Napalkova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at the Department of World History, Political Science and Regional Studies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* zamisi@yandex.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-3896-1600.

For citation: Desyaev D.G., Napalkova I.G. The Nagorno-Karabakh Conflict: a Chain Reaction against a Background of the Events in Ukraine. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):9—27. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.9-27

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 11.09.2017.

Политическое пространство региона / Political space of a region

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 329(497.5)
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

А. С. ЕЛСАКОВ

ОСНОВНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ПАРТИЙНОЙ СИСТЕМЫ ХОРВАТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

Ключевые слова: Хорватия; партийная система; многопартийность; политические партии; идеологические измерения; действительное число партий; электоральная волатильность; поляризация партийной системы; идеологический центр притяжения

Введение: После «бархатных революций» 1989 г. блоковое идеологическое противостояние в Европе прекратилось и произошел демонтаж коммунистических режимов в государствах Центральной и Восточной Европы. Новая среда, в которой оказались страны, отмечена процессами демократического транзита и внедрением рыночной экономической системы. В случае с Хорватией эти обстоятельства дополнительно отягощались необходимостью построения независимого государства в условиях вооруженного конфликта, что явилось серьезным испытанием для населения и политических элит. Указанные события оказали влияние как на политическую повестку дня того времени, так и на партийные предпочтения избирателей. Данная статья является попыткой осветить основную динамику современной партийной системы Хорватии и определить ее характерные особенности, отражающие направления ключевого межпартийного соревнования в системе. Это особенно интересно в условиях отсутствия консенсуса в академической среде по поводу различий между партийными системами государств Западной и Центрально-Восточной Европы как относительно уровня институционализации их партийных систем государств ЦВЕ, так и природы и выраженности основных политических расколов в их политических системах.

Материалы и методы: для анализа партийной системы Хорватии использовались три основных критерия: количество акторов в системе, степень поляризации партийной системы и масштабы ее открытости или закрытости. При установлении эффективного числа партий в хорватской партийной системе применялся соответствующий индекс Лааксо и Таагеперы; показатель общей электоральной волатильности Педерсена

ЕЛСАКОВ Антон Сергеевич, аспирант кафедры европейских исследований Санкт-Петербургского государственного университета (199034, Россия, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., 7—9) (*e-mail:* anton.elsakov@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1153-0360

© Елсаков А. С., 2018

позволил выявить уровень укорененности политических партий в обществе; агрегированные данные, относящиеся к дистанции между основными акторами в системе в соответствии с подходом Сиароффа, использовались для измерения уровня концентрации партий в партийной системе. Для определения степени идеологической поляризации партийной системы и основного средоточия программного соревнования в ней были применены соответствующая методология измерения масштабов поляризации в партийной системе Сигельмана, а также модель идеологического центра притяжения партийной системы Гросса и Сигельмана. Для выявления масштабов открытости или закрытости партийной системы был использован подход, предложенный Мэром, где обращается внимание на наличие или отсутствие возможности для каких-либо партий принимать участие в формировании правительства, что связано с присутствующей в системе преобладающей коалиционной динамикой. Для того чтобы вести речь о длительных тенденциях в хорватской партийной системе, мы проводим различие между партийной системой как более или менее продолжительном развитии ее основной динамики и паттерном партийной системы как о ее временном состоянии, поэтому были использованы данные по пяти избирательным циклам с 2003 по 2016 г. Итоговая классификация партийной системы Хорватии сделана не только на основе количества релевантных для системы акторов, но и с учетом как уровня идеологической поляризованности партийной системы, так и наличия или отсутствия в системе определенных идеологических кластеров.

Результаты исследования: данные о количестве и относительной силе акторов системы (действительное число партий), а также степень партийной концентрации в ней указывают на существование двух групп партий в хорватской партийной системе. Без какой-либо из партий, входящих в первую группу лидеров, составление правительства невозможно, в то время как вторая группа может в лучшем случае лишь иметь неплохой коалиционный потенциал для вхождения в состав правительства. В качестве временного явления возможно возникновение классической «третьей» партии в системе, которая оказывается в позиции решающего актора в определении того, какая из двух ведущих будет находиться у власти. Двое последних парламентских выборов указывают на тенденцию появления подобной партии в системе, однако этот временной период все же недостаточен для того, чтобы говорить о «двух-с-половиной-партийности» как об устойчивой тенденции, поэтому общая основа партийной системы Хорватии остается ограниченно многопартийной, где акторы по своей относительной силе в достаточной степени равномерно распределены внутри этих партийных эшелонов. Хорватская партийная система в средней степени идеологически поляризированная, при этом степень поляризации по экономическому измерению ниже, чем средняя, а позиции большинства партий по социально-экономическим вопросам довольно размыты, что в общем и целом является общим местом для посткоммунистических партийных систем. Соответственно, ценностное идеологическое измерение доминирует в партийной системе, и по нему программные позиции

партий оказываются в большей степени определенными. Идеологический центр притяжения системы располагается в центре партийного спектра, что делает основные паттерны межпартийного соревнования в системе стабильными, без значимых скачков в протекании политического процесса. Общая электоральная волатильность системы достаточно умеренна, что указывает на то, что акторы системы имеют свои более или менее постоянные электораты, тогда как волатильность отдельных акторов системы свидетельствует о ее четком кластерном характере, происходящем внутри двух блоков партий. Стабильность властных формул в системе, преимущественно полная смена участвующих в правительстве коалиций в случае прихода к власти новой группы партий, а также ограниченность реальной возможности влияния на правительственную политику для конкретного круга партий делают характер партийной системы Хорватии в большой мере закрытым в контексте стабильности межпартийного соревнование за возможность участия в правительстве.

Обсуждение и заключения: анализ партийной системы Хорватии показал, что она может быть классифицирована как умеренно поляризованная ограниченно многопартийная система с биполярным характером соревнования между двумя основными блоками партий, которые главным образом организованы по ценностному (культурному) идеологическому измерению. Две крупнейшие партии системы, занимающие левоцентристские и правоцентристские позиции по этому измерению, обычно выступают в качестве центров притяжения для остальных. В то же время позиции основных партий по социально-экономическим вопросам не сильно различаются, следовательно, культурное измерение в партийной системе не имеет подавляющего доминирования над экономическим. При этом этническое и внешнеполитическое измерения не являются для хорватской партийной системы сколько-нибудь релевантными, и по этому параметру она отличается от партийных систем большинства ее соседей по региону Западных Балкан. Значимости культурного идеологического измерения для хорватской политии способствовали как структурные расколы, начавшие влиять на формирование партийных систем в Европе еще задолго до Второй мировой войны, так и природа политического режима второй половины XX в., а также вооруженный конфликт, сопровождавший процесс возникновения независимого хорватского государства после 1991 г. В настоящий период партийная система Хорватии отражает достаточно сбалансированный характер взаимодействий между ее элементами. Совокупная стабильность паттернов межпартийного соревнования в партийной системе, происходящих между двумя основными блоками, говорит о схожести хорватской партийной системы с теми партийными системами государств Центральной и Восточной Европы, для политий которых характерно наличие идентичных социальных расколов.

Введение. После «бархатных» революций 1989 г. и прекращения биполярного соревнования между двумя блоками (капиталистического Запада и социалистического Востока)

на европейском континенте как внутриполитическая, так и международная политическая обстановка, в которой оказались государства Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ), изменилась коренным образом. Внутриполитическая жизнь стран региона стала развиваться в совершенно другом ключе, нежели это происходило ранее. Страны ЦВЕ столкнулись с вызовами периода демократического транзита, когда общественные и политические институты были вынуждены действовать во многом в новых для них условиях идеологического плюрализма и многопартийности. Кроме того, эти государства резко изменили социально-экономическую модель своего развития, осуществляя свою хозяйственную деятельность в условиях рыночной экономики. На это наложились болезненные для населения перемены, сопровождавшие рыночные реформы, что во многом изменило социальную стратификацию населения и уровень жизни большей ее части. Соответственно, это не могло не отразиться на актуальных для населения вопросах политической повестки дня и на их партийных предпочтениях.

В международном плане произошло изменение самой геополитической парадигмы, и государства ЦВЕ провозгласили свою принадлежность к «западному сообществу». В практическом отношении это выразилось в политической ориентации на усиленное взаимодействие с западными странами и начале процесса интеграции в Европейский Союз, а логическое завершение приобрело в середине 2000-х гг. с формальным вступлением в ряды ЕС. В ряде стран ЦВЕ перечисленные вызовы новейшего периода их истории наслоились на проблему построения нового независимого государства (или возобновления независимости некогда существовавшего), что само по себе является фактором, оказывающим влияние на формирование оси политического соревнования. В случае с Хорватией ситуация отличается от общего тренда развития государств ЦВЕ тем, что на территории значительной части бывшей Югославии (СФРЮ) происходил вооруженный конфликт с соседями по бывшему единому государству. Поэтому вопрос построения независимого государства, его новой позиции в международном сообществе и отношений с соседями по региону стоял для этого государства особенно остро, что также внесло свой вклад в формирование дискурсивных рамок протекания политического процесса, который получил свои особенности.

Так как партийная система любой страны является, помимо прочего, еще и отражением доминирующей повестки дня жизни общества и государства (исходя из такой функции политических партий, как агрегация и артикуляция общественной значимых интересов), то представляется крайне актуальным определить, каково современное состояние партийной системы Хорватии по прошествии двадцати пяти с лишним лет с момента начала кардинальных перемен в ЦВЕ и более двадцати лет с момента начала мирного развития хорватской государственности после распада бывшей Югославии, когда Хорватия уже несколько лет является членом ЕС и НАТО. Это представляется особенно важным в свете непрекращающихся дискуссий в мировом политологическом сообществе по поводу стабильности партийных систем новых независимых государств (или государств «третьей волны» демократизации, последовавшей за ее «второй волной» после трансформации тоталитарных политических режимов начала второй половины XX в.).

Обзор литературы. При анализе партийных систем посткоммунистических государств ЦВЕ в литературе внимание обращается на ряд параметров.

Я. Зелиньски, в частности, отмечает важность первых выборов непосредственно после начала процессов демократизации конца 1980-х — начала 1990-х гг. для определения формата партийных систем посткоммунистических государств в дальнейшем. Эти выборы, по его мнению, были способны повлиять на то, какие политические разделения станут впоследствии релевантными для партийной системы [1]. Ссылаясь на модель социальных расколов С. Липсета и С. Роккана [2] как структурных оснований, законсервировавших партийные системы стран Западной Европы после промышленной и национальной революций и определивших их формат на долгие годы вперед, Я. Зелински утверждает, что транслирование существовавших в государствах ЦВЕ до Второй мировой войны социальных расколов в партийные системы зависело от того, какие политические партии победили на первых после введения многопартийности выборах, поскольку, по его мнению, именно преуспевшие на первых выборах политические акторы определили ось основных политических конфликтов на долгие годы вперед. Отмечая, что после «замораживания» партийных систем

возникновение новых социальных расколов проблематично, он все же допускает возможность того, что такие расколы, оставаясь латентными, будут потенциально релевантными для партийных систем. В контексте стран ЦВЕ, по его мнению, это означает, что политическая значимость классового конфликта, вероятно, будет ниже, чем в Западной Европе.

На важность структурных условий, выраженных в социальных идентичностях индивидов и социальных групп, для определения основных направлений межпартийного соревнования указывают Дж. Эванс и С. Уайтфилд [3]. Например, сопоставляя основные характеристики партийных систем, возникших в независимых Чехии и Словакии, они отмечают множество различных черт, присущих этим системам, несмотря на то, что недавно эти государства существовали в качестве одного (Чехословакии). Эти различия, как указывают ученые, основаны на различающихся форме и содержании основных вопросов, определяющих ориентацию избирателей.

Г. Тока и А. Хеняк описывают различия по ряду ключевых параметров между партийными системами самих государств ЦВЕ уже в XXI в., по прошествии немалого времени с момента начала демократического развития. В частности, они отмечают большую стабильность партийных систем Чехии и Венгрии (где в первом случае доминирующим является экономическое лево-правое измерение в партийной системе, а во втором случае оно практически не выражено, и доминирует культутрно-ценностное измерение) в сравнении с более фрагментированными и менее стабильными партийными системами Польши и Словакии, в чьих партийных системах содержание лево-правого измерения равномерно коренится в религиозно-секулярных и социоэкономических вопросах [4].

Постоянное появление в партийных системах новых акторов вследствие регулярного возникновения новых партий, партийных расколов и слияний, регулярные изменения политических профилей определенных партий, а также высокие показатели электоральной волатильности в качестве критериев крайней нестабильности партийных систем стран посткоммунистической Европы приводит Э. Иннес [5]. Характер преобладания в избирательных стратегиях партий вопросов, актуальных непосредственно на момент электо-

ральной кампании, а не устойчивых программно-идеологических позиций она объясняет условиями беспрецедентных по масштабу ограничений для маневра партий, в которых оказались государства ЦВЕ в недавнем прошлом. Эти условия она определяет как внутренние (безусловный императив проведения экономических реформ, где концепция рыночного либерализма практически не ставилась под сомнение релевантными политическими акторами) и внешние (прямое и косвенное влияние международного окружения, выражающееся в необходимости соответствовать как правилам и нормам международных экономических организаций, так и тенденциям, присутствовавшим в ЕС, членство в котором было первичной целью для стран ЦВЕ).

М. Касапович отмечает важность выбранного пути трансформации от коммунистического режима к демократическому. Соотношение сил между двумя категориями политических акторов, сыгравших наиболее заметную роль в начальных фазах политической либерализации и демократизации коммунистических режимов (старых коммунистических элит и новых антикоммунистических элит), определяет три типа изменения политической системы. В директивной модели демократической транзиции доминирующую роль сыграла старая элита, в переговорной транзиции роль старых и новых элит была сбалансирована, тогда как в случае капитуляции новые политические элиты имели главенствующую роль. Также ученый указывает на важность выбора формы правления для протекания политических процессов в начальный период перехода к демократии, в том числе в партийной системе государства, что может прямым образом влиять на избирательную систему. В частности, в случае с Хорватией она отмечает характерную для этой страны роль избранной в начале 1990-х гг. полупрезидентской модели [6].

С. Новосел отмечает отсутствие в должной мере программной составляющей в соревновании между акторами в партийной системе Хорватии в 1990-е гг., где связи между избирателями и их политическими представителями были крайне слабы и не основывались на выраженных интересах социальных групп. При этом клиентелистские практики, используемые руководящими органами политических партий, в существенной степени затрудняли развитие подобных связей, что также негативно отразилось на стабильности и

предсказуемости протекания политических процессов. Но она вполне допускала, что с течением времени и по мере прохождения нескольких избирательных циклов подобная ситуация может измениться [7].

М. Тавитс приходит к следующим результатам: во-первых, сразу после смены режима после 1989 г. электоральная волатильность партийных систем стран ЦВЕ увеличивается, однако потом тенденция становится обратной по прошествии времени с момента начала демократических преобразований; во-вторых, этнические расколы не влияют на стабильность электоральных процессов, тогда как социальные воздействуют на электоральную стабильность, но только в момент экономических спадов и кризисов; в-третьих, как в целом общественные институты, так и непосредственно уровень экономического благосостояния населения влияют на стабильность партийной поддержки, однако воздействие последнего уменьшается со временем по мере взросления демократии. М. Тавитс в целом отмечает доминирование социально-экономических вопросов над этническими в межпартийном соревновании посткоммунистических стран, так как в условиях неблагоприятного экономического положения граждан они значимы для избирателей [8].

Д. Доленец указывает на роль вооруженного конфликта в бывшей Югославии, который способствовал недопредставленности социоэкономического измерения на парламентской арене партийной системы. При этом, по ее мнению, в принципе социальная структура хорватского общества в целом могла бы приводить к присутствию данного социального разделения в партийной системе государства, и, следовательно, еще до начала 2000-х гг. это обстоятельство теоретически могло бы способствовать большему проявлению экономического измерения в хорватской партийной системе. Между тем этого не происходит благодаря наличию ограничений внутреннего и внешнего характера, существующих для политических акторов, которым в этих условиях не имеет смысла актуализировать данный раскол в виде несущих для партийной системы политических разделений. В качестве подобных внутренних ограничений отмечаются роль исторического наследия коммунистического периода и необходимость для правящих акторов следовать неолиберальной модели экономического развития, как внешние

ограничения выделяются влияние процесса европейской интеграции в широком смысле и общие рамки включенности в глобализационные процессы экономического характера (аргументы, сильно перекликающиеся с утверждениями Э. Иннес о сильных структурных ограничениях для акторов, касающихся выбора ими доступных стратегий поведения в партийной системе) [9].

М. Спирова среди факторов, влияющих на выбор электоральных стратегий посткоммунистическими политическими партиями, называет такие, как программные позиции партий и плотность расположения акторов в идеологическом спектре, прямые и косвенные барьеры избирательной системы, размеры финансирования, доступного для политических партий, прогнозируемую электоральную волатильность, а также членство партий в европейских партийных федерациях и консультативное содействие с их стороны. В ситуации с партийными системами стран ЦВЕ на выбор электоральных стратегий не влияют особенности партийной организации [10].

В. Рэндалл и Л. Свосанд считают, что вряд ли могут существовать единые критерии того, какие конкретные свойства партийных систем окажутся наиболее эффективными для стабильного функционирования демократической системы и для того, чтобы произошла окончательная институционализация партийной системы (являются ли этими критериями идеальное число партий в системе, степень ее идеологической поляризации, наличие доминантных тенденций в партийной системе, а также преобладание тех или иных социальных расколов). Однако они отмечают слабость и невыраженность социальной основы связей между партиями и их электоратом, что мешает возникновению четкого программного соревнования. Соответственно, по их мнению, партийная идентичность, базирующаяся на отдельных этнических или культурных группах населения, особенно препятствует институционализации партийных систем в целом [11].

На негативную роль электорального инжиниринга указывает С. Врцан, говоря о широко применявшихся в 1990-е гг. в Хорватии практиках изменений электорального законодательства, избирательных порогов, органов, ответственных за проведение выборов и надзор за ними, правил подсчета голосов, избирательных округов, прав национальных меньшинств на представленность их политических партий в

парламенте и т. д. Он отмечает негативную для стабильного функционирования партийной системы роль президентской власти в тот период, в частности вмешательство в проведение выборов локального уровня, например необходимость подтверждения избранных руководителей локальных администраций президентом страны [12].

Между тем Г. Чулар считает, что хорватская партийная система уже к середине 1990-х гг. вступает в фазу стабилизации со сравнительно упорядоченными межпартийными отношениями. В то время как в 1990-е гг. партийная система Хорватии имела полностью доминантный характер, где преобладало Хорватское демократическое содружество, после выборов 2000 г. наблюдается кардинальное реструктурирование системы с отходом от доминантного типа партийной системы. Также Г. Чулар особо отмечает доминирование в партийной системе территориально-культурного и идеологическо-культурного раскола, определяющего основной вектор протекания межпартийного соревнования [13].

Материалы и методы. Дж. Сартори понимал партийную систему как «структуру политического пространства, имеющую определенные, четко сложившиеся пути взаимодействия ее составных частей», при которой «партии составляют систему только тогда, когда они являются частями единой системы, и лишь при таких условиях партийная система является системой взаимодействий, вытекающих из межпартийного соревнования» [14]. Соответственно, для анализа партийных систем, согласно Дж. Сартори, необходимо установить ключевые параметры, которые определяют как сам механизм функционирования партийной системы, так и те направления, по которым он развивается.

Анализ партийной системы Хорватии производился с использованием трех основополагающих критериев: количества релевантных элементов партийной системы и степени стабильности их результатов во времени; масштабов ее идеологической поляризованности; наличия устойчивых тенденций коалиционного образования и участия партий в правительстве. Первым критерием являлось число релевантных партий, т. е. партий, значимых для функционирования партийной системы. Количество элементов системы важно потому, что это влияет не только на широту выбора, который открывается перед избирателями, но и на формирование

правительства и в целом ту среду, в которой протекает деятельность политических партий в системе. Особенно это актуально для стран с парламентскими формами правления, к которым и относится Республика Хорватия, поскольку в этом случае партийная система будет наиболее полно отражать протекание политических процессов как основную динамическую характеристику всей политической системы в целом. С целью выявления основных характеристик партийной системы в этом отношении мы использовали индекс действительного числа партий, разработанный М. Лааксо и Р. Таагеперой [15], а также определили степень электоральной неустойчивости системы согласно подходу М. Педерсена [16]. Кроме того, агрегированные показатели концентрации политических акторов в партийной системе государства, в соответствии с методикой А. Сиароффа [17], применялись для установления наличия или отсутствия элементов доминантности в системе.

Вторым критерием для анализа хорватской партийной системы стала степень поляризации, в частности является ли соревнование внутри конкретной партийной системы однополярным (центростремительным), биполярным или многополярным (центробежным), что в совокупности отражает стержневые направления межпартийного соревнования, поскольку партийная система любого государства во многом есть отражение доминирующего в нем внутриполитического и внешнеполитического дискурса. Для этого был установлен идеологический центр притяжения партийной системы по методологии Д. Гросса и Ли Сигельмана [18], на основании чего была определена идеологическая поляризованность системы в варианте, предложенном Л. Сигельманом и С. Нам Ё [19]. В то время как при измерении численности и силы элементов партийной системы мы имеем дело с информацией об относительной силе политических партий в системе (выражаемой в доле полученных ими голосов или занимаемых ими мест в парламентах своих стран), данный аспект исследования партийных систем анализирует политические партии как структуры представительства. Измерение степени поляризации партийной системы подразумевает учет присутствующих в партийной системе ценностных ориентиров, выраженных политическими партиями, т. е. в данном аспекте политические партии рассматриваются как

структуры артикуляции политических позиций в обществе, а сама партийная система — как динамическая характеристика происходящих в системе процессов в форме конкуренции различных программно-идеологических позиций.

Для определения идеологического центра притяжения партийной системы, а также степени ее поляризации были выставлены оценки для каждой из парламентских политических партий, от 1 (крайне левая партия) до 10 (крайне правая партия) по двум разновидностям «лево-правого» измерения — классического (экономического) и постматериалистического (ценностного) на основе анализа их основных программных документов. Аналогичная методика регулярно применяется для рабочих классификаций политических партий при установлении ряда параметров партийной системы (например, степень ее идеологической поляризации) в целях оперирования удобными для проведения исследования числовыми показателями [см., напр., 20]. Кроме того, приписывание каждой партии в системе некоторых числовых значений в смысле ее программно-идеологической ориентации очень часто используется при анализе тех или иных свойств партийной системы путем проведения экспертных опросов.

Третьим критерием анализа партийной системы Хорватии было определение степени открытости или закрытости партийной системы в соответствии с методикой, использовавшейся П. Мэром [21], как характеристики реальной возможности для акторов системы принимать участие в правительстве, наличия или отсутствия устойчивых тенденций в образовании предвыборных или поствыборных коалиций. Здесь речь идет как о существующих сдержках и системных ограничениях, в условиях которых акторы действуют в системе, так и об осознанно избираемых акторами стратегиях своего поведения в системе, которые могут обуславливаться их относительной силой, программными установками и т. д. Данный критерий позволяет делать вывод об открытости или закрытости структуры партийной системы в контексте доступа ее акторов к распределению правительственных должностей и, соответственно, о преобладающей схеме, по которой развивается партийное соревнование в борьбе за участие в правительстве.

Анализ партийной системы Хорватии производился на основе данных по пяти избирательным циклам (с 2003 по

2016 г.), чтобы иметь возможность вести речь именно о присутствии тенденций как устойчивых характеристик партийной системы, т. е. о более или менее повторяющемся во времени стиле межпартийного соревнования, а не всего лишь о некотором временном состоянии или паттерне развития партийной системы (например, А. Сиарофф полагает, что для того чтобы вести речь о некоторых устойчивых тенденциях, необходимо наблюдение за состоянием партийных систем на протяжении минимального периода, равного трем избирательным циклам [17]).

Наконец, классификация партийной системы проводилась нами в соответствии с моделью, применяющейся С. Уолинецом, которая учитывает не только количество значимых для системы акторов, чем очень часто ограничивается большинство типологизаций партийных систем, но и принимает во внимание масштаб идеологической поляризации партийной системы, а также наличие или отсутствие тенденций группирования ее акторов в отдельные блоки (кластеры), что оказывает существенное воздействие на динамику протекающих в системе процессов [22].

Результаты исследования. Как указывалось в предыдущем разделе, первым широким критерием для анализа партийных систем в современной политической науке является определение количества значимых для системы акторов. Число релевантных для партийной системы государства партий крайне важно, поскольку может оказывать влияние на основные тенденции протекания процессов на парламентском уровне партийной системы (например, какое число возможных комбинаций создания правящих коалиционных объединений будет доступно акторам системы, каким образом будет распределяться удельный вес отдельных политических субъектов в образованных коалициях и т. п.), что будет воздействовать и на процессы правительственного уровня партийной системы (например, длительность существования того или иного правительства в зависимости от разницы в силе составляющих его политических партий). Для опредения количества релевантных акторов в хорватской партийной системе, т. е. акторов, способных значимым образом оказывать влияние на протекание политических процессов в партийной системе, в политической науке наиболее широко используется индекс действительного числа

партий, разработанный М. Лааксо и Р. Таагеперой [15]. Значения действительного числа партий для партийной системы Хорватии представлены в табл. 1. Существуют два варианта данного индекса — действительное число электоральных партий и действительное число парламентских партий. Первый рассчитывается на основании долей полученных партиями голосов избирателей и формально имеет отношение к электоральному уровню партийной системы, второй — к парламентскому, так как рассчитывается на основании долей полученных партиями мест в парламенте. Однако две разновидности этого индекса взаимосвязаны, поскольку рассчитываются на основании результатов, показанных акторами в результате одного и того же политического события (выборов) с тем, что электоральные данные для расчета второй разновидности индекса преломляются посредством воздействия избирательной системы. В этом контексте возможно разнообразное влияние избирательной системы на окончательное распределение мест в парламенте между партиями, но значение индекса действительного числа парламентских партий всегда будет меньше аналогичного значения для электоральных партий. Кроме того, поскольку для партийной системы Хорватии весьма характерна подчас большая разница между количеством политических субъектов, прошедших в парламент на момент его созыва по итогам выборов, и их количеством в конце созыва легислатуры, мы определили два действительных числа парламентских партий — начальное и конечное для демонстрации свойственных ее партийной системе процессов увеличения числа парламентских партий уже в период деятельности парламента, так называемой «невыборной парламентаризации».

Показатели действительных чисел рассчитываются по следующим формулам:

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^{n} Vi^2}, \quad (1)$$

где V — доля голосов партии i (для действительного числа электоральных партий);

$$\frac{1}{\sum_{i=1}^{n} Si^2}, \quad (2)$$

где S — доля мест партии i (для действительного числа парламентских партий).

Таблица 1

Действительное число партий в партийной системе Хорватии[1]

Год выборов в легислатуру	ENPP; начальное действительное число парламентских партий	ENPPf; конечное действительное число парламентских партий	ENEP; действительное число электоральных партий
2003	3,56	4,42	5,40
2007	3,07	3,28	4,09
2011	2,62	4,44	4,43
2015	3,26	5,10	3,94
2016	3,31	4,92	3,83

После парламентских выборов 2003 г. в партийной системе Хорватии доминировали две крупнейшие партии — Хорватское демократическое содружество (ХДС) и Социал-демократическая партия (СДП) (которая вышла на выборы в составе коалиции с Партией либеральных демократов (ЛИБРА), Либеральной партией (ЛП) и Истрийским демократическим собранием (ИДС), все из которых являлись меньшими коалиционными партнерами), вместе получившие более 50 % голосов избирателей и более 70 % мест в парламенте. Учитывая это, можно было вести речь о том, что в партийной системе существовал четкий «первый эшелон» партий (ХДС и СДП), сильно отстоящий от других партий системы. Однако показатели действительных чисел партий системы не указывали на четкую тенденцию двухпартийного доминирования в системе: действительное число электоральных партий было равно 4,42, а начальное действительное число парламентских партий 3,56. Дело в том, что, помимо двух крупнейших партий, еще три имели около 10 (из 152 мест в парламенте) мандатов каждая — Хорватская народная партия (ХНП), Хорватская крестьянская партия (ХКП) и Хорватская партия права (ХППр), образуя «второй эшелон» партий системы по своему численному присутствию в ней, которое, тем не менее, все же было недостаточным для того, чтобы приблизиться по своему относительному весу к первым двум партиям. При этом ни одна из двух

[1] Наши вычисления на основе методологии М. Лааксо и Р. Таагеперы [15] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.

сильнейших партий не обладала достаточным числом мест (и даже не была близка к нему), чтобы вести речь о доминантных чертах партийной системы. Соответственно, для формирования правительства в подобной системе необходимо создание коалиций, а поскольку в этой легислатуре по итогам выборов существовали еще партии, которые имели около трех мест каждая — Хорватская социально-либеральная партия (ХСЛП) вместе с Демократическим центром (ДЦ), а также Хорватская партия пенсионеров (ХПП), и которые потенциально могли стать коалиционными партнерами для крупнейшей партии — ХДС, то роль ХНП, ХКП и ХППр не может считаться типичной ролью «третьей партии», характерной для трехпартийных систем [23], которая бы находилась в позиции решающего фактора при определении того, кто будет формировать правительство. В итоге правительство и было сформировано как коалиционное, но минимально выигрышное (поддержку крупнейшей партии дали именно наиболее малые партии вместе с депутатами от национальных меньшинств).

После выборов 2007 г. действительное число электоральных партий составило 4,09, а начальное действительное число парламентских партий — 3,07. Показатели действительных чисел здесь значительно ниже, чем в предыдущей легислатуре, что отразило состояние вещей по итогам парламентских выборов. Две крупнейшие партии, ХДС и СДП, вместе набрали еще больше голосов, чем в 2003 г. Но на этот раз СДП вышла на выборы самостоятельно, а во втором эшелоне партийной системы оказались не три, а две политические силы — ХКП (шедшая на выборы в коалиции с ХСЛП и двумя миноритарными партнерами — Загорской демократической партией и Приморско-горанским союзом) и ХНП. Соответственно, для формирования правительства существовали аналогичные 2003 г. условия, и правительство в итоге было сформировано по схожей схеме: поддержку ХДС дали ХСЛП, ХПП с представителями национальных меньшинств и на этот раз партия из второго по значимости эшелона — ХКП. Показатель конечного действительного числа парламентских партий также гораздо ниже, чем в предыдущем созыве парламента Хорватии, — 3,28, и не сильно отличается от начального действительного числа парламентских партий, поскольку в период этого созыва

Сабора не было значимых для системы колебаний в относительной силе ее единиц (возникли лишь две новые партии — Лейбористы и Социалдемократы, каждая из которых имела лишь по одному депутату).

По итогам выборов 2011 г. индекс действительного числа электоральных партий в хорватской партийной системе был равен 4,43, а индекс начального числа парламентских партий — 2,62. В период этой легислатуры снова очевидно преобладание двух основных игроков в партийной системе Хорватии — ХДС и СДП. Причем в этот раз СДП вышла на выборы в составе большой коалиции, включавшей, помимо прочего, и ХНП, которая уже третий электоральный цикл подряд прочно занимала позиции одного из лидеров второго эшелона хорватских партий. Отсюда проистекают 80 (из 151, т. е. более половины) мест в парламенте, которые по итогам выборов получила данная коалиция. Вполне естественно, что правительство по итогам выборов было составлено этой широкой коалицией, состоявшей из СДП, ХНП, ХПП и региональной партии Истрийское демократическое собрание (ИДС), поскольку необходимости в привлечении иных политических сил к управлению страной не было. Появление пяти новых парламентских партий уже в момент деятельности созыва парламента привело к высокому значению индекса конечного числа парламентских партий — 4,44 (почти такому же, как и значение индекса действительного числа электоральных партий).

После парламентских выборов 2015 г. действительное число электоральных партий составило 3,94, в то время как начальное действительное число парламентских партий было равно 3,26, а конечное действительное число парламентских партий — 5,10. По сравнению с предыдущим созывом парламента мы видим увеличение числа парламентских партий (3,26 против 2,62). Как и ранее, две основные политические силы (в данном случае широкие коалиции во главе с ХДС и СДП) сохранили свой вес на электоральной арене системы (с тем, что ХДС увеличил свою долю по сравнению с предыдущим парламентским циклом, где у него произошло относительное падение на фоне победившей коалиции СДП) и обладают почти равным количеством мандатов — 59 у коалиции ХДС против 56 у коалиции СДП. Однако выборы 2015 г. отмечены появлением новой

политической силы — партийного списка МОСТ, получившего почти в два раза больше голосов (12,6 %) и мест (19), чем ранее удавалось сделать прежним партиям из второго эшелона (не набиравших по отдельности больше 9,0 % голосов и не получавших более 11 мандатов). Эта тенденция партийной системы имеет существенные признаки наличия той «третьей» партии, которая является балансиром между двумя крупнейшими соперничающими блоками. Это вполне ожидаемо нашло отражение при переговорах по составу правительства, когда по сути именно решение этой политической силы определило формирование правительства (которое составили Хорватское демократическое содружество и партия МОСТ) по результатам долгих и сложных переговоров этих двух партий. При этом необходимо отметить, что у новой политической партии имелись альтернативные предложения по формированию правительства со стороны Социал-демократической партии, имевшей сравнимый с ХДС электоральный результат. Показатель начального числа парламентских партий и в этой легислатуре не был выше аналогичных показателей предыдущих периодов как раз в силу того, что ни одна из остальных электоральных сил, помимо трех ведущих, не получила более 2,0 % голосов. Поэтому, несмотря на крайне высокий показатель конечного действительного числа парламентских партий — 5,10 (достигнувший таких величин по причине достаточно активной «невыборной парламентаризации»), основной тренд партийной системы Хорватии после выборов 2015 г. указывает на наличие отчетливого элемента системы «двух с половиной партий» на фоне общей рамочной многопартийности системы.

Наконец, после парламентских выборов 2016 г. отмеченная тенденция постепенной эволюции партийной системы Хорватии в направлении ее трехпартийности (или, точнее, «двух-с-половиной-партийности») как усиление роли и веса в системе партий «второго эшелона» окончательно находит подтверждение. Тем не менее, во-первых, для окончательной классификации типа хорватской партийной системы как системы двух с половиной партий в соответствии с количеством релевантных партий в системе необходимо повторение тенденции на протяжении не менее трех электоральных циклов, тогда как здесь эта тенденция четко проявляется начиная с 2015 г. Во-вторых, партия МОСТ все же не мо-

жет считаться единственной, обладающей всеми свойствами, присущими классической «третьей» партии системы: на выборах 2016 г. лишь несколько меньший, чем партия МОСТ, результат получил партийный список во главе с партией «Живой щит» с 6,2 % голосов также технически мог претендовать на данную роль; при этом сама партия МОСТ, пережив процесс откола от нее ряда небольших частей, уменьшила свой электоральный результат в сравнении с выборами 2015 г. (с 13,6 до 9,8 % голосов и, соответственно, с 12,6 до 8,6 % мандатов), тогда как избирательный список во главе с партией «Живой щит» увеличил свою долю мандатов в парламенте с 0,7 % до 5,3 %. Несмотря на то что в итоге партия МОСТ вновь оказала поддержку ХДС в составлении правительства (и снова, как и после предыдущих парламентских выборов, после очень долгих размышлений о необходимости и целесообразности этого шага и альтернативных предложений со стороны коалиции вокруг СДП) и оно также было сформировано как коалиционное, победившая на выборах партия ХДС могла создать и миноритарное правительство. Поэтому в настоящее время все же можно вести речь лишь об устойчивом усилении «второго эшелона» партий, существовавшего на протяжении всего рассматриваемого нами периода.

Вторым параметром, который использовался для определения количества и силы акторов в партийной системе Хорватии, является показатель электоральной нестабильности системы, визуализируемый с помощью соответствующего индекса. Индекс электоральной волатильности (избирательной неустойчивости) системы, разработанный М. Педерсеном [16], указывает на укорененность политических партий в обществе, наличие у них стабильного избирательного корпуса. Для определения характерных для партийных систем тенденций возможно использование данного индекса в двух вариантах — как показателя электоральной неустойчивости отдельных акторов в системе (диапазона изменения уровня их поддержки избирателями) и как показателя общей электоральной неустойчивости системы (диапазона совокупного изменения предпочтений избирателей в отношении всех парламентских партий в системе) от одних выборов к другим. Если в первом случае индекс будет характеризовать наличие или отсутствие стабильного электората у конкретной политической партии в системе за определенный

период времени, кратный одному избирательному циклу, то во втором речь будет идти об общем уровне укорененности политических партий в среде своего электората по партийной системе в целом. Используемый в своей второй разновидности, данный индекс является одним из косвенных показателей недостаточной институционализированности партийной системы.

Показатель электоральной волатильности высчитывается по формуле:

$$TNC = \sum I \Delta Pi,t I , \quad (3)$$

где TNC — совокупная электоральная волатильность системы, P — процент голосов, полученных партией i на выборах t. Соответственно, волатильность является модульной суммой разницы в голосах всех партий на двух следующих друг за другом выборах.

Таблица 2

Электоральная неустойчивость партийной системы Хорватии[2]

Годы начальных и конечных выборов при измерении показателя	TNC; совокупная электоральная неустойчивость, %
2003—2007	21,97
2007—2011	21,17
2011—2015	24,17
2015—2016	9,1

Общая электоральная неустойчивость партийной системы Хорватии в период 2003 — 2015 гг. колебалась на уровне чуть более 20 %, т. е. почти каждый пятый избиратель в среднем менял свои политические предпочтения на каждых следующих выборах (табл. 2).

Если мы посмотрим на волатильность наиболее крупных партий в системе, становится очевидной закономерность по отдельным избирательным циклам. Например, электоральная волатильность для ХДС составляет менее 3,0 % с 2003 по 2007 г. и менее 2,0 % с 2011 по 2015 г. Лишь с 2007 по 2011 г. она составила примерно 13,5 %, что неудивительно в свете того, что именно в 2011 г. после восьмилетнего перерыва к управлению страной пришла коалиция вокруг СДП на волне коррупционных скандалов того периода. В целом указанный период был отмечен резким падением электоральной поддержки ХДС и отсутствием единства в высших ру-

[2] Наши вычисления на основе методологии М. Педерсена [16] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.

ководящих структурах самой партии (в 2009 г. лидер партии вынужден был подать в отставку с поста премьер-министра и был заменен на этой должности своей коллегой). Средняя электоральная волатильность СДП несколько выше, чем у ее основного соперника (около 8,5 % — в 2003—2007 гг., 3,0 % — в 2007—2011 гг., около 10 % — в 2011—2015 гг.), что стало результатом неуспешных попыток прийти к власти в момент доминирования ХДС, подтверждением чему служит отрицательная динамика поддержки этой политической силы (в формате коалиции) в период с 2011 по 2015 г., когда ее результат сократился на 10,0 %. Изменчивость электоральной поддержки других партий в системе в среднем варьируется в пределах 2,0—3,0 %, что не мешает некоторым из них периодически не попадать в состав парламента (благодаря наличию, во-первых, избирательного порога в 5,0 %, во-вторых, особенностям избирательной системы, где партии получают мандаты не в условиях общего результата по стране, а в зависимости от своего результата в каждой из двенадцати избирательных единиц). Единственный устойчиво повторяющийся тренд в колебаниях уровня электоральной поддержки отдельных партий — это неуклонное ее снижение у наиболее «правых» по ценностному (постматериалистическому) идеологическому измерению партий: например, если в 2003 г. ХППр набирала 6,4 % голосов (в 2007 г. — 3,5 %, в 2011 г. — 3,0 %, в 2015 г. — 0,6 % (в последнем случае шла в коалиции с Хорватской консервативной партией), и она с 2011 г. не попадает в парламент.

При сопоставлении общей электоральной волатильности партийной системы по итогам выборов 2015 и 2016 гг. мы наблюдаем ее падение до уровня примерно 9,0 % в последнем случае. Резкое уменьшение общей волатильности партийной системы в период двух последних избирательных циклов (она упала в два с половиной раза в сравнении со средней за предыдущие периоды) и то, что набор политических субъектов, присутствующих в парламенте по итогам выборов 2015 и 2016 гг., остался тем же самым, и практически точно таким же является и их расположение в контексте удельного веса этих субъектов (за исключением партии МОСТ с отрицательной волатильностью в 3,8 % и партии «Живой щит», поднявшейся на четвертое место на последних выборах с волатильностью 1,9 %; при этом волатильность двух крупнейших субъектов партийной системы Хорватии крайне низка — 1,9 % для ХДС и 0,1 % для СДП), указывает на процесс стабилизации партийной системы в значении набора присутствующих в ней акторов.

В целом низкая электоральная волатильность крупнейших партий системы говорит о стабильности соревнования на электоральном уровне хорватской партийной системы, при этом мы можем отметить ее во многом блоковый характер, когда она весьма незначительна при ее сопоставлении в контексте групп партий схожей программно-идеологической направленности, где редко когда голоса партий одной группы уходят партиям другой группы.

Третий параметр, использованный для определения числа и удельного веса акторов в хорватской партийной системе, — агрегированные показатели концентрации партий в системе (подход, используемый А. Сиароффом) [17], — делает возможным выносить суждения о наличии или отсутствии элементов доминирования какого-либо актора или группы акторов в партийной системе. Соответствующие показатели для партийной системы Хорватии суммированы в табл. 3.

Таблица 3

Показатели партийной концентрации для партийной системы Хорватии[3]

Год выборов	PP/PPf	P3%S/ P3%Sf	1PSC/ 1PSCf, %	2PSC/ 2PSCf, %	SR1:2/ SR1:2f	SR2:3/ SR2:3f
2003	8/15	5/5	43,42/41,72	71,71/61,59	1,53/1,23	3,91/2,73
2007	8/12	4/4	43,14/42,48	79,74/77,12	1,18/1,23	7,00/8,83
2011	7/18	4/4	52,98/37,09	84,11/64,90	1,70/1,33	7,83/3,82
2015	8/21	3/4	39,07/32,45	76,16/60,26	1,05/1,17	2,95/3,05
2016	8/18	4/5	40,40/36,67	76,16/60,67	1,13/1,53	4,15/3,00

[3] Табл. 3 составлена нами на основе методологии А. Сиароффа [17] и данных по выборам в парламент Хорватии 2003—2016 гг.: PP — начальное число парламентских партий; PPf — конечное число парламентских партий; P3%S — начальное количество партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; P3%Sf — конечное количество партий, имеющих более 3 % мест в парламенте; 1PSC — начальная доля мест в парламенте крупнейшей партии; 1PSCf — конечная доля мест в парламенте крупнейшей партии; 2PSC — начальная доля мест в парламенте двух крупнейших партий; 2PSCf — конечная доля мест в парламенте двух крупнейших партий; SR1:2 — начальное соотношение долей мест первой и второй партий системы; SR1:2f — конечное соотношение долей мест первой и второй партий системы; SR 2:3 — начальное соотношение долей мест второй и третьей партий системы; SR2:3f — конечное соотношение долей мест второй и третьей партий системы.

Здесь, как и в случае с показателями действительного числа парламентских партий, мы определили два числа — начальное и конечное — для иллюстрации «невыборной парламентаризации» как отличительной черты партийной системы Хорватии. В тенденции развития партийной системы после 2003 г. видим доминирование двух крупнейших партий, ХДС и СДП, двухпартийная концентрация которых составила свыше 71,0 % мест по итогам выборов. В дальнейших созывах парламента эта доля еще больше, она подбирается к 80,0 % в 2007 г. и достигла почти 85,0 % в 2011 г. (при этом следует заметить, что в 2011 и 2015 гг. эти две крупнейшие партии выходили на выборы в составе коалиций, что также отразилось на доле полученных этими коалициями мест). Несколько меньшая в пяти рассматриваемых легислатурах двухпартийная доля наблюдается после 2003 и 2015 гг., на что повлиял электоральный результат, полученный «третьими» партиями системы (ХНП и МОСТ соответственно). Даже с учетом конечной доли двух партий (в конце созыва парламента) показатель двухпартийной концентрации не всегда приближается к 80,0 % (порог, выделяемый и Ж. Блонделем, и А. Сиароффом для существования трехпартийной системы) [23; 17], поэтому говорить о партийной системе Хорватии как о системе трех (или двух-с-половиной) партий некорректно. Однако в двух из пяти рассматриваемых нами легислатур данная тенденция присутствовала. Соотношение между долями мест первой и второй партий в среднем находится на уровне менее 2 (порога, выделяемого для доминантной системы) — 1,53 в 2003 г.; 1,70 в 2011 г. (где крупнейшая партия вышла в составе широкой коалиции); 1,05 в 2015 г. и 1,17 в 2007 г.: дистанция между ХДС и СДП редко когда бывает высокой, что говорит о достаточно сбалансированном уровне партийной системы в контексте ее лидерского сегмента. В то же время доля первой партии почти всегда колеблется в диапазоне около 40,0 % мест, лишь однажды (все в том же 2011 г., в условиях широкой коалиции) превысив 50,0 %, что недостаточно для того, чтобы вести речь о доминировании одной партии в системе.

Соотношение между второй и третьей партиями в системе ожидаемо велико, около 8 пунктов в 2007 и 2011 гг.,

что подтверждает вывод о существовании первого эшелона партий (куда входят ХДС и СДП), которые можно назвать партиями — лидерами системы, без участия одной из которых невозможно формирование правительства, и второго эшелона (ХНП, в последнее время также партия МОСТ, а также ряд других партий, периодически получавших от 6 до 10,0 % мест за рассматриваемый период), никто из которых по отдельности не может играть определяющую для составления правительства роль. Из этого вывода существует одно исключение, касающееся созыва парламента по итогам выборов 2003 г., особенно после 2015 г., где разница между второй и третьей партиями в системе меньше, чем в двух других созывах (чуть менее 4 и 3 пунктов соответственно), и третья партия численно стоит несколько ближе ко второй партии. Однако в первом случае доля крупнейшей партии была около 44,0 % голосов, и третья партия не могла иметь большое влияние в условиях относительного доминирования первой партии. Но во втором случае, в условиях самой низкой доли первой партии из всех четырех рассматриваемых созывов парламента (39,0 %) и уже отмеченной сбалансированности первых двух (и противостоящих друг другу) партий, именно роль этой партии становится решающей в определении того, кто будет контролировать состав правительства. Как уже отмечалось, эту роль по итогам выборов 2015 г. сыграла партия МОСТ. Но уже по результатам выборов 2016 г. расстояние между второй и третьей партиями системы вновь растет (вследствие некоторого падения результата партии МОСТ), а значительно увеличившая свой результат по сравнению с предыдущими выборами партия «Живой щит» все же не опережает партию МОСТ. Следовательно, и новейшие показатели концентрации партий в системе свидетельствуют о наличии двух четких эшелонов партий в партийной системе Хорватии.

Как уже отмечалось, вторым широким критерием анализа партийных систем служит определение степени их идеологической поляризации. Это позволяет определить интенсивность межпартийного соревнования в соответствии с основными линиями идеологических измерений, присущих партийным системам. Мы оперировали двумя основными для партийных систем большинства государств мира идеологи-

ческими измерениями — классическим материалистическим (экономическим) лево-правым измерением, где положение партий оценивается согласно их позиции относительно распределения материальных ценностей в обществе и степени желательности участия государства в экономике, и постматериалистическим (ценностным) лево-правым измерением, где принимаются во внимание позиции партий относительно их позиции в отношении нематериальных ценностей (так называемая дихотомия «либертарианство — традиционализм»). Соответствующие показатели для партийной системы Хорватии отражены в табл. 4.

Поляризация (*PSPol*) рассчитывается согласно следующей формуле:

$$PSPol = \sum_{i=1} Fi(Xi - xmean)^2 , \quad (4)$$

где *Fi* — это процент голосов, завоеванных каждой партией, *Xi* — это положение конкретной партии на лево-правой шкале и *xmean* — это среднее значение партийной системы по лево-правой шкале.

Идеологический центр притяжения (ICG) рассчитывается по формуле:

$$ICG = \sum_{i=1}^{n} TiCi , \quad (5)$$

где *ICG* — идеологический центр притяжения, *Ti* — доля мест партии i на выборах, выраженная в десятичных числах, а *Ci* — позиция партии *i* на идеологическом континууме, выраженная числом.

В партийной системе Хорватии на современном этапе идеологический центр притяжения по классическому лево-правому измерению находится на отметке 4,32, а по постматериалистическому измерению — на отметке 5,03. Таким образом, основное межпартийное соревнование партий вращается примерно вокруг центра идеологического спектра, находясь несколько левее от него (на 0,68 пункта) по экономическому измерению, и практически точно в центре по постматериалистическому. Эта ситуация неудивительна, учитывая актуальность для населения страны экономических вопросов, связанных с уровнем благосостояния, и лишь немногие политические партии занимают позиции правее центра по классическому лево-правому измерению, в то время как большинство (включая те, которые находятся в центре или правее центра по второму измерению) — несколько левее центра по первому измерению, что и выражается в некотором смещении влево идеологического центра партийной системы Хорватии по классическому лево-правому измерению.

Таблица 4

Показатели идеологического центра притяжения и поляризации партийной системы Хорватии на современном этапе по итогам выборов 2015 г.[4]

Показатель	Переменная	Значение	Переменная	Значение
ICG	Классическое «лево-правое» измерение	4,32	Постматериалистическое «лево-правое» измерение	5,03
PSPol	Классическое «лево-правое» измерение	0,26	Сумма классического и постматериалистического «лево-правого» измерений	0,47

Показатель поляризации партийной системы Хорватии составляет 0,26 по классическому лево-правому измерению и 0,47 — по сумме двух измерений. Это означает гораздо меньшую, чем средняя, идеологическую поляризованность партийной системы Хорватии по классическому измерению, и близкую к средней — по постматериалистическому как основную тенденцию взаимоотношений партий в системе. В современной партийной системе Хорватии удельный вес партий, находящихся близко к полюсам обеих разновидностей идеологических континуумов, невелик при полном отсутствии политических партий, занимающих позиции непосредственно на полюсах политического спектра. Разброс позиций хорватских политических партий варьируется от 3 до 6 по первому измерению и от 3 до 8 по второму. При этом значение показателей для двух крупнейших политических партий, правоцентристской ХДС и левоцентристской СДП, составляет 5 и 4 соответственно по первому измерению и 7 и 4 — по второму. Как мы видим, ни одна из этих партий, на последних выборах получивших вместе более 75,0 % голосов, не находится на полюсах партийного

[4] Табл. 4 составлена нами на основе методологии Д. Гросса и Л. Сигельмана [18], Л. Сигельмана и С. Нам Ё [19] и данных по выборам в парламент Хорватии 2015 г.

спектра, располагаясь близко к его центру. Именно благодаря этому итоговые показатели идеологического центра притяжения и, соответственно, поляризации партийной системы (являющиеся взвешенными и зависящие от относительной силы отдельных элементов системы) весьма умеренны. Несколько более отдаленное от центра значение для ХДС по постматериалистическому измерению, учитывая значительный вес этой партии, усиливает значимость этого измерения для партийной системы Хорватии: идеологический центр тяжести системы по этому измерению находится на расстоянии в 0,71 пункта правее значения по первому измерению (и степень поляризации по двум измерениям, соответственно, больше, чем по одному классическому), что не меняет общего центристского положения партийной системы. Партийная система функционирует стабильно, в ней отсутствуют споры по поводу распределения материальных ценностей в обществе, которые бы характеризовали партийное соревнование на парламентском уровне как состояние враждебности между двумя четко противопоставленными друг другу лагерями, находящимися на противоположных полюсах, не ставится под сомнение рыночный характер экономической основы хозяйствования. Это выражается и в том, что наиболее «правые» по первому измерению партии, которые одновременно являются и наиболее «левыми» по второму измерению (ХНП и ХСЛП), за последние годы неоднократно демонстрировали тенденции активного сотрудничества с обеими крупнейшими партиями системы (ХДС и СДП), выходя с этими политическими силами в предвыборных коалициях или сотрудничая с ними в парламенте (при тяготении ХНП к СДП и ХСЛП к ХДС). Одна из немногих в достаточной степени «левых» по экономическому измерению партий системы, Хорватские лейбористы, также достаточно активно сотрудничает с другими партиями системы (в первую очередь с СДП). В то же время состав двух крупнейших коалиций (вокруг ХДС и вокруг СДП) на выборах 2015 г. носит более «блоковый» характер в том, что касается второго измерения. Здесь ситуация, при которой бы в составе одной отдельно взятой коалиции присутствовали партии, получившие противоположные значения по второму измерению (как происходит в случае с первым измерением), гораздо более редка и касается единичных случаев

очень широких коалиций, что указывает на относительное преобладание второго измерения над первым в контексте степени поляризации партийной системы.

Наконец, в качестве третьего критерия анализа партийной системы Хорватии на современном этапе была взята степень открытости или закрытости хорватской партийной системы в соответствии с методикой П. Мэра [21], с целью чего был проанализирован партийный состав правительств Хорватии с 2003 по 2016 г.

По итогам выборов конца ноября 2003 г. около месяца потребовалось для составления правительства Республики Хорватия. В итоге оно было сформировано ХДС, ХПП, ХСЛП и ДЦ, а также поддержано представителями национальных меньшинств. Премьер-министром стал лидер ХДС И. Санадер. Этот же человек возглавлял правительство Хорватии и после выборов 2007 г., которое также было коалиционным, но где вместо ДЦ участвовала ХКП. Реконструкция данного правительства, произошедшая в конце 2009 г., не внесла серьезных изменений в партийный состав, его возглавила Я. Косор, представлявшая на тот момент все тот же мажоритарный ХДС. После выборов 2011 г. произошла смена правительства, к управлению которым пришла широкая коалиция СДП, ХНП, ИДС и ХПП. Наконец, после выборов 2015 г. эта роль снова перешла к ХДС, однако уже в совсем иных обстоятельствах, о которых мы вели речь ранее. Здесь коалиционным партнером ХДС оказалась партия МОСТ.

Как видно из состава партийной принадлежности правительств Хорватии с 2003 по 2015 г., а также из внутреннего состава коалиций, в которых партии выходили на выборы, партийная система Хорватии носит достаточно закрытый характер. Те коалиции, которые имели возможность получать доступ к управлению страной, носили в большинстве своем стабильный характер, целиком сменяя друг друга при каждой смене власти. Не отмечено случаев, при которых бы какая-либо из партий, входивших в состав правящей коалиции, например с ХДС, потом вступала в правительство, мажоритарным элементом которого являлся СДП, и наоборот. Если говорить о составах предвыборных коалиций, то и здесь, если они организуются, как правило, есть устоявшийся набор потенциальных коалиционных партнеров:

например, ХНП никогда не выходила на выборы вместе с ХДС, то же самое верно и в отношении ИДС, а ХКП, ХППр и ХДССБ (Хорватский демократический союз Славонии и Бараньи) никогда не коалировались с СДП. У небольшого числа партий, например ХСЛП или блок «Пенсионеры вместе», в электоральной истории которых есть период, когда они участвовали в коалициях и с ХДС, и с СДП (пусть и не в каждом случае во всех избирательных единицах), однако это отнюдь не представляет общей картины, учитывая явно миноритарный уровень данных политических сил по отношению к «старшим» коалиционным партнерам. Соответственно, партийная система Хорватии носит закрытый характер в том, что существует полная смена участвующих в правительстве коалиций в случае прихода к власти новой группы партий, властные формулы стабильны (если правительство коалиционное, то в нем участвуют почти одни и те же партии), а доступ к управлению страной обычно зарезервирован для ограниченного числа политических партий (даже если допустить возможность предоставления миноритарным коалиционным партнерам определенного числа министерств, мажоритарный партнер будет доминировать в правительстве). Интерес в этом отношении представляет правительство Хорватии после выборов 2015 г., составленное ХДС и МОСТ, в связи с чем мы уже отмечали ту роль, которую сыграла партия МОСТ в качестве «третьей» политической силы. Однако и в этом случае она, несмотря на благоприятность своей переговорной позиции как партии, определяющей, какой из двух крупнейших блоков хорватской партийной системы будет управлять государством, не смогла получить более четвертой части всех министерств.

По завершении внеочередных парламентских выборов 2016 г. партия МОСТ вновь оказала поддержку ХДС в составлении правительства и вновь претендовала на роль фактора, имеющего решающее слово в определении того, какая из двух крупнейших политических сил будет управлять страной. Как и после предыдущих парламентских выборов, решение принималось партией в ситуации наличия альтернативного предложения со стороны коалиции вокруг СДП и после долгих размышлений о необходимости и целесообразности этого шага в условиях непрочности численной парламентской поддержки правительству (в итоге уже после

нескольких месяцев деятельности правительства его члены от партии МОСТ были смещены и заменены функционерами ХДС, а правительство продолжило свою деятельность как «правительство меньшинства»). Кроме того, выборы 2016 г. также примечательны и тем, что в связи со сменой лидера в целом правоцентристская по ценностному идеологическому измерению Хорватская крестьянская партия шла на выборы 2016 г. не в составе коалиции с ХДС (как это было на выборах 2015 г.), а в составе коалиции с СДП; однако на сегодняшний день неизвестно, будет ли это временным либо более или менее постоянным явлением для этой партии. Поэтому это обстоятельство не меняет общий характер системы с точки зрения стабильности властных формул — сам блоковый характер партийной системы не изменился: другие участники широких коалиций не поменяли свои позиции в системе, а почти все акторы партийной системы в совокупности сохранили прежнее положение в ней, поэтому и выборы 2016 г. подтверждают преобладающий закрытый характер партийной системы.

Обсуждение и заключения. Информация, полученная при анализе партийной системы Хорватии, позволяет классифицировать хорватскую партийную систему в соответствии с избранными нами параметрами. Как мы уже говорили, значения действительных чисел партий в системе указывают, сколько реально партий обладает такой относительной силой, которая была бы способна позволять им влиять значимым образом на функционирование партийной системы и тем самым определять ее свойства. В партийной системе Хорватии не существует тенденции отчетливого доминирования одной партии в системе (что и подтверждается указанными значениями действительных чисел), однако есть две партии, которые могут быть названы в числе доминирующих в смысле того, что на практике невозможно сформировать правительство без участия одной из них. Такая тенденция демонстрирует стабильность в течение всего рассматриваемого периода времени, в связи с чем динамику партийной системы Хорватии можно назвать двухпартийной. Однако существует ряд партий, образующих второй эшелон, которые не могут самостоятельно участвовать в создании правительства, но которые в силу своей относительно величины не могут быть проигнорированы при подсчете количества

элементов системы. Эти партии регулярно используются одной из двух ведущих политических сил страны (ХДС или СДП) для создания либо предвыборных коалиций широкого фронта, либо для последующего включения их в правительство с целью получения возможности его сформировать (если у самих лидеров партийной системы не хватает голосов для создания однопартийного правительства), либо с целью создания так называемого правительства «национального единства» (когда имиджевые приобретения, а также ресурсы — интеллектуальные и иные — которые будут доступны в результате кооптации дополнительных партнеров, перевешивают возможные минусы разделения властных полномочий с кем-либо другим). Как мы видели на примере Хорватии, за рассмотренный период не было вариантов создания однопартийного правительства, которое бы при этом являлось мажоритарным. Соответственно, все коалиции, которые заключались после выборов, имели целью создание условий для возможности сформировать правительство большинства, а это давало подобным партиям второго эшелона непропорциональные их относительной силе возможности для влияния на политический процесс. Именно поэтому подобные партии не могут не быть учтены при характеристике партийной системы государства, а значит, двухпартийное доминирование является лишь одной из динамических черт партийной системы Хорватии, в то время как ее общая основа остается несомненно многопартийной. Между тем результаты выборов 2015 г., когда соотношение силы второй и третьей партий системы по итогам выборов составило минимальное для истории электоральных циклов Хорватии с 2003 г. значение — 2,95, особенно процесс последовавшего после них формирования правительства демонстрируют тенденцию появления «третьей» партии в системе (в данном случае речь идет о партии МОСТ). Соответственно, условно возможно охарактеризовать партийную систему Хорватии как умеренно многопартийную с двумя главными партиями при наличии в ней определенного «двух-с-половиной партийного» потенциала. Указанная тенденция подтверждается и результатами выборов 2016 г., где партия МОСТ (а также партия «Живой щит») вместе набирают немалое число голосов.

В то же время показатели электоральной волатильности, конечные показатели действительного числа парламентских партий и показатели партийной концентрации свидетельствуют о средней, близящейся к низкой степени неустойчивости единиц партийной системы на протяжении четырех последних электоральных циклов. Это важное замечание, так как даже при наличии устойчивых динамических трендов в партийной системе какого-либо государства, но демонстрируемых не одним и тем же актором, а их постоянно меняющимся набором, такая тенденция не может характеризоваться в качестве устойчивой характеристики партийной системы (как длительного, регулярно повторяющегося типа взаимоотношений партий в системе). В случае же с Хорватией состав второго эшелона более или менее одинаков за все пять рассмотренных электоральных периодов, что позволяет учитывать эти тенденции в качестве потенциально присущих партийной системе. Это подтверждается и характерными, демонстрирующими стабильность тенденциями соревнования за участие в правительстве, которые в своем коалиционном преломлении продемонстрировали достаточную степень закрытости. Если принять во внимание также средние показатели поляризации партийной системы Хорватии по совокупности двух измерений, то становится очевидным отсутствие ярко выраженных, поляризующих общество тенденций, которые бы могли повлиять на саму суть функционирования партийной системы. При этом большая выраженность ценностного измерения в сравнении с экономическим свидетельствует о потенциальной перспективе того, чтобы данное разделение осталось преобладающим вектором развития межпартийного соревнования в партийной системе Хорватии и в будущем. Поэтому, в соответствии с комплексной методологией С. Уолинеца, который принимает во внимание также степень поляризованности системы [22], мы можем классифицировать партийную систему Хорватии как умеренно поляризованную ограниченно многопартийную систему с биполярным характером соревнования.

Соответственно, если говорить о партийной системе Хорватии в региональном контексте, то можно отметить, что она по основным характеристикам близка партийным системам таких государств ЦВЕ, как Венгрия, Словакия, Польша, для которых также характерен биполярный, блоковый характер

программного соревнования в системе, где основными акторами выступают левоцентристские и правоцентристские (в соответствии с ценностным измерением) политические силы. В ней существуют два основных идеологических измерения, вдоль которых происходит соревнование в системе — классическое и постматериалистическое, с преобладанием второго (как отмечают хорватские исследователи, это наблюдается с самого начала 1990-х гг. [9; 13]). В системе не существует разногласий среди политических партий по поводу основных векторов внешнеполитической ориентации государства (уже несколько лет государство — член ЕС и НАТО), и внешнеполитическое измерение не является релевантным для хорватской партийной системы. Это отличает партийную систему Хорватии от партийных систем соседних государств Балканского региона, например Черногории или Сербии. Иными словами, доминирующее постматериалистическое (культурное) измерение партийной системы Хорватии базируется в основном на классической для большинства стран современной Западной и ЦВЕ оппозиции «либертарианство-традиционализм» и не включает внешнеполитический аспект. Кроме того, поскольку современная Хорватия — в этническом отношении в высокой степени гомогенное государство, и присутствующие в ней этнические меньшинства не являются фактором, формирующим ось межпартийного соревнования, политическое разделение этнического характера также отсутствует. Вместо этого для хорватской партийной системы характерно региональное измерение, заменяющее собой этническое, когда существует ряд региональных партий, показывающих устойчивый электоральный результат в определенных избирательных единицах, но которые не ставят целью подвергать сомнению легитимность и целостность хорватского государства, однако, которые возникли и осуществляют деятельность именно как партии, призванные в первую очередь защищать интересы своего региона на центральном уровне.

Преобладанию культурного идеологического измерения в хорватской партийной системе, на наш взгляд, существует несколько причин. Во-первых, несмотря на то что процессы демократического транзита, которые делали для государств ЦВЕ крайне значимым такое измерение партийной системы, как оппозиция «коммунизм — антикоммунизм», уже

достаточно давно завершены и были образованы и функционируют все институты представительной демократии, включая многопартийную основу партийной системы, в несколько видоизмененном виде, приобретшем содержание оценки социалистического прошлого с позиций дихотомии традиционализма и либертарианства и сопутствующей дихотомии релегиозности и секуляризма, данное общественное разделение осталось, и поэтому сейчас служит для партийной системы сильным структурирующим фактором. В диалектическом смысле в случае с Хорватией данная оппозиция уже сразу после распада бывшей Югославии была, с одной стороны, оттенена тем, что крайне значимым в начале 1990-х гг. для партийной системы было измерение, связанное с необходимостью построения нового независимого государства, и почти все партии пред-почитали мобилизовывать своих избирателей в момент военного конфликта 1992—1995 гг. на этой основе, и в таких условиях не существовало ни одной значимой политической партии, которая бы выступала за пересмотр наследия коммунистического периода или бы допускала возможность широкого общественного обсуждения темы самого существования независимой Хорватии, с другой стороны, по завершении конфликта она была бы способна усилиться на новых основаниях, что можно видеть и в настоящее время в контексте существования двух идеологических блоков в хорватской партийной системе. Во-вторых, все основные политические акторы без каких-либо исключений приняли рыночную основу экономической политики. Возможные варианты противоречий включают лишь государственное вмешательство государства в экономическую жизнь общества, с одной стороны, и полностью неолиберальную модель — с другой. В таких консенсуальных условиях относительно самой основы функционирования экономики объективно остается пространство для преобладания культурного измерения в партийной системе. Помимо того, Хорватия является католическим государством, что также делает, как и в ряде других стран ЦВЕ, секулярно-религиозный аспект культурного измерения релевантным для партийной системы. Кроме того, усиление значения постмодернистского, ценностного измерения наблюдается почти во всех партийных системах европейских стран, и в данном отношении Хорватия также следует общемиро-

вой тенденции. В-третьих, внешнеполитический контекст, способный повлиять на конфигурацию партийной системы, в хорватском случае также сложился таким образом, что практически не оставляет пространства для возникновения общественно значимых оппозиций в отношении направлений международной политики государства. Он гармонично встраивается в общую идеологическую модель измерений партийной системы, в настоящее время лишь в весьма слабой степени выражаясь в разногласиях политических акторов относительно необходимости дальнейшей судьбы ЕС, без наличия крупных политических сил, оспаривающих саму внешнеполитическую ориентацию государства.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies // World Politics. 2002. Vol. 54, no. 2. Pp. 184—211.

2. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction // Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives (eds. Lipset S.M. and Rokkan S.). N. Y.: Free Press, 1967. 64 p.

3. Evans G., Whitefield S. The Structuring of Political Cleavages in Post-Communist Societies: the Case of the Czech Republic and Slovakia // Political Studies. 1998. Vol. 46, no. 1. Pp. 115—139.

4. Tyka G., Henjak A. Party Systems and Voting Behaviour in Visegrad Countries 15 Years after the Transition // Visegrad Votes: Parliamentary Elections 2005—2006 (eds. P. Saradin and E. Bradova). Olomouc: Palacky University Press, 2007. Pp. 210—244.

5. Innes A. Party Competition in Postcommunist Europe: The Great Electoral Lottery // Comparative Politics. 2002. Vol. 35, no. 1. Pp. 85—104.

6. Kasapović M. Parliamentarism and Presidentialism in Eastern Europe // Politička misao. 1996. Vol. 33, no. 5. Pp. 120—135.

7. Leinert Novosel S. Politički sustav Hrvatske (1990—2000) i moguće razvojne perspective // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucion-alni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 81—93.

8. Tavits M. The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe // American Journal of Political Science. 2005. Vol. 49, no. 2. Pp. 283—298.

9. Dolenec D. The Absent Socioeconomic Cleavage in Croatia: a Failure of Representative Democracy? // Politička misao. 2012. Vol. 49, no. 5. Pp. 69—88.

10. Spirova M. Political Parties in Post-Communist Societies. Formation, Persistence, and Change. Houndmills: Palgrave MacMillan, 2007. 214 p.

11. Randall V., Svesand L. Party Institutionalization in New Democracies // Party Politics. 2002. Vol. 8, no. 1. Pp. 5—29.

12. Vrcan S. Izbori u Hrvatskoj devedesetih: simptomatičan slučaj ili anomalija? // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 229—246.

13. Čular G. Hrvatski stranački sustav 1989—2002 // Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet, 2002. Ss. 187—210.

14. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge and N. Y.: Cambr. Univ. Press, 1976. 370 p.

15. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe // Comparative Political Studies. 1979. Vol. 12, no. 1. Pp. 3—27.

16. Pedersen M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility // European Journal of Political Research. 1979. Vol. 7, no. 2. Pp. 1—26.

17. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. URL: http:paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (дата обращения: 18.09.2016).

18. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach // Comparative Politics. 1984. Vol. 16, no. 4. Pp. 463—479.

19. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis // Comparative Political Studies. 1978. Vol. 11, no. 3. Pp. 355—379.

20. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality // Comparative Political Studies. 2006. Vol. 39, no. 2. Pp. 155—175.

21. Mair P. Parameters of Change // The West European Party System (Ed. P. Mair). Oxf.: Oxf. Univ. Press, 1990. Pp. 208—217.

22. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types // Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). L.: Sage Publications, 2006. Pp. 51—62.

23. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies // Canadian Journal of Political Science. 1968. Vol. 1, no 2. Pp. 180—203.

Для цитирования: Елсаков А.С. Основные характеристики партийной системы Хорватии на современном этапе // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 28—67. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

A. S. ELSAKOV. CONTEMPORARY PARTY SYSTEM OF CROATIA: MAIN CHARACTERISTICS

Key words: Croatia, party system, multipartyism, political parties, ideological dimensions, effective number of parties, electoral volatility, party system polarization, ideological center of gravity

Introduction: after the 'velvet revolutions' occurred in 1989, post-communist countries of Central and Eastern Europe saw the fading of the communist system, and, hence, of the bipolar ideological confrontation in Europe. Being encountered with the challenges of demo-cratic transition and of launching the process of operating their economies on the market basis, the CEE states found themselves in a quite different environment. Moreover, the vehement armed conflict which accompanied the development of an independent Croatian state, could be said as presenting a special challenge to its population and political elites. Those developments should have been influenced in some way or another both the whole political agenda at the time and the partisan preferences of voters. The present article is an attempt to shed the light on the core dynamics of contemporary Croatian party system and to reveal its main features that mirror the way the competition among political parties in the system takes place. It seems even more intriguing, provided that there are continuing scholar debates about whether the party systems of Central and Eastern European states are different from that of Western Europe, either in the level of their institutionalization, or in the nature and presence of main political cleavages.

Materials and Methods: three general criteria were employed to investigate the party system of Croatia: the number of parties in the system, the extent to which the system is polarized, and the level of system's openness or closeness. We use the Laakso-Taagepera's index to define the effective number of parties in the Croatian party system, the weighted index of the system's general electoral volatility, developed by Pedersen, to reveal the level of parties' rootedness in society, and aggregated data on the distance between main parties in party system to measure the concentration of parties in the system in accordance with the Siaroff's approach. The ideological center of gravity, developed by Gross and Sigelman, and the degree of party system's polarization as used by Sigelman were used to gauge the extent to which the system is ideologically polarized as well as to define the main programmatic bias of the key system's actors. Finally, we make use of the approach proposed by Mair to define whether the system is open or closed in terms of the possibility for any one party to participate in government, which, in turn, is closely related to the main pattern of making an electoral or governmental alliances and coalitions. To control for the long-term trends of the Croatian party system, we distinguish between a party system as a more or less permanent development of its core dynamics, and a party system pattern as some kind of a temporary state of system, so we use the data from five consecutive elections, from 2003 to 2016. The resulting classification of the Croatian party system was performed on the basis of the number of the system's relevant actors, the level of its ideological polarization, and the presence or absence of clustering in the system.

Results: the data on the quantity and relative strength of the party system's actors, i.e. the effective number of parties, as well as the degree of parties' concentration in system, indicate that there are two groups of parties in the party system of Croatia; the first group, con-sisting of two leading parties, without one of which it is impossible to form a government, and the second group of follow-ups, which can at best to bargain a more suitable position in a potential coalition. From time to time, there can appear a classic 'third' party in the system as a transi-ent development, which may be in a position to decide who of two leading parties will hold an office. The latest two consecutive elections witnessed such a trend of an emerging 'third' party in system, but it is too early to argue that the system has a steady 'two-and-a-half party' dynamics. Therefore the overall systemic trend remains limited multiparty, whereby the actors are evenly placed, regarding their relative size, inside those two groups of parties. The ideological polarization of the Croatian party system is moderate, and it is even less along the economic dimension, with quite blurred programmatic stances of the majority of parties on socio-economic issues, that could be said is a general trend for the post-communist party systems. Hence, the value dimension dominates over the socio-economic one, and it is that di-mension along which parties elaborated more or less distinctive programmatic identities. The ideological center of gravity is in the central point of political spectrum on two main dimensions, which makes the system stable in its core competition patterns, without extreme leaps and bounds in the political process. Total electoral volatility in the system is quite moderate, that indicates that actors in the system have its own more or less defined electoral constituencies, while the volatility of individual parties shows that there are signs of a volatility between distinct clusters, which occurs mainly inside two major ideological blocks. Finally, the party system of Croatia has a greatly closed character in the sense of stability of patterns of competition for government. The governing formulas are familiar, there is a predominantly wholesale alternation of groups of actors when parties in government change, and the real possibility to influence governmental policy is restricted to a certain range of parties.

Discussion and Conclusions: the analysis of the party system of Croatia has shown that it could be classified as a moderately polarized limited multiparty system, with the bipolar character of competition between two main blocks, predominantly constituted along value (cultural) ideological dimension. Two major parties in the system, those of center-left and center-right stances on that dimension, usually behave as two centers of gravity for other parties, while at the same time do not differ greatly over its socio-economic positions from each other. Hence, the cultural dimension in the system slightly dominates over the economic one, with the total absence of relevant ethnic and foreign policy dimensions in the system, and it is

there the Croatian party system differs from the party systems of most of its neighbors in the Western Balkans. Structural cleavages that have been constituting European party systems well before the II World War, the nature of the political regime in the second half of XX century, and the building of independent state after 1991 in the militant environment, all have contributed to the significance of the cultural ideological dimension in Croatian polity. Now, after more than 25 years of operating in the changed political and economic structural framework, the party system of Croatia reflects a well-balanced mode of interactions among its elements. The overall stability of patterns of interparty competition, occurring between two main blocks, indicates that there is no major difference between the Croatian party system and the party systems of other Central and Eastern European countries with similar underlying social cleav-ages in their polities.

REFERENCES

1. Zielinski J. Translating Social Cleavages into Party Systems: The Significance of New Democracies. *World Politics*. 2002; 2(54):184—211.

2. Lipset S., Rokkan S. Cleavage structures, party systems, and voter alignments: an introduction. Party Systems and Voter Alignments: Cross-National Perspectives (eds. Lipset S.M. and Rokkan S.). New York: Free Press; 1967. 64 p.

3. Evans G., Whitefield S. The Structuring of Political Cleavages in Post-Communist Societies: the Case of the Czech Republic and Slovakia. *Political Studies*. 1998. 1(46):115—139.

4. Tyka G., Henjak A. Party Systems and Voting Behaviour in Visegrad Countries 15 Years after the Transition. Visegrad Votes: Parliamentary Elections 2005—2006 (eds. P. Saradin and E. Bradova). Olomouc: Palacky University Press; 2007. Pp. 210—244.

5. Innes A. Party Competition in Postcommunist Europe: The Great Electoral Lottery. *Comparative Politics*. 2002. 1(35):85—104.

6. Kasapović M. Parliamentarism and Presidentialism in Eastern Europe. *Politička misao*. 1996. 5(33):120—135.

7. Leinert Novosel S. Politički sustav Hrvatske (1990—2000) i moguće razvojne perspective. Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 81—93.

8. Tavits M. The Development of Stable Party Support: Electoral Dynamics in Post-Communist Europe. *American Journal of Political Science*. 2005. 2(49):283—298.

9. Dolenec D. The Absent Socioeconomic Cleavage in Croatia: a Failure of Representative Democracy? *Politička misao*. 2012. 5(49):69—88.

10. Spirova M. Political Parties in Post-Communist Societies. Formation, Persistence, and Change. Houndmills: Palgrave MacMillan; 2007. 214 p.

11. Randall V., Svesand L. Party Institutionalization in New Democracies. *Party Politics*. 2002. 1(8):5—29.

12. Vrcan S. Izbori u Hrvatskoj devedesetih: simptomatičan slučaj ili anomalija? Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 229—246.

13. Čular G. Hrvatski stranački sustav 1989—2002. Između autoritarizma i demokratije: Srbija, Crna Gora, Hrvatska. Knj. 1, Institucionalni okvir (ur. D. Vujadinović et al.). Beograd: Cedet; 2002. Ss. 187—210.

14. Sartori G. Parties and Party Systems: a Framework for Analysis. Cambridge and New York: Cambridge University Press; 1976. 370 p.

15. Laakso M., Taagepera R. Effective Number of Parties: Measure with Application to West Europe. *Comparative Political Studies*. 1979. 1(12):3—27.

16. Pedersen M. The Dynamics of European Party Systems: Changing Patterns of Electoral Volatility. *European Journal of Political Research*. 1979. 2(7):1—26.

17. Siaroff A. A Typology of Contemporary Party Systems: Paper presented at the 20th World Congress of the International Political Science Association, 9—13 July 2006. Available at: http:paperroom.ipsa.org/papers/paper_5213.pdf (accessed 18.09.2016).

18. Gross D., Sigelman L. Comparing Party Systems: A Multidimensional Approach. *Comparative Politics*. 1984. 4(16):463—479.

19. Sigelman L., Yough S.N. Left-Right Polarization in National Party Systems: A Cross-National Analysis. *Comparative Political Studies*. 1978. 3(11):355—379.

20. Marks G., et al. Party Competition and European Integration in the East and West: Different Structure, Same Causality. *Comparative Political Studies*. 2006. 2(39):155—175.

21. Mair P. Parameters of Change. The West European Party System (Ed. P. Mair). Oxford: Oxford University Press; 1990. Pp. 208—217.

22. Wolinetz S. Party Systems and Party System Types. Handbook on Political Parties (eds. R. Katz and W. Crotty). London: Sage Publications; 2006. Pp. 51—62.

23. Blondel J. Party Systems and Patterns of Government in Western Democracies. *Canadian Journal of Political Science*. 1968. 2(1):180—203.

About the author:

Anton S. Elsakov, Postgraduate at the Department of European Studies, Saint Petersburg State University (7—9 Universitetskaya Emb., Saint Petersburg, 199034, Russia) (*e-mail:* anton.elsakov@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1153-0360

For citation: Elsakov A.S. Contemporary Party System of Croatia: Main Characteristics. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):28—67. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.28-67

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 30.08.2017.

ЭКОНОМИКА РЕГИОНА / ECONOMY OF A REGION

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549
УДК 331.2:332(470+571)
*DOI: 10.15507/*2413-1407*.102.026.201801.68-89*

С. В. САВИНА

ОСЛАБЛЕНИЕ ДЕЙСТВИЯ ВОСПРОИЗВОДСТВЕННОЙ И СТИМУЛИРУЮЩЕЙ ФУНКЦИЙ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ В РЕГИОНАХ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Ключевые слова: регион; оплата труда; воспроизводственная функция; покупательная способность; средняя заработная плата; реальная заработная плата; стимулирующая функция

Введение: в связи с тем что механизм организации модели оплаты труда на предприятиях регионов России находится в стадии трансформации, ярко выраженный интерес представляют методологические и методические подходы к формированию системы механизмов стимулирования и оплаты труда. Поэтому в настоящее время ведутся исследования, связанные с разработкой и совершенствованием форм и методов стимулирования трудовой деятельности работника. Это предопределяет актуальность проведения исследований в области реформирования системы оплаты труда с последующей разработкой основных направлений в сфере полноценной реализации воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы.

Материалы и методы: в процессе исследования использованы данные различных статистических сборников. В качестве методологической основы применялся комплексный подход к изучению рассматриваемых проблем в контексте с диалектическим подходом к результатам исследования, сформулированных в форме выводов, заключений, предложенных рекомендаций, позитивно влияющих на процесс познания и преобразования в области совершенствования и развития механизма организации оплаты труда.

Результаты исследования: выявлены проблемы в области оплаты труда, касающиеся реализации действия двух основополагающих функций заработной платы — воспроизводственной и стимулирующей, являющиеся помехой в повышении эффективности и результативности труда работников. Предложен перечень направлений в области повышения воспроизводственной функции заработной платы, усиления стимулирующей роли оплаты труда, приводящих к более производительному труду работников и улучшению качества трудовой жизни населения.

Обсуждение и заключения: устойчивое функционирование экономики неразрывно связано с развитием производства. Решение обозначенной проблемы зависит от уровня заинтересованности работников в качественном и высокопроизводительном труде на основе существования сильной, прямой и всячески поддерживаемой взаимосвязи между доходом и фактическим трудовым вкладом работника. Полноценная реализация действия воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы является основополагающим фактором, положительно влияющим на качественный труд работников. Усиление действенности данных функций невозможно без решения проблем, накопившихся в области оплаты труда в настоящее время, что предполагает их глубокое исследование и выработку основных направлений их решения. Предложения по усилению роли воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы и их практической реализации могут быть использованы при формировании механизма организации и реформирования системы оплаты труда на предприятии, в процессе совершенствования ключевых направлений регулирования оплаты труда.

САВИНА Светлана Владимировна, доцент кафедры строительных материалов и технологий Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат экономических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* savinasv2017@mail.ru).

© Савина С. В., 2018

Введение. Оплата труда призвана обеспечивать решение как минимум двух крупных жизненно важных проблем: воспроизводства рабочей силы и мотивации к труду, а значит, заинтересованности работников в результативности функционирования своих организаций, в развитии экономики регионов, страны и общества в целом[1]. Оплата труда играет ключевую роль в формировании качества трудовой жизни населения. Низкое качество трудовой жизни предопределено функционирующим механизмом распределения материальных благ. Заниженная доля потребления, которой отличался советский период, сохранилась в современных условиях и национальной экономике.

В последнее время стало снижаться соотношение средней заработной платы и прожиточного минимума (ПМ), что говорит о заниженной оценке рабочей силы. Отсюда одна из главных проблем в сфере оплаты труда, привлекающая основное внимание, в современных условиях сводится к низкому размеру заработной платы значительной составляющей доли работающего населения, в результате чего нарушено действие одной из ее основных функций — вос-

[1] См.: Оплата труда в России и современном мире: проблемы, действия / под общ. ред. В.И. Плакси, Р. Крумма, Н.А. Волгина. М.: Полиграф сервис, 2009. С. 16.

производственной. Невозможность полной компенсации затрат работника может сопровождаться опасностью снижения темпов экономического роста в целом на уровне экономики: низкая заработная плата снижает мотивацию работников в процессе трудовой деятельности, негативно отражаясь на действенности стимулирующей (мотивационной) функции заработной платы, а также может повлечь за собой социальные последствия в виде усиления материального дисбаланса в обществе.

Проблемы в области оплаты труда в современных социально-экономических условиях касаются также систематического отставания минимального размера оплаты труда (МРОТ) от величины ПМ. Минимальная заработная плата имеет свою функциональную нагрузку. Одна из целей установления МРОТ состоит в уменьшении дифференциации работников по доходам. Следует отметить, что установление МРОТ способствует реализации социальной функции: для категории низкооплачиваемых работников выравнивание доходов осуществляется вследствие установления МРОТ, что может послужить источником выхода этих работников из категории бедных слоев населения [1—2].

Развитие социально-трудовых отношений в области оплаты труда невозможно без решения обозначенных проблем, что предполагает их дальнейшее изучение.

Обзор литературы. Научная литература содержит обширные исследования экономической сущности заработной платы, систем организации оплаты труда, механизма формирования, регулирования заработной платы и доходов населения, роли оплаты труда в структуре доходов и направлений социальной политики в период трансформации социально-экономической системы России.

Новые подходы к организации оплаты труда в разрезе конкретных предприятий разрабатывались в рыночных условиях хозяйствования и должны были обеспечивать мотивацию к труду. Н. А. Волгин, проведя анализ мотивационных процессов и анализируя воздействие разнообразных мотивов на поведение работников, подготовил методические подходы «бестарифной» системы оплаты труда на уровне предприятия. На основании представленной методики предприятия получили возможность разрабатывать критерии и оценочные коэффициенты квалификации и результативности труда сотрудников. К «бестарифным» моделям оплаты, получившим наибольшее распространение, относятся: модель, в основе которой лежит построение «вилок» соотношений в оплате труда разного качества, и универсальная рыночная система оценки и оплаты труда[2].

В первые годы переходного периода к рыночной экономике С. Л. Осипов рассматривает в качестве развития тарифной системы применения непрерывных тарифных ставок на основании развивающейся квалификации работников, использования единой тарифной сетки для оплаты труда всех сотрудников предприятия. Он проводит четкую грань между фиксированной квалификацией работника, в качестве которой могут выступать тарифный разряд, классность, диплом о высшем образовании по определенной специальности и т. д., и реально имеющейся компетентностью работников, которая определяется эрудицией сотрудника, его общей культурой, интересами коллектива и другими психологическими качествами работников[3].

Другие российские ученые (Б. М. Генкин[4], Б. Г. Мазманова[5], Р. А. Яковлев[6] и др.) разрабатывают системы оплаты труда, в основу которых заложена многоразрядная и многоуровневая тарифная сетка, оценка стоимости рабочего места, трудовой рейтинг работника, система «плавающих окладов» и др. Н. А. Волгин и Е. Валь [3], В. Н. Бобков [4] и др. указывают на необходимость повышения уровня оплаты труда.

Материалы и методы. Теоретической и методологической базой исследования послужили общенаучная методология, системный подход к решению социально-экономических проблем. В процессе проведения исследования применялись

[2] См.: Волгин Н.А. Мотивационный механизм взаимосвязи доходов работника и результативности производства: дис. ... д-ра экон. наук. М., 1993. 350 с.; Волгин Н.А. Новая модель оплаты труда. М.: Луч, 1992. 150 с.

[3] См.: Осипов С.Л. Заработная плата как цена труда и ее регулирование на предприятиях промышленности в переходной экономике: дис. ... д-ра экон. наук. Хабаровск, 1997. 355 с.

[4] См.: Генкин Б.М. Мотивация и организация эффективной работы (теория и практика). М.: Норма: ИНФРА-М, 2011. 352 с.

[5] См.: Мазманова Б.Г. Формирование системы управления оплатой труда на российском предприятии: дис. ... д-ра экон. наук. Екатеринбург, 2001. 368 с.

[6] См.: Яковлев Р.А. Оплата труда в организации. М.: МЦФЭР, 2005. 448 с.; Яковлев Р.А. Оплата труда на предприятии. М.: Центр экономики и маркетинга, 2001. 343 с.

методы, отражающие единство исторического и логического анализа, а именно функциональный, структурный и комплексный, а также были реализованы принципы сравнения, экспертных методов и др. При разработке темы использованы данные различных статистических сборников в области оплаты труда, качества и уровня жизни населения.

Результаты исследования. В современных социально-экономических условиях в регионах России наблюдается ослабление действия двух основополагающих функций заработной платы — воспроизводственной и стимулирующей.

В качестве оценки реализации воспроизводственной функции на конкретный период можно принять отношение заработной платы работника или МРОТ к величине ПМ. Отношение МРОТ к величине ПМ трудоспособного населения в первые годы перехода на рыночные условия хозяйствования было крайне низким (1992 г. — 36,8 %, что сопровождалось последующим ухудшением ситуации в этой области: 1995 г. — 16,0 %, 2000 г. — 10,9 %).

С 2001 г. катастрофическое, на наш взгляд, положение начинает немного выправляться, в последующие годы вновь возвращается отрицательная динамика. Только в 2016 г. намечается слабая положительная тенденция — 75,8 %. Таким образом, в 2009 г. возможность роста МРОТ кажется вполне реалистичной, чего нельзя отметить в последующие годы. Однако далее наблюдается возвращение этого показателя в отрицательную плоскость и его падение на 1 июля 2017 г. до величины 72,8 % и обратный переход к положительной динамике только с 1 января 2018 г. до уровня 85,0 % (табл. 1).

Рассмотрим соотношение МРОТ и ПМ на 1 января 2018 г. на примере ряда российских регионов. 20 апреля 2007 г. принят Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ, в котором регионам разрешалось устанавливать с 1 сентября 2007 г. уровень МРОТ, исходя из своих экономических возможностей, но не ниже федерального значения[7].

[7] См.: Федеральный закон «О применении контрольно-кассовой техники при осуществлении наличных денежных расчетов и (или) расчетов с использованием электронных средств платежа» от 22 мая 2003 г. № 54-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2018).

Таблица 1

МРОТ и ПМ

Срок, с которого установлен МРОТ	Минимальный размер оплаты труда, руб. в мес.	Прожиточный минимум трудоспособного населения, руб.	Соотношение МРОТ и ПМ, %
01.07.2000	132	1 210	10,9
01.01.2001	200	1 500	13,3
01.07.2001	300	1 500	20,0
01.05.2002	450	1 808	24,9
01.10.2003	600	2 112	28,4
01.01.2005	720	2 293	31,4
01.09.2005	800	3 292	24,3
01.05.2006	1 100	3 400	32,4
01.09.2007	2 300	3 950	58,2
01.01.2009	4 330	5 153	84,0
01.06.2011	4 611	6 369	72,4
01.01.2013	5 205	7 306	71,2
01.01.2014	5 554	8 050	69,0
01.01.2015	5 965	9 701	61,5
01.01.2016	6 204	9 866	62,9
01.07.2016	7 500	9 889	75,8
01.07.2017	7 800	10 701	72,8
01.01.2018	9 489	11 635	85,0

Мониторинг по определению региональных стандартов в области МРОТ показал, что на 1 января 2018 г. в 49 регионах размер МРОТ соответствует общефедеральному уровню и равен 9 489 руб. По данным, на рассматриваемый период времени в 36 регионах реализовано право устанавливать МРОТ выше федерального (табл. 2).

Повышение регионального МРОТ происходит через дополнительные соглашения (Республика Марий Эл, Тюменская область, Ульяновская область и ряд других) и через региональные трехсторонние соглашения (Белгородская область, Москва, Ханты-Мансийский автономный округ — Югра и др.), а также через постановления правительств (Нижегородская область, Ставропольский край), региональное законодательство (Республика Бурятия, Республика Калмыкия и др.).

Наиболее значительное превышение регионального МРОТ по сравнению с общефедеральным наблюдается на 1 января 2018 г. в таких регионах, как Москва (превышение составляет 9 253 руб.), Камчатский край (8 871 руб.), г. Санкт-Петербург (7 789 руб.). При этом в ряде регионов МРОТ соответствует уровню ПМ региона или выше него (г. Москва, г. Санкт-Петербург, Ленинградская область, Московская область и др.).

Таблица 2

Соотношение МРОТ и ПМ на примере отдельных регионов России на 1 января 2018 г.[8]

Регион	МРОТ, руб.	ПМ трудоспособного населения, руб.	Отношение МРОТ к ПМ, %
Астраханская область	9 489	10 009	94,8
Амурская область	9 489	11 795	80,4
Архангельская область	9 489	13 011	73,0
Брянская область	9 550 (для бюджетного сектора), 10 615 (для внебюджетного сектора)	10 428	91,6 101,8
Владимирская область	9 489	10 594	89,6
Воронежская область	9 489	9 271	102,4
Ивановская область	9 489	10 993	86,3
Калининградская область	11 000	11 710	93,9
Ленинградская область	11 400	10 147	112,3
Москва	18 742	18 453	101,6
Московская область	13 750	13 146	104,6
Оренбургская область	9 489	9 218	102,9
Республика Коми	10 000	13 420	74,5
Республика Марий Эл	10 047	9 989	100,6
Республика Мордовия	9 489	8 898	106,6
Республика Саха (Якутия)	17 388	17 586	98,9
Республика Татарстан	9 489	9 269	102,4
Республика Тыва	9 489	10 257	92,5
Республика Хакасия	9 489	10 079	94,1
Санкт-Петербург	17 000	11 868	143,2
Саратовская область	9 489	9 402	100,9
Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	9 489	15 632	60,7
Чукотский автономный округ	9 489	20 396	46,5
Чеченская Республика	9 489	9 844	96,4
Чувашская Республика	9 489	9 303	102,0
Ямало-Ненецкий автономный округ	16 299	16 711	97,5
Ярославская область	10 002 (для коммерческих работодателей), 9 489 (для бюджетников)	10 469	95,5 90,6

[8] Составлено по: Минимальный размер оплаты труда — 2018. URL: http://glavkniga.ru/situations/k505185 (дата обращения: 13.01.2018); Прожиточный минимум по регионам РФ в 2017 г. и в 2018 г. URL: http://potrebkor.ru/prozhitochnyi-minimum.html (дата обращения: 13.01.2018).

Таким образом, ряд регионов самостоятельно повышает МРОТ в соответствии со своими экономическими возможностями. Этот шаг приветствуется со стороны профсоюзов, так как отражает положительную динамику приближения МРОТ к ПМ региона или доведение МРОТ до величины ПМ, тем самым создавая условия для повышения действенности воспроизводственной функции заработной платы на территории этих субъектов Федерации.

Однако есть ряд регионов, в которых отношение МРОТ к ПМ находится на крайне низком уровне (Чукотский автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ). В таких условиях трудно осуществить не только расширенное, но и простое воспроизводство рабочей силы.

На основании Федерального закона «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения МРОТ до ПМ трудоспособного населения» от 28 декабря 2017 г. № 421-ФЗ[9] МРОТ установлен с 1 января 2018 г. на уровне 9 489 руб.

Следует отметить, что в случае МРОТ, равного ПМ трудоспособного населения, работник не имеет средств для содержания семьи и воспитания детей. В основе величины ПМ лежит объем потребительской корзины. Одним из недостатков формирования методологических основ продуктовых корзин являются заниженные нормы потребления продуктов питания. В связи с этим сегодня необходим пересмотр ПМ, сопровождающийся изменением его структуры и увеличением ассортимента товаров и услуг, включенных в потребительскую корзину, роста норм и нормативов их использования, снижение времени применения предметов личного и общесемейного использования. В начале 1990-х гг. величина потребительской корзины была занижена, что составляло около 30,0 % от ее общего размера, и в настоящее время объем потребительской корзины полностью не восстановлен. Сегодня необходим пересмотр потребительской корзины, но этот шаг, к сожалению, даже не запланирован [1—2].

[9] См.: Федеральный закон «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части повышения минимального размера оплаты труда до прожиточного минимума трудоспособного населения» от 28 дек. 2017 г. № 421-ФЗ // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 03.01.2018).

В настоящее время еще раз остро встает вопрос об уровне МРОТ. Для тех, кто сегодня входит в разряд бедных и получает заработок в размере от МРОТ (и ниже) до ПМ, этого заработка не хватает для того, чтобы восстановиться и просто выжить. Ведь главная воспроизводственная функция оплаты труда в том и состоит, что заработная плата должна быть достаточной для компенсации тех затрат, которые возникают у человека в процессе трудовой деятельности и жизни как таковой. Основополагающие характеристики оплаты труда предопределяют стоимость жизненных средств, требуемых для воспроизводства работника. Контракт, в котором заработная плата предусмотрена ниже стоимости воспроизводства, составлен по правилам, противоречащим характеру рыночных отношений, что должно быть только исключением, вызванным внешними факторами. Однако в существующих социально-экономических условиях у части населения доходы ниже ПМ. Эта проблема уходит в начало рыночных отношений. Удельный вес работников, получающих заработную плату ниже ПМ трудоспособного населения, по данным выборочных исследований в 1995 г., составил около 48,0 %. Это очень значительный, заставляющий задуматься отрицательный результат, так как в этот состав реально входил один из двух работников, занятых в национальном народном хозяйстве. В результате дальнейшего спада данного показателя в 1996—1997 гг. до уровня 25,0 %, доля работников, характеризующихся наличием трудовых доходов, размер которых меньше уровня ПМ, увеличилась в 2001 г. до 44,0 %, в 2002 г. заново снижается до 35,0 %[10].

К 2007 г. данный показатель снизился до 16,5 %, и в 2007—2013 гг. положительная динамика продолжается: 2011 г. — 12,7 %, 2012 г. — 10,9 %, 2013 г. — 7,8 %. В 2015 г. доля работников, величина трудовых доходов которых меньше уровня ПМ, возросла до 10,7 %, что в целом на фоне предшествующего периода еще более ухудшает картину и означает, что в 2015 г. эта часть от всего трудоспособного населения не имела возможности обрести достаточного для нормальной жизни заработка даже на фоне небольшого значения бюджета ПМ, имеющегося в настоящее время[11]. Эта часть населения входит в категорию малообеспеченных, на которых распространяется социальная поддержка.

Таким образом, можно говорить о проблеме, которая в настоящее время наблюдается в оплате труда, — заниженном значении МРОТ, что очень важно для рассматриваемого показателя. Это касается благосостояния всех слоев нашего населения, уровня и качества его жизни. Создавшиеся диспропорции в области оплаты труда вызывают необходимость активного участия государства в ее регулировании. Поэтому ключевая роль в этой системе отводится минимальной заработной плате.

Отставание МРОТ от физиологического ПМ стало в настоящее время значительной и серьезной проблемой, требующей незамедлительных корректив в ряде направлений современной социально-экономической политики.

Доведение МРОТ до величины ПМ, сопровождающееся замораживанием заработной платы той категории работников, у которой ставки и оклады значительно превышают ПМ, может заложить основу для снижения дифференциации в оплате труда, характеризующейся неоправданно высокими масштабами, которые можно назвать даже социально опасными.

На наш взгляд, в условиях реформирования оплаты труда в современный период первый этап должен включать повышение МРОТ до величины ПМ, а уже следующий — основываться на соответствии МРОТ «стоимости жизни» работника. Необходимость такого шага обусловлена тем, что переход российской экономики на инновационные методы развития предусматривает повышенные требования к качеству рабочей силы. В связи с этим необходим расширенный состав расходов, предусматривающих развитие работника, включающих затраты на рост и обновление знаний, сохранение здоровья, поддержка которого необходима в связи с повышением интенсивного характера труда, ростом затрат на интернет-услуги, досуг и т. п.

Поэтому на современном этапе в соответствии с новым подходом к определению сущности заработной платы доминирующее значение приобретает проблема восстановления и

[10] Рассчитано по: Труд и занятость в России. 2003: стат. сб. М.: Госкомстат России, 2003. С. 401.

[11] См.: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: стат. сб. Росстат. М., 2015. С. 117.

усиления воспроизводственной функции. Воспроизводственная функция оплаты труда — это свойство, способность и возможность заработной платы (прежде всего по своему уровню) компенсировать затраты, которые имеются в процессе труда работника[12]. Иными словами, она выражается в обеспечении работникам, а также членам их семей необходимого объема требуемых жизненных благ для воспроизводства рабочей силы, сопровождающегося всесторонним развитием личности.

Рассмотрим динамику изменения среднемесячной заработной платы. Согласно статистическим данным, она в номинальном выражении показывает рост, однако, к сожалению, уровень повышения реальной начисленной заработной платы достаточно невысок, что негативно сказывается на доходах трудоспособного населения, значительно снижая покупательную способность.

О наличии социально-экономических последствий изменения заработной платы и цен можно судить на основании сопоставления динамики изменения заработной платы с индексом потребительских цен, который определяет уровень покупательной способности заработной платы по отношению к социально приемлемому показателю.

С 1992 по 2007 г. рост среднемесячной заработной платы сопровождается одновременно ростом индекса потребительских цен, который «съедает» наблюдаемый рост реальный заработной платы работников. Однако с 2009 г. ситуация значительно ухудшается: рост индекса потребительских цен в 2009 г. начинает обгонять темпы увеличения среднемесячной заработной платы и впоследствии эта тенденция периодически повторяется. Наиболее тяжелым в рассматриваемой динамике выглядит 2015 г. — значительное падение реальной заработной платы вследствие сильного роста индекса потребительских цен.

Рост индекса потребительских цен, одновременный с ростом среднемесячной заработной платы работников, ведет к падению ее реального содержания, к тому, что заработная плата перестает быть надежным источником воспроизводства рабочей силы. Таким образом, на практике наблюдается сильное занижение реального роста заработной платы, что

[12] См.: Оплата труда в России и современном мире: проблемы, действия. С. 17.

отрицательно сказывается на ее покупательной способности и в целом влияет на уровень жизни населения. Меры, принимаемые в области политики доходов и заработной платы, должны отражать величину и темпы изменения цен на потребительские товары и услуги, поэтому в условиях развития рыночных отношений увеличение покупательной способности трудовых денежных доходов населения становится одним из социальных приоритетов в политике доходов и заработной платы.

Реальная заработная плата играет ведущую роль в определении жизненного уровня наемных работников, поэтому очень важно подробно проанализировать статистику ее изменения с 1990 по 2016 г. Динамика реальной заработной платы определяется соотношением изменения номинальной заработной платы и цен.

За 1991—1999 гг. наблюдается наиболее сильное падение реальной заработной платы, сопровождающееся наличием последующей положительной динамики. 1990 г. характеризуется среднемесячной начисленной заработной платой в размере 303 руб., которая, номинально увеличившись с 303 руб. в 1990 г. до 1 522,6 руб. в 1999 г., или с учетом деноминации в 5 025,1 раза, реально упала на 65,3 % — до 105 руб. в мес. Также в 1999 г. был отмечен наиболее низкий уровень покупательной способности среднемесячной заработной платы в 1,5 ПМ трудоспособного населения[13].

Тенденция движения реальной заработной платы, несмотря на наглядный рост номинальной заработной платы, как уже отмечалось, в первые годы становления рыночной экономики показывала сильно выраженную отрицательную динамику (в 1992 г. она составила лишь 67,0 % от предыдущего года, в 1995 г. — 72,0 %). Реальная заработная плата постепенно утрачивала действие одной из своих основополагающих функций — воспроизводственной со всеми вытекающими отсюда последствиями и острыми социальными проблемами. С 2000 по 2007 г. заметен рост реальной заработной платы, с 2008 г. динамика ее изменения опять сопровождается заметным падением, за исключением 2012 г. (табл. 3).

[13] См.: Россия в цифрах. 2013: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2013. С. 129.

Таблица 3

Изменение уровня заработной платы работников и индекса потребительских цен за 1991—2016 гг.[14]

Год	Среднемесячная заработная плата работников, % к предыдущему году	Темпы изменения реальной заработной платы, % к предыдущему году	Индекс потребительских цен	Покупательная способность среднемесячной заработной платы (количество ПМ)
1991	180,9	96,6	187,0	3,6
1992	109,4	67,0	162,7	0,9
1993	978,3	100,4	974,4	2,5
1994	375,5	92,2	408,2	2,3
1995	214,0	72,0	298,0	1,6
2000	146,0	120,9	120,2	1,7
2001	145,8	119,9	118,6	2,0
2002	135,0	116,2	116,1	2,2
2003	126,0	110,3	112,0	2,39
2004	123,0	110,6	111,7	2,63
2005	127,0	112,6	110,9	2,83
2006	124,0	113,4	109,0	3,11
2007	128,0	117,2	111,9	3,53
2008	127,0	111,5	113,3	3,76
2009	107,8	96,5	108,8	3,62
2010	113,7	105,2	108,8	3,68
2011	111.8	102,8	106,1	3,67
2012	115,0	108,0	106,6	4,13
2013	112,5	105,0	106,5	4,1
2014	108,8	101,0	111,4	4,04
2015	104,6	91,0	112,9	3,5
2016	108,0	101,0	105,4	3,74

Объяснение состоит в том, что в период экономического кризиса мы наблюдаем снижение роста реальной заработной платы, а в 2009 г. его полное отсутствие (имеем 97,0 %, от предыдущего года). В 2010—2011 гг. ситуация в этом направлении начинает немного выправляться и динамика изменения реальной заработной платы переходит в положительную плоскость (2010 г. — 105,0 %, 2011 г. — 2,8 %, 2012 г. — 8,0 %, 2013 г. — 5,0 %). Однако на фоне невысокой величины рост в 5,0 % в целом ситуацию не меняет[15]. При этом повышение потребительских цен опережает рост

[14] Составлено по: Социальное положение и уровень жизни населения России. 2011: стат. сб. М.: Росстат, 2011. 527 с.; Российский статистический ежегодник. 2012: стат. сб. М.: Росстат, 2012. С. 167; Россия в цифрах. 2016: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2016. С. 36; Россия в цифрах. 2017: крат. стат. сб. М.: Росстат, 2017. С. 36, 117, 118.

[15] См.: Россия в цифрах. 2013. С. 129; Россия в цифрах. 2016. С. 36.

реальной заработной платы. Далее мы наблюдаем снижение (2014 г. — 1,0 %) и падение данного показателя на 9,0 % в 2015 г.

В темпах изменения заработной платы под влиянием роста цен за период, характеризующийся наличием трансформационных изменений в отечественной экономике, можно выделить следующие этапы:

— 1992 г. — период, в котором наблюдается опережение роста индекса потребительских цен по сравнению с ростом среднемесячной заработной платы, коэффициент опережения составил 1,49, что привело к значительному снижению реально заработной платы;

— 1993—1994 гг. — этот период характеризуется близкими темпами роста заработной платы и роста цен при некотором опережающем росте цен;

— 1995—1997 гг. и первая половина 1998 г. (до дефолта) — эти годы можно характеризовать как период постепенно нарастающего опережения роста цен по сравнению с ростом заработной платы, за указанный период заработная плата возросла в 4,3 раза, а цены — в 5,21 раза, коэффициент опережения роста цен над ростом заработной платы составил 1,19;

— вторая половина 1998 г. и 1999 г., т. е. период дефолта и его последствий — в эти годы рост цен существенно обогнал рост заработной платы, только за 1999 г. коэффициент опережения составил 1,3 раза;

— 2000—2007 гг. — период, характеризующейся опережающей динамикой превышения заработной платы над темпами увеличения потребительских цен — рост заработной платы начал активно превышать рост цен на потребительские товары (примерно в 1,9 раза). Этот процесс способствовал расширению покупательского спроса, позитивно отразился на активизации производственной деятельности и положительно сказался на повышении производительности труда и в целом росте экономики;

— 2008—2016 гг. — период, в котором возобновляется рост потребительских цен по сравнению с ростом заработной платы (исключение составляет 2012 г.). Наблюдается сокращение покупательского спроса, что отрицательно сказывается на производственной деятельности предприятий регионов и в целом мешает экономическому росту.

На основе анализа динамики покупательной способности заработной платы и индекса потребительских цен с 1991 по 2016 г. можно сделать вывод, что в России за анализируемый период (кроме 1997 г., 2000—2002, 2005—2007 и 2012 гг.) темпы инфляции в основном опережали рост реальной заработной платы. Исследование показало, что последний происходит в те годы, когда темпы инфляции в экономике соответствовали наиболее низкому значению.

На основании исследования динамики изменения уровня реальной заработной платы с 1991 по 2016 г. можно сделать вывод, что за рассматриваемый период ее рост составляет более чем 1,6 раза. Однако актуально дальнейшее повышение реальной заработной платы: в Российской Федерации в долларах она ниже, чем в развитых странах (например, в Германии в 5,0—5,2 раза, в Франции — 4,2—4,4 раза, в Японии — в 5,0—5,2 раза, в Великобритании — в 4,5—4,7 раза)[16]. Если учесть, что в последнее время увеличился объем платных услуг в области здравоохранения, образования, значительно выросла плата за ЖКХ, то сделанный ранее вывод о необходимости повышения реальной заработной платы становится еще более актуальным.

Приведенная статистика еще раз подтверждает вывод, что и в современных условиях процесс воспроизводства рабочей силы на фоне заниженного размера реальной заработной платы очень проблематичен. В настоящее время остро встает проблема, связанная с повышением реальной заработной платы в регионах. Ее рост должен рассматриваться как повышение качества трудовой жизни сотрудников и в целом качества и уровня жизни населения, но также и как предпосылка повышения роста экономики в целом. В связи с этим государственная социально-экономическая политика должна совершенствоваться в направлении увеличения покупательной способности работников, получающих не только минимальную заработную плату, но и тех, кто получает среднюю заработную плату (или применительно к ее медианному значению).

Предприниматели утверждают, что любое увеличение реальной заработной платы непременно приводит к удорожанию продукции, что отрицательно сказывается на темпах инфляции издержек, увеличивая их, соответственно, приводит к сокращению производства вследствие желания работодателя сохранить в создавшейся ситуации старый размер прибыли и способствует росту безработицы. Иначе, по их мнению, повышение заработной платы выступает как фактор, обладающий действием, противоположным максимизации прибыли, и в этом качестве ограничивающим рост производства.

[16] См.: Средняя зарплата в США и Европе в 2017—2018 гг. URL: http://finansiko.ru/srednyaya-zarplata-v-ssha/ (дата обращения: 15.12.2017).

На фоне низкой производительности труда для динамики показателей удельного веса валовой прибыли в отечественной экономики и темпов изменения оплаты труда наемных работников характерна обратная зависимость, что выступает частичным подтверждением обоснованности подобных выводов, так как результаты политики сдерживания заработной платы имели обратные последствия, что подтвердило ее несостоятельность, так как она послужила фактором экономического спада. Отрицательная составляющая подобной политики в качестве меры борьбы с ростом цен была вызвана тем, что доля оплаты труда в издержках производства была незначительна, что соответствовало 24,0 % вместе с отчислениями на социальные нужды [5, с. 37], а причиной инфляции в России являлись совершенно другие факторы. Повышение заработной платы, происходящее на основе роста производительности труда, не будет провоцировать рост цен, так как оно способствует увеличению выпуска продукции, являясь отражением повышения качества рабочей силы. При определенных ценах и объемах продукции рост производительности труда сопровождается повышением заработной платы, что может сопровождаться сокращением работников. В связи с этой проблемой управления разных уровней стала разработка комплекса мероприятий по переобучению, перепрофилированию работников, подготовка программ трудоустройства высвобождаемых работников или компенсация роста производительности труда сокращением рабочего времени. В противном случае рост цен можно классифицировать как следствие неэффективного управления, вызванное отсутствием учета, неумением прогнозировать направленность развития рынка и неспособностью рационально организовать производство, что должно входить в зону материальной ответственности управляющего состава,

но не работника. Во-вторых, падение реальной заработной платы наблюдалось в условиях заметного падения объемов ВВП. Следует отметить, что снижение производительности труда происходило на фоне глубокого сокращения реальной заработной платы, что послужило основанием подвести итог о значительных размерах эксплуатации наемного труда в 1990-е гг. Повышение оплаты труда, не сопровождающееся сокращением, может быть осуществлено только вследствие увеличения объемов производства и доли рынка. Данные за 2000—2013 гг. демонстрируют опережающие темпы повышения реальной заработной платы в сопоставлении с темпами роста ВВП на одного занятого, что можно рассматривать как положительную тенденцию при выполнении условия последующего увеличения темпов производительности труда.

Низкая заработная плата препятствует повышению эффективности труда, оказывает отрицательное влияние на платежеспособный спрос населения и в целом замедляет экономический рост регионов, негативно сказывается на структуре расходов российских граждан, которую можно рассматривать как неудовлетворительную, является тормозом реализации реформ в социальной сфере, так как работник свою заработную плату в основном тратит на питание и приобретение товаров первой необходимости. В таких условиях реализация экономической модели, при которой люди самостоятельно оплачивают образование, жилье и др., практически невозможна. Социальные последствия в условиях низких трудовых доходов граждан также могут наблюдаться, так как данный фактор оказывает влияние на настроение людей, их оценку событий, происходящих в экономике.

Обсуждение и заключения. Таким образом, низкий уровень заработной платы, оказывая влияние на показатели макроэкономического уровня, способствует появлению последствий противоположной направленности. С одной стороны, мы видим сокращение затрат, создание условий для внутренних и внешних инвестиций, рост занятости населения и, соответственно, невысокий уровень безработицы. С другой стороны, низкие заработки негативно отражаются на конкурентоспособности отечественных предприятий регионов, так как при этом наблюдается замедление развития процессов механизации и автоматизации, внедрения новых высоких технологий, инновационных методов развития производства.

Основная часть трудоспособного населения считает имеющиеся доходы очень низкими. Отсюда усиливается необходимость активного вмешательства государства в регулирование заработной платы и совершенствование механизма эффективного социального партнерства, включая все уровни управления. Государственная политика в области заработной платы предполагает разработку комплекса законодательных мер, гарантирующих реализацию заработной платой как воспроизводственной, так и других экономических функций. Повышение заработной платы становится актуальной социально-экономической задачей, в решении которой должны участвовать все заинтересованные стороны.

Проведенное исследование еще раз подтвердило необходимость повышения заработной платы на территории России. Механизм повышения МРОТ до уровня ПМ в первую очередь основан на экономических возможностях как в целом государства, так и отдельно взятых регионов. Однако одно из направлений здесь может базироваться на организации самой оплаты труда. Значительная часть работающего населения регионов не полностью реализует свой физический, умственный, интеллектуальный потенциал. Причина кроется в отсутствии заинтересованности работников в совершенствовании своих компетенций, в развитии творческих способностей, в повышении результативности труда. Новая организация оплаты труда предполагает применение новых моделей и систем оплаты труда: бестарифных систем, конкурентной системы и др. При наличии на практике четкой зависимости размера заработной платы и результатов труда работника наблюдается рост ВВП, часть средств от которого может пойти на увеличение МРОТ.

Возможен вариант применения системы оплаты труда, в которой заработная плата работников берется в виде доли или в виде процента от дохода предприятия. В этом случае повышается экономическая заинтересованность работников: их заработок зависит от дохода предприятия в целом. Работодатель будет наблюдать повышение социальной ответственности персонала, поддерживать рост заработной платы работников, так как в результате это приведет к повышению дохода предприятия. Со стороны работников будет наблюдаться заинтересованность в эффективности труда, высоких финансово-хозяйственных показателях организации.

Восстановление воспроизводственной функции заработной платы в настоящее время является одним из приоритетов механизма реформирования оплаты труда. Основные задачи в этом плане сводятся к увеличению МРОТ до величины ПМ, разработке механизма формирования фонда оплаты труда как конкретной доли от дохода предприятия (50,0—70,0 %), увеличению доли оплаты труда в совокупном доходе работника, использованию в условиях дальнейшего развития экономики для оценки ПМ рационального потребительского бюджета.

В настоящее время можно обозначить еще одну проблему в оплате труда, на наш взгляд, вытекающую из первой, — ослабление стимулирующей функции заработной платы в процессе реформирования отечественной экономики. Нарушение воспроизводственной функции создает условия, способствующие нарушению действия стимулирующей. Невозможность удовлетворения насущных потребностей служит основой появления моральной подавленности или равнодушного поведения работников, которые сосредоточиваются не на качественном выполнении работы, а на нахождении возможности повысить свое материальное благосостояние. Поэтому к основным причинам, лежащим в основе ослабления действия данной функции заработной платы, можно отнести следующие: сокращение величины реальной заработной платы по сравнению с дореформенным периодом; значительно заниженный размер номинальной заработной платы; низкую зарплатоемкость выпускаемой продукции; невысокий уровень гарантий, действие которых связано с заработной платой; необходимость развития нормативной базы, разрабатываемой для оценки затрат труда.

В современных условиях наблюдается значительное снижение стимулирующей роли заработной платы. Она не заинтересовывает работников в повышении качества производимой продукции, экономии используемых ресурсов, наилучшем использовании своих потенциальных физических и интеллектуальных способностей. Подобная ситуация объяснятся слабой взаимосвязью размеров заработной платы с результативностью труда работника, наличием уравнительности в распределении, необоснованностью в дифференциации трудовых доходов работников. Изменения заработной платы касаются в основном динамики цен, и, к сожалению, не всегда наблюдается их взаимосвязь с производственными показателями.

Повышение гибкости заработной платы, ее возможности к быстрому реагированию на изменение фактических результатов труда работников закладывает основы усиления значимости ее стимулирующей функции. Полноценная реализация последней усиливает действенность мотивационной политики на предприятии, что приводит к более эффективному и производительному труду работников.

Восстановление действенности воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы — основа разработки эффективного механизма организации заработной платы на предприятии, повышения значимости труда и развития творческого потенциала работников.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Савина С.В. О механизме установления МРОТ // Кадровик. 2017. № 3. С. 27—36. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32301284 (дата обращения: 14.11.2017).

2. Савина С.В. О механизме установления МРОТ (продолжение) // Кадровик. 2017. № 4. С. 16—22. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=32301296 (дата обращения: 14.11.2017).

3. Волгин Н.А., Валь Е. ВИЛАР: мотивационная основа эффективного труда // Человек и труд. 2000. № 4. С. 75—79. URL: http://ecsocman.hse.ru/articles/j16075312/y2000/ (дата обращения: 14.11.2017).

4. Бобков В.Н. Уровень жизни населения в России: межстрановой, общероссийский и региональные контексты (2000—2009 годы) // Социальная политика и социальное партнерство. 2010. № 10. С. 10—14. URL: https://istina.msu.ru/publications/article/5310862/ (дата обращения: 14.11.2017).

5. Шмелев Н. Монетарная политика и структурные реформы в экономике постсоветской России // Вопросы экономики. 2002. № 5. С. 26—38. URL: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n5_2002.html#an2 (дата обращения: 14.11.2017).

Для цитирования: Савина С.В. Ослабление действия воспроизводственной и стимулирующей функций заработной платы в регионах Российской Федерации // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 68—89. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.68-89

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

S. V. SAVINA. WEAKENING OF THE REPRODUCTIVE AND STIMULATING FUNCTIONS OF REMUNERATION IN THE REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Key words: region; remuniration; reproductive function; purchasing power; average wage; real wage; stimulating function

Introduction: due to the fact that the mechanism of the remuneration model set-up at the enterprises of Russia's regions is in the stage of transformation, the methodological approaches to formation of a system of incentive and remuneration mechanisms are of great interest. Therefore, research is currently underway to develop and improve the forms and methods stimulating the work of an employee. This determines the relevance of research in the field of reforming the remuneration system and of the subsequent development of the main directions in the field of full-fledged implementation of reproductive and stimulating functions of remuneration.

Materials and Methods: data from various statistical compilations were used in the study. As a methodological basis of the research, a comprehensive approach to the study of the issues under consideration was used in the context of the dialectical approach to the results of the study formulated in the form of conclusions and proposed recommendations that have a positive impact on the process of cognition and transformation in the field of improvement and development of the mechanism of remuneration.

Results: the problems that occur in the field of remuneration at present concerning the implementation of the two basic functions of remuneration were identified: the reproductive and the stimulating ones, which are an obstacle to improving the efficiency and effectiveness of workers' labor. The author suggests a list of directions in the field of increasing the reproductive function of remuneration, strengthening its stimulating role leading to more productive labor of workers and improvement of people's working life quality.

Discussion and Conclusions: sustainable economic development is inextricably linked to the development of production. Solution of the stated problem depends on the level of interest of employees in high-quality and high-performance labor on the basis of the existence of a strong, direct and strongly supported relationship between income and the employee's actual labor contribution. The full-fledged implementation of the reproductive and stimulating functions of remuneration is a fundamental factor that positively affects the quality of workers' labor. Strengthening the effectiveness of these functions is impossible without solving the problems that occur in the field of remuneration at the moment, which implies their in-depth study and the development of the main directions related to their solutions. Suggestions on strengthening the role of the reproductive and stimulating functions of remuneration and their practical implementation may be used when forming the mechanism of the remuneration system set-up and reform in an enterprise, when improving the key areas of remuneration setting.

REFERENCES

1. Savina S.V. [Mechanism of Establishing a Minimum Wage]. *Kadrovik* = Kadrovik. 2017; 3:27—36. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=32301284 (accessed 14.11.2017). (In Russ.)

2. Savina S.V. [Mechanism of Establishing a Minimum Wage (continuation)]. *Kadrovik* = Kadrovik. 2017; 4:16—22. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=32301296 (accessed 14.11.2017). (In Russ.)

3. Volgin N.A., Val E. [VILAR: Motivational Basis of Effective Labor]. *Chelovek i trud* = Man and Labor. 2000; 4:75—79. Available at: http://ecsocman.hse.ru/articles/j16075312/y2000/ (accessed 14.11.2017). (In Russ.)

4. Bobkov V.N. [The Living Standard of the Population in Russia: International, All-Russian and Regional Contexts (2000—2009)]. *Social'naja politika i social'noe partnerstvo* = Social Policy and Social Partnership. 2010; 10:10—14. Available at: https://istina.msu.ru/publications/article/5310862/ (accessed 14.11.2017). (In Russ.)

5. Shmelev N. [Monetary Policy and Structural Reforms in the Economy of Post-Soviet Russia]. *Voprosy Ekonomiki* = Voprosy Ekonomiki. 2002; 5:26—38. Available at: http://www.vopreco.ru/rus/archive.files/n5_2002.html#an2 (accessed 14.11.2017). (In Russ.)

About the author:

Svetlana V. Savina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor at the Department of Construction Materials and Technologies, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* savinasv2017@mail.ru).

For citation: Savina S.V. Weakening of the Reproductive and Stimulating Functions of Remuneration in the Regions of the Russian Federation. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):68—89. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.68-89

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 15.01.2018.

Экономика региона / Economy of a region
http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549
УДК 339.14(477.75)
*DOI: 10.15507/*2413-1407*.102.026.201801.90-107*

О. Б. ЯРОШ,
Э. А. МИТИНА

ИССЛЕДОВАНИЕ АССОРТИМЕНТА И КАНАЛОВ ТОВАРОДВИЖЕНИЯ ОРГАНИЧЕСКОЙ ПРОДУКЦИИ В РЕСПУБЛИКЕ КРЫМ

Благодарности: исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ № 17-32-00009 «Рынок органической сельскохозяйственной продукции: формирование товародвижения и прогнозирование конъюнктуры в регионе».

Ключевые слова: регион; каналы товародвижения; ассортимент; органическая продукция; продовольственные и непродовольственные группы товаров

Введение: в современных условиях хозяйствования особый интерес вызывает исследование каналов товародвижения органической продукции в торговых сетях. В России в последнее время актуальны проблемы развития рынка органической продукции. Это связано с рядом объективных причин, среди которых как серьезная динамика его роста, так и значительные перспективы, открываемые для производителей и маркетологов в части продвижения данной продукции на рынок регионов России.

Материалы и методы: изучены продовольственные и непродовольственные группы товаров в Республике Крым, из них: продовольственные, включающие 137 наименований (разбиты на 8 товарных групп); 27 наименований непродовольственной продукции, разбитых на 4 товарные группы, согласно существующей товароведческой классификации. Обработка данных была проведена в программах Statistics и SPSS. Ряд полученных результатов был получен с применением методов экономико-математического моделирования.

ЯРОШ Ольга Борисовна, профессор кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского, доктор экономических наук (295015, Россия, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 21/4) (*e-mail:* yarosh.tnu@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1288-4582. Researcher ID: A-9439-2017

МИТИНА Элла Александровна, ассистент кафедры маркетинга, торгового и таможенного дела Института экономики и управления Крымского федерального университета им. В.И. Вернадского (295015, Россия, г. Симферополь, ул. Севастопольская, 21/4) (*e-mail:* zhilina_ella@list.ru).

© Ярош О. Б., Митина Э. А., 2018

Результаты исследования: исследован ассортимент продовольственных и непродовольственных товаров, продающихся в торговых сетях региона на предмет их соответствия нормам экологической сертификации. Рассмотрено соотношение сертифицированной экологически чистой продукции с псевдоэкологической продукцией (гринвошингом), определена доля иностранных и отечественных экотоваров, выявлены основные страны — производители сертифицированной экологически чистой продукции, представленной на региональном рынке, проанализированы виды маркировки. Построено дерево классификации, распределяющее продовольственную продукцию по каналам сбыта, исследован диапазон цен по различным товарным группам. Определены основные маркеры и признаки недобросовестного товара, продающегося под экологическими маркировками.

Обсуждение и заключения: на основе анализа показано, что на долю сертифицированной экологически чистой продукции, представленной в торговых сетях и экомагазинах Республики Крым и города федерального значения Севастополя приходится 45,1 %, а подделки, или «псевдоэкологические» товары, составляют 54,9 %. Статистическое исследование цен и механизмов ценообразования на экологически чистую продукцию в торговых сетях выявило зависимость, показывающую, что экотовары или псевдоэкотовары в среднем дороже обычных на 30,0 %, что создает возможности для недобросовестного маркетинга.

Введение. В России в последнее время растет научный интерес к проблемам развития рынка органической продукции. Это связано с рядом объективных причин, среди которых как серьезная динамика его роста, так и значительные перспективы, открываемые для производителей и маркетологов в части продвижения данной продукции на рынок регионов России[1]. Наряду с сертифицированной экологически чистой продукцией в обращении находится огромное количество «гринвошинга», или недобросовестного экомаркетинга, т. е. производители заявляют об экологической чистоте своей продукции, не имея на то никаких оснований. Именно выявление этих товаров в регионе, поиск механизмов и маркеров определения «псевдоэкологической» продукции стало основной целью написания работы.

Обзор литературы. Основные направления для научного осмысления и теоретического исследования системы товародвижения определены в работах ученых-аграрников.

[1] См.: Ярош О.Б. Перспективы развития рынка органически чистой продукции // Маркетинг и логистика в системе конкурентоспособного бизнеса: сб. материалов III науч.-практ. конф. молодых ученых, аспирантов, студентов / под ред. В.Е. Реутова, Е.А. Полюхович, Н.Н. Кальковой. Симферополь: ФГАОУ ВО «КФУ им. В.И. Вернадского», 2017. С. 38—40.

В трудах Ю. И. Агирбова[2], Н. Я. Голубь [1] заложены основы функционирования и организации производства плодоовощной продукции под углом рассмотрения ее ассортиментного состава, поскольку именно производство формирует начало цепочки товародвижения.

Теоретическое изучение самой системы товародвижения — комплексная и широкая исследовательская задача, которая касается как выявления места органической продукции в воспроизводственном процессе, о чем пишут О. А. Рушицкая [2] и Н. Я. Кутаренко [3], так и выявления степени и методов государственного регулирования в России и за рубежом рынка органической продукции на основе ее сертификации и стандартизации (О. А. Козлов [4], Э. А. Митина [5], А. П. Леснов[3]). В связи с этим нужно упомянуть зарубежных ученых, исследующих различные стороны этой актуальной для современной экономики задачи (С. Падель и П. Мидмор [6], Н. Озгувен [7] и др.). Тем не менее недостаточно решены многие практические и теоретические вопросы, касающиеся как повышения эффективности систем товародвижения органической продукции, так и изучения и объективной оценки современной ситуации с органическим продовольствием, реализуемым на потребительском рынке отдельных регионов. Несмотря на изученность системы рационального товародвижения, оптовой торговли и потребительской кооперации, проблемам ассортимента и каналов товародвижения именно органической продукции посвящены единичные работы, где не проведен конкретный анализ в разрезе товарных групп, особенно на формирующемся рынке Республики Крым, что обусловило актуальность темы данного научного исследования.

Материалы и методы. Материалом исследования стали товары, позиционируемые как «экологические», «органические», с приставками, намекающими на присутствие натурального, чистого: «эко», «био» и т. д. Выборочное исследование проведено по двум направлениям: торговые сети и специализированные магазины, позиционируемые

[2] См.: Агирбов Ю.И. Межхозяйственная кооперация и агропромышленная интеграция в овощеводстве, садоводстве и виноградарстве. М.: Изд-во ТСХА, 1985. 45 с.

[3] См.: Леснов А.П. Система производства и товародвижения плодоовощной продукции в странах ЕС: дис. ... канд. экон. наук. М., 2003. 187 с.

как «экологические». Географический спектр расположения магазинов был приурочен к крупным городам полуострова, изучены торговые сети «Ашан», «Яблоко», «Мега Яблоко», «Метро», «Ассорти», «Сельпо», а среди магазинов с маркетинговым позиционированием «экологические» — «Эколуг», «Экожизнь» и Greenmarket. В отношении ассортиментных рядов, представленных в торговых сетях полуострова, были проанализированы продовольственные и непродовольственные группы товаров, из них: продовольственные, включающие 137 наименований (разбиты на 8 товарных групп), 27 наименований непродовольственной продукции, разбитых на 4 товарные группы согласно существующей товароведческой классификации. Обработка данных проведена в программе Statistics и SPSS. Ряд полученных результатов получен с применением методов экономико-математического моделирования.

Результаты исследования. В современных условиях хозяйствования особый интерес вызывает исследование каналов товародвижения органически чистой продукции в торговых сетях. Это подтверждает гипотезу о формировании потребительских моделей экологически чистого или псевдоэкологического маркетинга.

Соотношение сертифицированной экологически чистой продукции с гринвошингом в торговых сетях и экомагазинах полуострова составляет 45,1 и 54,9 %. Эти цифры свидетельствуют о том, что пока в Российской Федерации не будет разработан закон, регламентирующий использование понятий «экологичный» или «органический», более половины продукции будет позиционироваться производителями как экологичная, не имея при этом экологических сертификатов, выданных независимой стороной.

Изучение каналов сбыта проведено на выборке по 164 наименованиям товаров, которая является достоверной, что подтверждено показателем индекса качественной вариации, равным 95,1 %. Индекс энтропии равен 99,8 %, что говорит о высоком уровне разброса данных. Коэффициент взаимосвязи номинальных признаков *Xu*-квадрат составляет 0,39, что свидетельствует о слабой взаимосвязи между представленностью экотоваров и гринвошинга. Поэтому можно предположить, что они являются независимыми и взаимоисключаемыми группами товаров.

В структуре соотношения сертифицированной экологически чистой продукции с гринвошингом в группе продовольственных товаров, представленной на региональном рынке, 100,0 % занимает сахар и сахарная продукция (61,5 %), т. е. вкусовая продукция, немного уступает свежая и переработанная плодово-овощная продукция (60,9 %), на долю пищевых жиров приходится 47,1 %, кондитерские изделия и зерно-мучная продукция составляют 39,1 и 38,9 % соответственно. Следует отметить, что на долю мясной и молочной продукции приходится 100,0 % гринвошинга, кондитерских изделий — 60,9 %, пищевых жиров — 52,9 %, свежей и переработанной плодово-овощной продукции — 39,1 %, вкусовой продукции — 38,5 %, зерно-мучной продукции — 61,8 %.

В структуре соотношения сертифицированной экологически чистой продукции с гринвошингом в группе непродовольственных товаров, представленных на региональном рынке, лидирующую позицию занимают товары бытовой химии, на долю которых приходится 61,5 %, а 30,0 % — на косметические товары. Доля хозяйственных товаров и средств личной гигиены составляет 100,0 % гринвошинга, товаров бытовой химии — 38,5 %, косметических товаров — 70,0 %.

На долю иностранной экологически чистой продукции, представленной на рынке Республики Крым, приходится 76,4 %, а 20,7 % занимает отечественная. В отношении гринвошинга наблюдается обратная зависимость: на долю отечественной продукции приходится 79,4 %, зарубежной — 23,6 %. Сложившуюся ситуацию можно объяснить тем, что в западных странах, в отличие от России, экологическая сертификация давно носит обязательный характер вместе с сертификацией продукции на соответствие различным стандартам качества.

Странами — лидерами по производству экологически чистой продукции, представленной на рынке Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, являются Германия, Италия и Финляндия — 23,6, 22,2 и 19,4 % соответственно, значительно уступают им Украина (6,9 %), Франция (5,6 %), Чехия (2,8 %), Турция (2,8 %), Словения (2,8 %), 1,4 % приходится на Швецию, Швейцарию, США, Колумбию и Грецию.

На основании представленных данных построены деревья классификации, позволяющие продемонстрировать структуру

продовольственных и непродовольственных товаров в зависимости от источника их происхождения (рис. 1)[4].

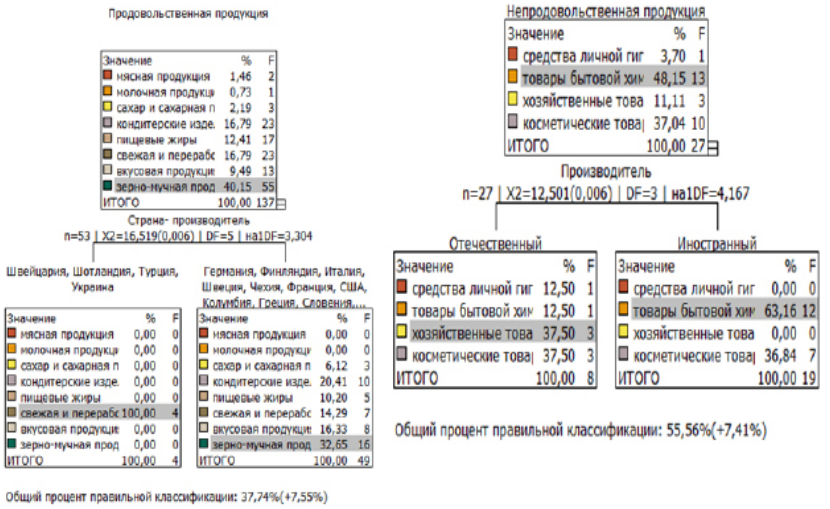

Рис. 1. Деревья классификации продовольственных и непродовольственных товаров

В структуре непродовольственных товаров отечественные производители осуществляют поставки хозяйственных товаров, в то время как бытовая химия поставляется на рынок России от иностранных компаний. Продовольственная сертифицированная продукция больше всего представлена в группе зерно-мучной продукции, завозимой из-за рубежа.

В табл. 1 указаны виды маркировки продукции, реализуемой в торговых сетях и экомагазинах Республики Крым и города федерального значения Севастополя.

[4] Все рисунки в статье составлены нами на основе собственных исследований.

Таблица 1

Виды маркировки продукции[5]

Маркировка	Значения	Тип маркировки	Частота встречаемости	% товаров	Средняя цена в исследуемой группе
	1	Экомаркировка	53	32,5	318,51
	2	Экомаркировка	3	1,8	484,00
	3	Экомаркировка	4	2,5	169,50
	4	Экомаркировка	5	3,1	205,40
	5	Экомаркировка	2	0,6	40,00
	6	Экомаркировка	4	2,5	313,25
	7	Гринвошинг	4	2,5	458,75
	8	Гринвошинг	6	3,7	175,00
	9	Гринвошинг	5	3,1	136,00
	10	Гринвошинг	4	2,5	192,50
	11	Гринвошинг	17	10,4	233,06
	12	Гринвошинг	34	20,9	183,41
	13	Гринвошинг	5	3,1	193,00
	14	Гринвошинг	4	2,5	232,50
	15	Гринвошинг	14	8,6	162,14

[5] Табл. 1 составлена по [6]. Изображения в табл. 1 не носят какого-либо рекламного характера и представлены исключительно в научно-исследовательских целях.

Данные табл. 1 свидетельствуют, что из 15 маркировок только 6 подтверждает экологически чистый товар, а 9 изображены при гринвошинге.

Следует отметить, что 30,5 % приходится на маркировку «Евролист» (страны ЕС), 1,8 % — «Белый лебедь» (Финляндия), 2,5 % — «Зеленый журавль» (Украина), 3,1 % — «Листок жизни» (Россия), 0,6 % — экологический знак Международного экологического фонда (Россия), на долю Bio Siegel (Германия) и Eco Cert приходится по 2,5 %. Наибольший процент (20,9 %) в гринвошинге принадлежит маркировке со значением 12 (100,0 % натуральный).

Наибольший процент (78,2 %) экологически чистой продукции реализуется через торговые сети, лишь 15,1 % приходится на экомагазины. Что касается гринвошинга, то наблюдается обратная зависимость: 21,8 % представлено в торговых сетях, 84,9 % — в экомагазинах. Иными словами, магазины, которые позиционируют себя как «эко», в большинстве случаев продают не сертифицированную экологически чистую продукцию, а гринвошинг.

Больше всего продовольственных экологически чистых товаров реализуется в группе зерно-мучных изделий, в равной степени распределенных по каналам сбыта (рис. 2).

По результатам исследования становится очевидным, что в экомагазинах больше всего представлены: зерно-мучная продукция (46,0 % выборки), кондитерские изделия (20,0 %), пищевые жиры (14,0 %).

В торговых сетях наблюдаются следующие тенденции: зерно-мучная продукция составляет меньшую часть и представлена 32,0 % выборки, свежая и переработанная — 24,0 %, вкусовая — 16,0 %.

Парадоксальность распределения заключается в том, что продукция малого срока хранения распространяется через торговые сети, а более долгого — через экомагазины. В связи с этим можно заключить, что в экомагазинах требуется создание системы жесткого контроля за сроками хранения продукции.

Рис. 2. Дерево классификации, распределяющее продовольственную продукцию по каналам сбыта

Статистическое исследование цен и механизмов ценообразования на экологически чистую продукцию в торговых сетях и экомагазинах Республики Крым позволило выделить ряд тенденций (табл. 2).

Таблица 2

Диапазон цен экотоваров в группе продовольственных товаров, руб.[6]

Продовольственная продукция	Цена экотоваров		
	Итого товарных позиций	Среднее	Стандартное отклонение
Мясная продукция	2	317,50	60,10
Молочная продукция	1	325,00	0,00
Сахар и сахарная продукция	3	460,00	143,53
Кондитерские изделия	23	208,00	99,33
Пищевые жиры	17	411,94	248,67
Свежая и переработанная плодово-овощная продукция	23	261,61	135,67
Вкусовая продукция	13	207,31	157,63
Зерно-мучная продукция	55	165,78	120,40

Вероятность ошибки составляет менее 1,0 %, поэтому расчет является статистически достоверным. Больше всего экологически чистых товаров представлено в торговой

[6] Табл 2—5 статьи составлены нами на основе собственного исследования.

группе зерно-мучной продукции, по данным выборочного обследования таковых насчитывается 55 наименований со средней стоимостью 165 руб. Результаты статистической обработки приведены в табл. 3.

Таблица 3

Результаты статистической обработки разброса цен в товарных группах продовольственной продукции

Коэффициент	Значение	Вероятность ошибки (значимость)	Количество случаев
Критерий Хи-квадрат [0..]	86,973	0,001	137
Коэффициент Крамера [0..1]	0,301	0,001	137
Коэффициент сопряженности Пирсона [0..1]	0,666	0,001	137
Коэффициент Спирмена [-1..+1]	−0,418	0,000	137

Заметим, что насыщенность товарами не влияет на их среднюю цену, о чем свидетельствует коэффициент Крамера. Критерий сопряженности показывает высокую связь между анализируемыми параметрами на выборке 137 товарных наименований.

Группа непродовольственных товаров с экологическими сертификатами представлена более скромной выборкой в 27 товарных позициях (табл. 4).

Таблица 4

Диапазон цен экотоваров в группе непродовольственных товаров, руб.

Непродовольственная продукция	Цена экотоваров		
	Итого товарных позиций	Среднее	Стандартное отклонение
Средства личной гигиены	1	70,00	0,00
Товары бытовой химии	13	340,31	260,35
Хозяйственные товары	3	233,33	265,02
Косметические товары	10	298,80	269,44

Коэффициент Крамера составляет 0,44, что подтверждает более сильную взаимосвязь, нежели в группе продовольственных товаров между ценой и представленными товарными группами. Однако из-за малого количества выборки — всего 27 наименований — вероятность ошибки расчета составляет 39,0 %.

Любопытную закономерность показывает анализ цен на экотовары в зависимости от каналов сбыта (табл. 5).

Таблица 5

Колебание цен в разных каналах сбыта

Канал сбыта	Цена, руб.		
	Итого	Среднее	Стандартное отклонение
Экомагазин	86	213,23	160,02
Торговая сеть	78	279,50	203,77

Выборочное исследование показывает, что цены на все группы товаров в среднем выше в торговых сетях на 24,0 %. При этом цены на товары отечественного производства составляют в среднем 206 руб., а зарубежного — 293 руб. Разница в производителях отражается на колебаниях цен на 30,0 %. Согласно статистической обработке данных, самый высокий спрос на экотовары и «псевдоэкотовары» (гринвошинг) наблюдается в диапазоне от 100 до 220 руб. за товар. Если отделить цену на сертифицированный экотовар от гринвошинга и определить частоту их встречаемости, то выявляется закономерность, представленная на рис. 3.

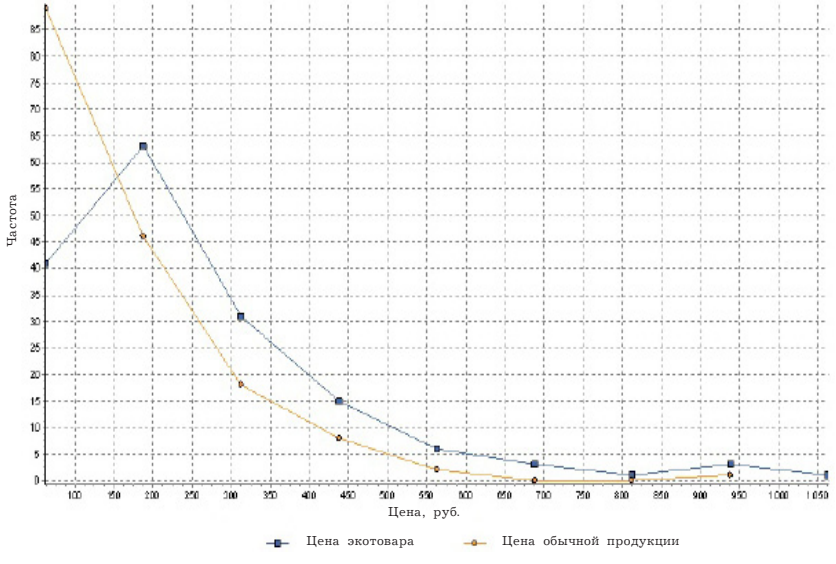

Рис. 3. Сравнительная зависимость частотности цен

Стоимость экотоваров колеблется в среднем в пределах 244 руб., в то время как цена на обычные товары-аналоги составляет в среднем 186 руб. Этот факт подтверждает зависимость, показывающую что экотовары или псевдоэкотовары в среднем дороже обычных на 30,0 %. Для изучения данной зависимости построен график, отражающий взаимосвязь между ценами на экотовары и обычной продукцией (рис. 4).

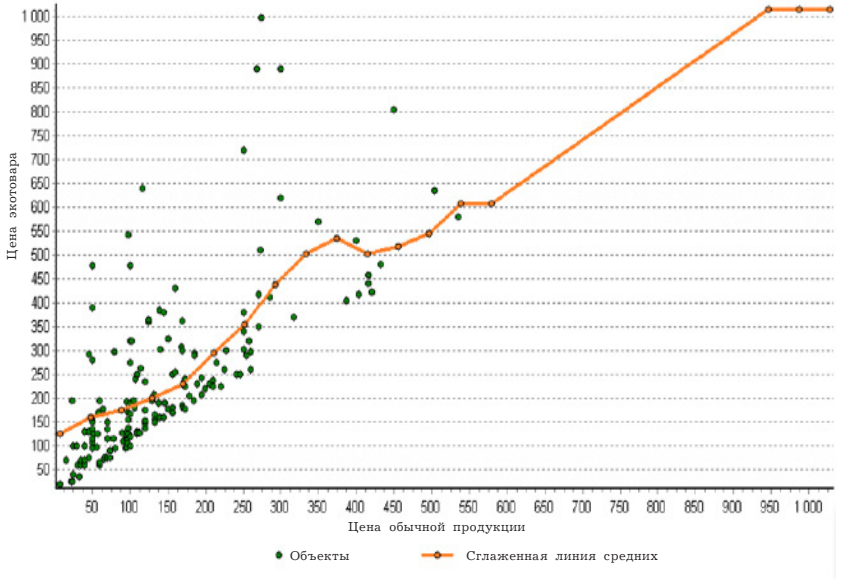

Рис. 4. Аппроксимация цены на экотовары
и цен на обычную продукцию методом сглаженной линии средних

При апроксимации зависимости между ценами на экотовар и ценой обычной продукции методом сглаженного среднего очевидна четкая локализация цен в диапазоне до 300 руб. Иными словами, существуют специальные наценки для экопродукции. После 350 руб. трудно найти экономическое обоснование таким ценам. Они устанавливаются стохастически, зависят от спекулятивного спроса и являются плавающими.

Обсуждение и заключения. По результатам исследования были выделены основные признаки (маркеры) гринвошинга: наличие брендирования продукции с помощью оттенков зе-

леного цвета, акценты на содержание в продукте экстрактов растений, масел, надписи; сомнительный состав, включающий непозволительные для экопродукции составляющие, которые не соответствуют следующим стандартам (ГОСТ Р 57022-2016 «Продукция органического производства. Порядок проведения добровольной сертификации органического производства», ГОСТ Р 56508-2015 «Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования», ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические. Термины и определения»); дополнения и изменения № 8 к СанПиН 2.3.2.1078-01, гигиенические требования безопасности и пищевой ценности пищевых продуктов (Санитарно-эпидемиологические правила и нормативы СанПиН 2.3.2.2354-08)[7]; присутствие надписей «органик», «эко», «100 % био», выделенные большими буквами фразы «без SLS/SLES», «Не содержит парабенов» и др.

В соответствии с указанными маркерами были получены следующие выводы.

1. В структуре соотношения сертифицированной экологически чистой продукции с гринвошингом в группе продовольственных товаров, представленной на региональном рынке, 100,0 % занимают сахар и сахарная продукция (61,5 %), т. е. вкусовая, немного уступает свежая и переработанная плодово-овощная продукция (60,9 %), на долю пищевых жиров приходится 47,1 %, кондитерские изделия и зерномучная продукция составляет 39,1 и 38,2 % соответственно. Следует отметить, что на долю мясной и молочной продукции приходится 100,0 % гринвошинга.

[7] См.: Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 57022-2016 «Продукция органического производства. Порядок проведения добровольной сертификации органического производства». URL: http://docs.cntd.ru/document/1200138287 (дата обращения: 18.05.2017); Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 56508-2015 «Продукция органического производства. Правила производства, хранения, транспортирования». URL: http://docs.cntd.ru/document/1200121688/ (дата обращения: 18.05.2017); Национальный стандарт Российской Федерации. ГОСТ Р 56104-2014 «Продукты пищевые органические. Термины и определения». URL: http://docs.cntd.ru/document/1200113488 (дата обращения: 18.05.2017); Постановление главного государственного санитарного врача Российской Федерации об утверждении СанПиН 2.3.2.2401-08 от 16 июля 2008 г. № 43. URL: http://docs.cntd.ru/document/902112577 (дата обращения: 18.05.2017).

2. В структуре соотношения сертифицированной экологически чистой продукции с гринвошингом в группе непродовольственных товаров, представленных на региональном рынке, лидирующею позицию занимают товары бытовой химии, на долю которых приходится 61,5 %, а 30,0 % — на косметические товары. Следует отметить, что доля хозяйственных товаров и средств личной гигиены составляет 100,0 % гринвошинга.

3. На долю иностранной экологически чистой продукции, представленной на рынке Республики Крым, приходится 76,4 %, а 20,7 % занимает отечественная. В отношении гринвошинга наблюдается обратная зависимость, где на долю отечественной продукции приходится 79,4 %, зарубежной — 23,6 %.

4. Странами — лидерами по производству экологически чистой продукции, представленной на рынке Республике Крым и городе федерального значения Севастополе, являются Германия, Италия и Финляндия, на долю которых приходится 23,6, 22,2 и 19,4 % соответственно, значительно уступают им Украина (6,9 %), Франция (5,6 %), Чехия (2,8 %), Турция (2,8 %), Словения (2,8 %), 1,4 % принадлежит Швеции, Швейцарии, США, Колумбии и Греции.

5. В структуре непродовольственных товаров отечественные производители осуществляют поставки хозяйственных товаров, в то время как бытовая химия идет на рынок России от иностранных компаний. Продовольственная сертифицированная продукция больше всего представлена в группе зерно-мучной продукции, завозимой из-за рубежа.

Из 15 видов маркировок, представленных на региональном рынке в исследуемых торговых сетях и экомагазинах, только 6 подтверждает экологически чистый товар, а 9 изображены на гринвошинге: 30,5 % приходится на маркировку «Евролист» (страны ЕС), 1,8 % — «Белый лебедь» (Финляндия), 2,5 % — «Зеленый журавль» (Украина), 3,1 % — «Листок жизни» (Россия), 0,6 % — экологический знак Международного экологического фонда (Россия), доля Bio Siegel (Германия) и Eco Cert составляет по 2,5 %. Наибольший процент (20,9 %) в гринвошинге принадлежит маркировке со значением 12 (100,0 % натуральный).

6. Наибольший процент (78,2 %) экологически чистой продукции реализуется через торговые сети, лишь 15,1 %

приходится на экомагазины. Касательно гринвошинга наблюдается обратная зависимость: 21,8 % представлено в торговых сетях и 84,9 % в экомагазинах. Магазины, которые позиционируют себя как «эко», в большинстве случаев реализуют не сертифицированную экологически чистую продукцию, а гринвошинг.

7. Цены на все группы товаров в среднем выше в торговых сетях на 24,0 %. Товары отечественного производства стоят в среднем 206 руб., а зарубежного — 293 руб. Разница в производителях отражается на колебаниях цен на 30,0 %, Стоимость экотоваров колеблется в среднем в пределах 244 руб., тогда как цена на обычные товары-аналоги равна в среднем 186 руб.

8. Самый высокий спрос на экотовары и «псевдоэкотовары» (гринвошинг) наблюдаются, если цены находятся в диапазоне от 100 до 220 руб. за товар.

9. Свыше 350 руб. трудно найти экономическое обоснование ценам на экопродукцию, они устанавливаются стохастическим образом, сильно зависят от спекулятивного спроса и являются плавающими.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Голубь Н.Я. Проблемы организации производства и реализации плодов и ягод // Садоводство и виноградарство. 1995. № 4. С. 2—3. URL: www.edu.ru/science/sad/d307_09_01/files/golub-pdf (дата обращения: 13.06.2017).

2. Рущицкая О.А. Некоторые вопросы распределения органических продовольственных товаров в системе маркетинга // Агропродовольственная политика России. 2016. № 7. С. 90—96. URL: https://cloud.mail.ru/public/CBCf/Qd6yJ6PVE (дата обращения: 13.06.2017).

3. Кутаренко Н.Я. Каналы сбыта органической продукции // Товары и рынки. 2014. № 1. С. 26—36. URL: http://econom.chnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/kutarenko-8.pdf (дата обращения: 13.06.2017).

4. Козлов О.А. Маркетинговый анализ развития мирового рынка органической продукции // Вестник Алтайского государственного аграрного университета. 2011. № 5. С. 117—121. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovyy-analiz-razvitiya-mirovogo-rynka-organicheskoy-produktsii (дата обращения: 13.06.2017).

5. Митина Э.А. Формирование спроса на продукцию органического производства // Маркетинг в России и за рубежом. 2016. № 4. С. 130—134. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=26587657 (дата обращения: 13.06.2017).

6. Padel S., Midmore P. The Development of the European Market for Organic Products: Insights from a Delphi Study // British Food Journal. 2005. Vol. 107. № 8. Pp. 626—647.

7. Ozguven N. Organic Foods Motivations Factors for Consumers // Procedia — Social and Behavioral Sciences. 2012. Vol. 62. Pp. 661—665.

Заявленный вклад авторов:

ЯРОШ Ольга Борисовна — инициация исследования, определение теоретико-методологических основ исследования, обзор литературы, поиск специфичного алгоритма статистической обработки данных, выводы, общая редакция и доработка статьи.

МИТИНА Элла Александровна — поиск аналитических материалов, сбор эмпирических данных, статистическое исследование, написание статьи.

Для цитирования: Ярош О.Б., Митина Э.А. Исследование ассортимента и каналов товародвижения органической продукции в Республике Крым // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 90—107. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.90-107

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

O. B. YAROSH, E. A. MITINA. STUDYING THE RANGE OF ORGANIC PRODUCTS AND THEIR DISTRIBUTION CHANNELS IN THE REPUBLIC OF CRIMEA

Acknowledgements: acknowledgments: the research was implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, grant No. 17-32-00009 'Market of Organic Agricultural Products: Formation of Commodity Circulation and Forecasting the State of the Market in a Region.'

Key words: region; channels of distribution; range of products; organic products; food and non-food product groups

Introduction: in the current context of economic activity, studying the distribution channels of organic products in retail chains is of particular interest. In Russia, the issues of development of the organic products market have recently become topical. This is due to a number of objective reasons, including both the considerable momentum of its growth and good prospects for producers and marketers in terms of promoting these products to the markets of Russia's regions.

Materials and Methods: food and non-food product groups were studied including 137 items of food products divided into 8 product groups and 27 items of non-food products divided into 4 product groups according to the existing commodity classification. Data processing was carried out by means of Statistics and SPSS software. A number of experimental results have been obtained with the use of methods of economic-mathematical modeling.

Results: the range of food and non-food products sold in the trading networks of the region was examined in terms of their compliance with the

standards of environmental certification. The correlation between certified organic products and pseudo-organic products (greenwashing) was considered, the share of foreign and domestic organic products was estimated, the main countries producing certified organic products represented on the regional market were identified, and types of markings were analyzed. A classification tree was built, which distributes food products through sales channels; the range of prices for different commodity groups was investigated. The key markers and characteristics of fraud products sold with organic labels were identified.

Discussion and Conclusions: on the basis of the conducted analysis, it was shown that the share of certified organic products in commercial networks and organic shops in the Republic of Crimea and the federal city of Sevastopol accounted for 45.1 %, forgery or 'pseudo-organic' products account for 54.9 %. A statistical study of prices and pricing mechanisms for environmentally friendly products in retail chains revealed dependence showing that organic and pseudo-organic products are on average more expensive than usual ones by 30.0 %, which creates an enormous scope for unfair marketing.

REFERENCES

1. Golub N.Ya. [Problems of Organization of Production and Sales of Fruits and Berries]. *Sadovodstvo i vinogradarstvo* = Horticulture and Viticulture. 1995; 4:2—3. Available at: www.edu.ru/science/sad/d307_09_01/files/golub-pdf (accessed 13.06.2017). (In Russ.)

2. Rushitskaya O.A. [Some Issues of the Distribution of Organic Food Products in the Marketing System]. *Agroprodovol'stvennaja politika Rossii* = Agro-food Policy in Russia. 2016; 7:90—96. Available at: https://cloud.mail.ru/public/CBCf/Qd6yJ6PVE (accessed 13.06.2017). (In Russ.)

3. Kutarenko N.Ya. [Organic Products Distribution Channels // Goods and Markets]. *Tovary i rynki* = Goods and Markets. 2014; 1:26—36. Available at: http://econom.chnu.edu.ua/wp-content/uploads/2016/11/kutarenko-8.pdf (accessed 13.06.2017). (In Russ.)

4. Kozlov O.A. [Marketing Analysis of Development of the World Market of Organic Products]. *Vestnik Altajskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* = Bulletin of the Altay State Agrarian University. 2011; 5:117—121. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/marketingovyy-analiz-razvitiya-mirovogo-rynka-organicheskoy-produktsii (accessed 13.06.2017). (In Russ.)

5. Mitina E.A. [Formation of Demand for Organic Production]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Marketing in Russia and Abroad. 2016; 4:130—134. Available at: https://elibrary.ru/item.asp?id=26587657 (accessed 13.06.2017). (In Russ.)

6. Padel S., Midmore P. The Development of the European Market for Organic Products: Insights from a Delphi Study. *British Food Journal*. 2005; 8(107):626—647.

7. Ozguven N. Organic foods motivations factors for consumers. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*. 2012; 62:661—665.

Contribution of the authors:

Olga B. Yarosh — initiation of the study, determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing the article.

Ella A. Mitina — search for analytical materials, drawing conclusions, writing and revision of the article.

About the authors:

Olga B. Yarosh, Doctor of Economic Sciences, Professor at the Department of Marketing, Commercial and Customs Matters, Institute of Economics and Administration, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (21/4 Sevastopolskaya St., Simferopol, 295015, Russia) (*e-mail:* yarosh.tnu@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1288-4582. Researcher ID: A-9439-2017.

Ella A. Mitina, Assistant Lecturer at the Department of Marketing, Commercial and Customs Matters, Institute of Economics and Administration, V.I. Vernadsky Crimean Federal University (21/4 Sevastopolskaya St., Simferopol, 295015, Russia) (*e-mail:* zhilina_ella@list.ru).

For citation: Yarosh O.B., Mitina E.A. Studying the Range of Organic Products and their Distribution Channels in the Republic of Crimea. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):90—107. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.90-107

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 15.08.2017.

СОЦИОЛОГИЯ РЕГИОНА / SOCIOLOGY OF A REGION

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.334.2.52(470.45)
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.108-122

В. А. САГАЙДАК

ПРАКТИКА УПРАВЛЕНИЯ ВНУТРЕННИМ СОЦИАЛЬНЫМ ИМИДЖЕМ БИЗНЕС-ОРГАНИЗАЦИЙ г. ВОЛГОГРАДА

Ключевые слова: регион; внутренний социальный имидж; бизнес-организация; бизнес-деятельность; управление; мотивы формирования; инструменты формирования; индикаторы

Введение: условия современного общества информационного типа актуализируют проблему управления внутренним социальным имиджем бизнес-организации. Для формирования эффективной стратегии в этом отношении важно определение основных инструментов управления и индикаторов сформированности положительного внутреннего социального имиджа. Реализация данной стратегии способствует созданию такой системы взаимодействия с персоналом, которая бы позволила одновременно удовлетворить потребности сотрудников и достичь целей бизнес-организации.

Материалы и методы: материалы статьи основаны на результатах исследования, проведенного автором в марте — августе 2015 г. в г. Волгограде с использованием методов анкетирования (тип выборки — многоступенчатая случайная) и глубинного интервью. Опрошено 550 руководителей бизнес-организаций г. Волгограда, проведено 40 глубинных интервью. Также проанализированы данные экспертного опроса 30 руководителей бизнес-организаций, общественных организаций, представителей органов муниципальной власти, ученых г. Волгограда, проведенного в июле — сентябре 2016 г.

САГАЙДАК Варвара Александровна, аспирант кафедры философии и социологии Волгоградского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (400005, Россия, г. Волгоград, ул. Гагарина, 8) (*e-mail:* kasatkina-dv@yandex.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2651-542X. Researcher ID: V-2097-2017.

© Сагайдак В. А., 2018

Результаты исследования: изучение информации, полученной по итогам исследования, показало, что главным мотивом формирования внутреннего социального имиджа руководители считают потребность в обеспечении организации квалифицированными сотрудниками. Основным инструментом управления внутренним социальным имиджем служит использование внутренних СМИ, наиболее эффективными из которых, по данным исследования, являются интернет-ресурсы. В восприятии руководителей бизнес-организаций Волгограда индикаторами положительного внутреннего социального имиджа является наличие положительного внутреннего социально-психологического климата и высокого уровня мотивации сотрудников.

Обсуждение и заключения: исходя из понимания руководителями бизнес-организаций эффективных инструментов управления внутренним социальным имиджем и их видения индикаторов сформированности положительного внутреннего социального имиджа, предложено использование современных технологий в программах стимулирования, например геймификации. Это позволит одновременно сформировать положительный внутренний социальный имидж и достичь целей бизнес-организации.

Введение. Внутренний социальный имидж — одна из основных частей общего имиджа компании, в основе которой лежат впечатления, мнения, оценки сотрудниками своей фирмы как социально ответственного субъекта. В современных условиях значимой становится непрофильная деятельность организации, связанная с решением социальных проблем и удовлетворение потребностей общества. Мнение сотрудников о реализации данной деятельности лежит в основе внутреннего социального имиджа. В этих условиях актуализируется необходимость проведения социологических исследований, по результатам которых будет предложена стратегия управления социальным имиджем бизнес-организацй. Актуальность изучения проблематики исследования обусловлена так же тем, что социальный имидж бизнес-организации существенно влияет на оценку ее деятельности сотрудниками и, как следствие, на их лояльность, включенность в общую работу, эффективность и результативность труда.

Внутренний социальный имидж является образом организации в восприятии ее сотрудников, который отражает базовые характеристики компании как работодателя. Инструментом управления внутренним социальным имиджем служит использование каналов имиджеформирующей информации. При этом речь идет о совокупности информационных вербальных и невербальных сообщений, содержащих впечатления, мнения, оценки деятельности организации,

которые в дальнейшем становятся основой для формирования в сознании сотрудников системы представлений о фирме как социально ответственной. Существенную роль в управлении внутренним социальным имиджем организации играют корпоративные СМИ. В реализации управленческой политики в отношении такого имиджа также используются такие инструменты, как организация личных встреч руководства с сотрудниками, формальных и неформальных внутрифирменных мероприятий. Помимо того, для формирования эффективной стратегии управления внутренним социальным имиджем важно понимание мотивов руководителей в данном аспекте деятельности и определение индикаторов сформированности положительного внутреннего социального имиджа. Это способствует созданию такой системы взаимодействия с сотрудниками, которая позволила бы одновременно удовлетворить потребности персонала и достичь целей бизнес-организации.

Обзор литературы. Публикации, касающиеся темы исследования, можно разделить на несколько блоков. В первом блоке осуществляется анализ понятия «социальный имидж бизнес-организации» и его сущности, раскрывается специфика его формирования и развития. В работах В. В. Опокина [1], М. В. Томиловой[1] дана постановка проблемы социального имиджа в условиях современного российского рынка.

Значимым представляется второй блок научных публикаций, направленных на изучение процесса формирования и управления имиджем организации. Здесь важное значение приобретают аналитические труды, основанные на отечественном материале: это исследования Е. Б. Перелыгиной[2], В. М. Шепеля[3], Е. В. Харитоновой[4], В. Д. Шкардуна и Т. М. Ахтямова [2], Ю. А. Иваненко [3], В. А. Макеева [4], М. В. Линючевой [5—6] и др.

[1] См.: Томилова М.В. Модель имиджа организации. URL: http://hr-portal.ru/article/model-imidzha-organizacii (дата обращения: 26.05.2017).

[2] См.: Перелыгина Е.Б. Психология имиджа: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по направлению и специальности «Психология». М.: Аспект Пресс, 2002. 221 с.

[3] См.: Шепель В.М. Имиджелогия: секреты личного обаяния. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 472 с.; Шепель В.М. Имиджелогия: как нравиться людям: учеб. пособие. М.: Нар. образование, 2002. 575 с.

[4] См.: Харитонова Е.В. Миссия выполнима. URL: http://soob.ru/n/2001/11/c/1 (дата обращения: 26.05.2017).

В рамках третьего направления научных исследований вопросов, связанных с анализом внутреннего социального имиджа, рассматриваются теоретические аспекты понятия «социальная политика организации» (И. Х. Багирова[5]), исследуются инструменты и направления реализации социальных программ (М. С. Погосян [7—8], А. И. Гончаров и М. В. Гончарова [9] и др.).

Степень изученности проблемы управления внутренним социальным имиджем бизнес-организации не соответствует актуальности тематики, что обусловлено спецификой и сложностью междисциплинарного подхода к определению понятия «внутренний социальный имидж», отсутствием целостного представления о механизмах его формирования и управления им. В связи с этим возникает необходимость углубленного, системного изучения указанной темы.

Материалы и методы. Эмпирической базой исследования стали материалы авторского исследования, проведенного в марте — августе 2015 г. в г. Волгограде с использованием метода анкетирования (n = 550, тип выборки — многоступенчатая случайная). Выводы основаны также на материалах 40 глубинных интервью с представителями бизнес-сообщества г. Волгограда и данных экспертного опроса 30 руководителей бизнес-организаций, общественных организаций, представителей органов муниципальной власти, ученых г. Волгограда.

Результаты исследования. Управление внутренним социальным имиджем бизнес-организации предусматривает учет комплекса факторов, связанных с мотивацией этой деятельности. Отвечая на вопрос анкеты о ведущих мотивах развития внутреннего социального имиджа, 13,9 % респондентов отдали предпочтение такому варианту, как «снижение текучести персонала», 13,6 % — варианту, связанному с созданием внутреннего позитивного социально-психологического климата в компании, 13,1 % — позиции, отражающей мнение о росте производительности труда сотрудников путем формирования их лояльного отношения к фирме.

Таким образом, первостепенным для опрошенных является стремление обеспечить компанию квалифицированными со-

[5] См.: Багирова И.Х. Социальная политика компании как инструмент мотивации персонала // Проблемы современной экономики: материалы Междунар. науч. конф. (г. Челябинск, декабрь 2011 г.). Челябинск: Два комсомольца, 2011. С. 110—115.

трудниками, т. е. использовать социальный имидж компании как инструмент удержания персонала. *«Тут много причин на самом деле. Это развитие бизнеса в целом как во внутренней среде среди сотрудников, так и во внешней на рынке. Клиенты охотнее идут к тем, с кем комфортно, сотрудники работают лучше в хороших условиях»* (владелец станции технического обслуживания автомобилей, м., 56 лет, 18 лет в бизнесе).

На втором месте оказался мотив, обусловленный желанием объединить сотрудников, создать у них психологическую установку «общего дела»: 10,4 % респондентов выбрали такую позицию, что свидетельствует о понимании роли социального имиджа в командообразовании, что способствует в дальнейшем повышению вовлеченности сотрудника в рабочий процесс и увеличению производительности труда.

Третьей причиной развития внутреннего социального имиджа организации стало повышение мотивации труда сотрудников (9,8 %), что говорит о том, что участники опроса видят в социальном имидже компании инструмент нематериальной мотивации персонала.

Принявшие участие в исследовании руководители не обнаружили четкой корреляционной связи внутреннего социального имиджа с общим имиджем организации: только 8,4 % респондентов подчеркнули значимость внутреннего социального имиджа для повышения уровня конкурентоспособности компании. Лишь 2,1 % опрошенных развивают внутренний социальный имидж для создания общего положительного имиджа организации.

Анализ информации, полученной по итогам опроса, показывает динамику основных мотивов развития внутреннего социального имиджа в зависимости от длительности деятельности компании на рынке (табл. 1).

Для компаний, работающих на рынке менее 5 лет, первостепенным оказался мотив, обусловленный стремлением повысить производительность труда сотрудников за счет роста их лояльности по отношению к бизнес-организации, на втором — стимулирование инновационной деятельности, что может быть связано с особенностями периода активного роста компании. Основными причинами развития внутреннего социального имиджа в компаниях, существующих 5—10 лет, являются объединение сотрудников, создание

у них психологической установки «общего дела», а также формирование позитивного внутреннего социального-психологического климата, что свидетельствует о смещении приоритетов в сторону сплочения коллектива. Вторым по значимости мотивом в данном случае стало повышение уровня конкурентоспособности компании через положительное отношение общественности, что свидетельствует о стремлении организации к закреплению позиций на рынке.

Таблица 1

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какими мотивами Вы руководствуетесь в развитии внутреннего социального имиджа Вашей организации?» с учетом продолжительности существования компании, %*

Вариант ответа	Менее 5 лет	5—10 лет	11—15 лет	16—20 лет	Более 20 лет
Формирование внутреннего позитивного социально-психологического климата в организации	19,1	95,6	12,5	70,9	100,0
Создание и развитие корпоративной культуры организации	31,4	4,4	2,7	0,0	50,0
Формирование у персонала системы представлений о социальной защищенности сотрудников организации	0,0	4,4	17,9	48,8	50,0
Повышение мотивации труда персонала	19,1	8,8	5,4	75,6	100,0
Повышение уровня конкурентоспособности компании через положительное отношение общественности	24,6	86,8	17,0	0,0	0,0
Создание общего положительного имиджа организации	14,4	0,0	0,0	0,0	0,0
Объединение сотрудников, создание у них психологической установки «общего дела»	0,0	95,6	12,5	70,9	0,0
Увеличение производительности труда сотрудников путем повышения их лояльности по отношению к компании	42,4	8,8	57,1	29,1	100,0
Снижение текучести персонала	21,2	8,8	37,5	97,6	50,0
Увеличение производительности труда за счет профессионального развития персонала	7,2	4,4	12,5	29,1	0,0
Стимулирование инновационной деятельности	38,6	0,0	27,7	0,0	0,0

* Респондент мог выбрать 5 вариантов ответа.

Иначе выглядит комплекс основных мотивов формирования внутреннего социального имиджа у организаций, осуществляющих свою бизнес-деятельность 11—15 лет: если первая позиция аналогична распределению ответов группы «молодых» бизнес-организаций, то вторая позиция оказалась иной, отразив стремление снизить текучесть персонала. Для организаций, продолжительность существования которых 16—20 лет, ведущими выступают мотивы, связанные с потребностью в удержании сотрудников, а именно со снижением текучести персонала и повышением мотивации его труда.

Респондентам было предложено ответить на вопрос о наиболее распространенных мотивах развития внутреннего социального имиджа в бизнесе в целом. Иерархия мотивов во многом совпадает с распределением ответов на предыдущий вопрос, но есть и различия. На первом месте по аналогии с ответом на предыдущий вопрос оказался мотив формирования внутреннего позитивного социально-психологического климата в организации. Второй причиной развития внутреннего социального имиджа респонденты на этот раз указали формирование у персонала системы представлений о социальной защищенности сотрудников организации, хотя в предыдущем вопросе выбравших такой вариант ответа оказалось в три раза меньше. Подобная ситуация может быть обусловлена тем, что предоставление социального пакета и дополнительных социальных гарантий сотрудникам является одной из самых затратных статей бюджета любой компании. К сожалению, лишь небольшое количество организаций в текущих условиях может позволить себе предоставлять персоналу стандартный или расширенный социальный пакет. Третьим по значимости мотивом формирования внутреннего социального имиджа респонденты указали повышение уровня конкурентоспособности компании через положительное отношение общественности, что свидетельствует о большей степени понимания опрошенными значимости социального имиджа (табл. 2).

Интересна позиция экспертов по указанному вопросу. Большинство полагает, что более всего мотивирует бизнесменов развивать внутренний социальный имидж возможность сформировать у персонала систему представлений о социальной защищенности сотрудников организации. *«В наше время стабильность — вот ключевой критерий при поиске работы. Волна сокращений в городе дала о себе знать. И раньше было нелегко найти официального работодателя с полноценным соцпакетом, а сейчас тем более. Люди ищут уверенность в завтрашнем дне — вот что мотивирует их выбирать компанию, работать в ней, работать активно и держаться за нее».* Важность таких мотивов формирования внутреннего социального имиджа как создание внутреннего позитивного социально-психологического климата в организации и повышение уровня конкурентоспособности компании через положительное отношение общественности отмечают 26 из 30 экспертов.

Таблица 2

Распределение ответов респондентов на вопрос «Каково Ваше мнение о наиболее распространенных мотивах формирования и поддержания позитивного внутреннего социального имиджа компании?» и «Какими мотивами Вы руководствуетесь в развитии внутреннего социального имиджа Вашей организации?», %*

Вариант ответа	В отношении собственной бизнес-деятельности	В отношении бизнес-деятельности в целом
Снижение текучести персонала	13,9	5,8
Формирование внутреннего позитивного социально-психологического климата в организации	13,6	18,9
Увеличение производительности труда сотрудников путем повышения их лояльности по отношению к компании	13,1	8,3
Объединение сотрудников, создание у них психологической установки «общего дела»	10,4	7,8
Повышение мотивации труда персонала	9,8	11,0
Повышение уровня конкурентоспособности компании через положительное отношение общественности	8,4	13,4
Стимулирование инновационной деятельности	7,5	5,3
Формирование у персонала системы представлений о социальной защищенности сотрудников организации	5,4	16,6
Создание и развитие корпоративной культуры организации	5,1	6,9
Увеличение производительности труда за счет профессионального развития персонала	4,4	2,7
Создание общего положительного имиджа организации	2,1	3,5
Свой вариант ответа	6,2	—

* Респондент мог выбрать 5 вариантов ответа.

Основным инструментом управления внутренним социальным имиджем является использование каналов имиджеформирующей информации. В этом случае речь идет о совокупности информационных вербальных и невербальных сообщений, содержащих впечатления, мнения, оценки деятельности организации, которые в дальнейшем становятся основой для формирования в сознании сотрудников системы представлений об организации как социально ответственной[6]. Поэтому существенная роль в формировании внутреннего социального имиджа организации ложится на внутренние СМИ: сайты, газеты, стенды, листовки, группы в социальных сетях, сообщения. Для коммуникации с сотрудниками ведущие компании мира используют внутренние СМИ в целях повышения своей конкурентоспособности, достигаемой за счет вовлечения сотрудников в свою деятельность, увеличения лояльности сотрудников к организации, снижения текучести.

Анализ собранной социологической информации позволил выявить значимые различия в использовании внутренних СМИ для формирования положительного социального имиджа в группах участников опроса, представляющих малый, средний и крупный бизнес (табл. 3). Листовки наиболее популярны у руководителей бизнес-организаций малого масштаба, что связано с невысокой стоимостью данного СМИ. Представители среднего бизнеса в первую очередь выбирают информационные стенды, во вторую — группы в социальных сетях, в третью — сайт компании. Крупные бизнесмены предпочитают информационные стенды, сайты компании, в меньшей степени — группы в социальных сетях и корпоративный чат. В практике компаний почти не используются корпоративные газеты и корпоративное радио, что может быть обусловлено необходимостью значительных финансовых затрат на их создание.

Оценивая эффективность внутренних СМИ, руководители бизнес-организаций, численность персонала которых составляет до 100 чел., наиболее эффективными назвали информационные стенды, на втором месте оказались группы в социальных сетях, на третьем — листовки. Участники опроса, работающие в компаниях с численностью сотрудников от 101 до 500 человек, имеют иные представления по рассматриваемому вопросу: если первая и вторая позиции аналогичны по своей сути ответам предыдущей группы респондентов, то на третьем месте оказался еще один ресурс интернета — сайт компании. Сайт компании и группы в социальных сетях вошли в топ наиболее эффективных внутренних СМИ в представлении руководителей бизнес-организаций с численностью сотрудников свыше 500 человек.

[6] См.: Линючева М.В. Управление имиджем организации в современных российских условиях: автореф. … дис. канд. социол. наук. Саратов, 2013. С. 9.

Таблица 3

Распределение ответов респондентов на вопрос «Какие внутренние СМИ используются в Вашей организации для формирования внутреннего социального имиджа?», с учетом масштаба бизнеса, %*

Вариант ответа	Выборка	Бизнес		
		Малый	Средний	Крупный
Информационные стенды	34,3	0,0	28,3	100,0
Сайт	26,4	0,0	19,9	81,3
Группы в социальных сетях	15,2	0,0	24,3	9,0
Корпоративный чат	1,9	0,0	0,8	7,2
Листовки	9,6	100,0	19,1	3,6
Корпоративная газета	0,4	0,0	0,0	1,8
Свой вариант ответа	12,2	0,0	26,2	0,0
Корпоративное радио	0,0	0,0	0,0	0,0

* Респондент мог выбрать 5 вариантов ответа.

Данные нашего исследования демонстрируют потребность бизнеса в позитивном HR-бренде: именно имидж компании как ответственного работодателя на рынке труда, по мнению 21,6 % респондентов, говорит о наличии положительного внутреннего социального имиджа; 16,0 % руководителей бизнес-организаций связывают внутренний социальный имидж с наличием положительного внутреннего социально-психологического климата в организации. *«Думаю, когда твои сотрудники могут без стыда сказать, где работают, даже с небольшой, едва заметной внутренней гордостью. Когда я работал грузчиком в шарашкиной конторе, мне своим друзьям стыдно было об этом говорить. Зато, когда устроился работать менеджером-консультантом в крупную фирму, ее название произносить было куда приятнее»* (руководитель компании по продаже программного обеспечения, 33 года, м., 4 года в бизнесе).

Третьим по важности для участников опроса стал признак наличия положительного внутреннего социального имиджа, связанный с высоким уровнем мотивации труда сотрудников организации. В меньшей степени бизнесмены связывают социальный имидж с наличием развитой корпоративной культуры (лишь 6,1 % респондентов выбрали данный вариант ответа).

Обсуждение и заключения. Анализ информации, полученной по итогам исследования, позволяет сделать вывод о том, что основным мотивом формирования внутреннего социального имиджа руководители считают потребность в обеспечении организации квалифицированными сотрудниками. При этом ведущие мотивы меняются с течением времени, что обусловлено различием в целях и интересах организации на том или ином этапе развития. Эти же мотивы находят отражение и в понимании руководителями бизнес-организаций индикаторов позитивного внутреннего социального имиджа. Основным критерием последнего считается привлекательность компании как работодателя на рынке труда.

Важным в рамках исследования представлялось определение наиболее эффективных внутренних СМИ как инструментов управления внутренним социальным имиджем. По мнению руководителей бизнес-организаций г. Волгограда, наиболее эффективны интернет-ресурсы. При этом в ходе анализа полученной социологической информации было выявлено, что социальные сети и интернет-ресурсы как инструменты формирования социального имиджа редко используются в практике волгоградских бизнес-организаций. На наш взгляд, использование современных технологий (мобильных, облачных, игровых) позволило бы руководителям компаний сделать поощрение более систематическим и значимым. В отличие от традиционных моделей стимулирования эти технологии позволяют увеличивать масштабы поощрительных мероприятий, активизируя участие сотрудников в соответствующих программах.

Геймификация, используемая в программах стимулирования, позволяет сделать работу более интересной для сотрудников. Но геймификация, как и другие формы поощрения, имеет свои риски: недобросовестные сотрудники могут вступать в сговор для зарабатывания игровых баллов,

когда те влияют на получение материальных ценностей. С другой стороны, новички и люди, работающие удаленно от основного коллектива, могут испытывать разочарование и изоляцию, если не получают достаточного количества баллов по сравнению с другими «игроками». Еще один риск — культурная готовность, точнее, неготовность компании к внедрению игровых подходов: они требуют поддержки и участия со стороны топ-менеджмента, должны коррелировать с культурой и ценностями компании, в противном случае высок риск, что новшество, даже с тщательно продуманными правилами игры, не приживется. Регулярная аналитика, балансировка правил игры и, главное, связь геймификации с бизнес-задачами компании тем не менее помогают избежать этих рисков.

Социальное поощрение способствует повышению уровня мотивации и производительности труда персонала. Поощрение в социальных сетях и неформальная обратная связь не связаны с процессом формализованной интеграции в рамках системы управления кадрами. Однако с их помощью можно решить ряд задач, связанных с формированием внутреннего социального имиджа. Взаимное поощрение и обратная связь, осуществляемые в системе корпоративных социальных сетей, создают определенную основу для контроля полученных результатов. Внедрение подобного подхода в бизнес-практику может стать эффективным инструментом управления внутренним социальным имиджем организации и способствовать достижению целей руководителей бизнес-организации в данном направлении.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Опокин В.В. Социальный имидж в структуре имиджа организации // Научная мысль. 2014. № 5. С. 115—122. URL: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/pr/social_image.htm (дата обращения: 19.06.2017).

2. Шкардун В.Д., Ахтямов Т.М. Оценка и формирование корпоративного имиджа предприятия // Маркетинг в России и за рубежом. 2001. № 3. С. 68—77. URL: http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-3/12.shtml (дата обращения: 19.06.2017).

3. Иваненко Ю.А. Имидж организации как фактор повышения ее конкурентоспособности // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2006. № 1. С. 100—106. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-kak-faktor-povysheniya-ee-konkurentosposobnosti (дата обращения: 19.06.2017).

4. Макеев В.А. Стратегия развития деловой репутации и ее влияние на имидж организации // Власть. 2009. № 3. С. 52—56. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-razvitiya-delovoy-reputatsii-i-eyo-vliyanie-na-imidzh-organizatsii (дата обращения: 19.06.2017).

5. Линючева М.В. Имидж организации в контексте социального управления // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1. С. 89—93. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-v-kontekste-sotsialnogo-upravleniya (дата обращения: 19.06.2017).

6. Линючева М.В. Социальная программа управления имиджем организации // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2012. № 1. С. 190—194. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-programma-upravleniya-imidzhem-organizatsii (дата обращения: 19.06.2017).

7. Погосян М.С. Совершенствование государственного регулирования социальных программ организаций // Бизнес в законе. 2011. № 5. С. 208—211. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennogo-regulirovaniya-sotsialnyh-programm-organizatsiy (дата обращения: 19.06.2017).

8. Погосян М.С. Социальные программы в социальной политике организаций // Социально-политические науки. 2012. № 1. С. 168—171. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-programmy-v-sotsialnoy-politike-organizatsiy (дата обращения: 19.06.2017).

9. Гончаров А.И., Гончарова М.В. Концепция финансового обеспечения системы социальной поддержки населения в России // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. 2007. № 4. С. 9—21. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-finansovogo-obespecheniya-sistemy-sotsialnoy-podderzhki-naseleniya-v-rossii (дата обращения: 26.05.2017).

Для цитирования: Сагайдак В.А. Практика управления внутренним социальным имиджем бизнес-организаций г. Волгограда // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 108—122. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.108-122

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

V. A. SAGAYDAK. PRACTICE OF MANAGING THE INTERNAL SOCIAL IMAGE OF BUSINESS ORGANIZATIONS IN THE CITY OF VOLGOGRAD

Key words: region; internal social image; business organization; business activity; management; formation motives; formation tools; indicators

Introduction: modern information society makes the issue of managing the internal social image of a business organization a topical one. In order to form an effective management strategy for this type of image, it is important to identify the main management tools and indicators of a formed positive internal social image. Implementation of this strategy contributes to creation of such a system of interaction with the staff which would allow both to meet the needs of the employees and to achieve the goals of the business organization.

Materials and Methods: the materials of the article are based on the results of the research conducted by the author in March — August 2015 in the city of Volgograd with the use of the survey methods (multistage random sampling) and in-depth interviews: 550 heads of business organizations in the city of Volgograd were interviewed, 40 in-depth interviews were conducted. The data of the expert interviews held in July — September 2016 with 30 heads of business and public organizations, representatives of municipal authorities and Volgograd scientists are presented.

Results: the analysis of the information obtained from the study showed that business leaders consider the need to provide the organization with qualified staff the main motive for the formation of the internal social image. The main tool for managing the internal social image is the use of regional media, Internet resources being the most effective ones, according to the conducted study. In the perception of the heads of business organizations in the city of Volgograd, the indicators of a positive internal social image are attractiveness of the company as an employer in the labor market as well as presence of a positive internal psychological climate and a high level of employees' motivation.

Discussion and Conclusions: based on how the heads of business organizations understand effective tools for managing internal social image and on their vision of indicators of formation of a positive internal social image, it was suggested to use modern technologies in incentive programs, such as gamification. This will allow both to create a positive internal social image and to achieve the goals of a business organization.

REFERENCES

1. Opokin V.V. [Social Image in Structure of Image of the Organization]. *Nauchnaja mysl'* = Scientific Thought. 2014; 5:115—122. Available at: http://www.marketing.spb.ru/lib-comm/pr/social_image.htm (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

2. Shkardun D.V., Akhtyamov T.M. [Assessment and Formation of the Corporate Image of a Company]. *Marketing v Rossii i za rubezhom* = Marketing in Russia and Abroad. 2001; 3:68—77. Available at: http://www.cfin.ru/press/marketing/2001-3/12.shtml (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

3. Ivanenko Yu.A. [Image of the Organization as Factor of Increase in its Competitiveness]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* = Vestnik Saratov State Technical University. 2006; 1:100—106. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-kak-faktor-povysheniya-ee-konkurentosposobnosti (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

4. Makeev V.A. [Strategy of Development for Business Reputation and its Influence on Image of the Organization]. *Vlast'* = Vlast'. 2009; 3:52—56.

Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/strategiya-razvitiya-delovoy-reputatsii-i-eyo-vliyanie-na-imidzh-organizatsii (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

5. Linyucheva M.V. [Image of the Organization in the Context of Social Management]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo social'no-jekonomicheskogo universiteta* = Bulletin of the Saratov State Social and Economic University. 2013; 1:89—93. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/imidzh-organizatsii-v-kontekste-sotsialnogo-upravleniya (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

6. Linyucheva M.V. [Social Program of Management of Image of the Organization]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tehnicheskogo universiteta* = Vestnik Saratov State Technical University. 2012; 1:190—194. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-programma-upravleniya-imidzhem-organizatsii (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

7. Pogosyan M.S. [Improvement of State Regulation of Social Programs of the Organizations]. *Biznes v zakone* = Business in Law. 2011; 5:208—211. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-gosudarstvennogo-regulirovaniya-sotsialnyh-programm-organizatsiy (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

8. Pogosyan M.S. [Social Programs in Social Policy of the Organizations]. *Social'no-politicheskie nauki* = Sociopolitical sciences. 2012; 1:168—171. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-programmy-v-sotsialnoy-politike-organizatsiy (accessed 19.06.2017). (In Russ.)

9. Goncharov A.I., Goncharova M.V. [The Concept of Financial Security of System of Social Support of the Population in Russia]. *Buhgalterskij uchet v bjudzhetnyh i nekommercheskih organizacijah* = Accounting in the budgetary and non-profit organizations. 2007; 4:9—21. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsiya-finansovogo-obespecheniya-sistemy-sotsialnoy-podderzhki-naseleniya-v-rossii (accessed 26.05.2017). (In Russ.)

About the author:

Varvara A. Sagaydak, Postgraduate at the Department of Philosophy and Sociology, Volgograd Institute of Management, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (8 Gagarin St., Volgograd, 400005, Russia) (*e-mail:* kasatkina-dv@yandex.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-2651-542X. Researcher ID: V-2097-2017.

For citation: Sagaydak V.A. Practice of Managing the Internal Social Image of Business Organizations in the City of Volgograd. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):108—122. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.108-122

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 16.10.2017.

Социология региона / Sociology of a region

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.6.52

*DOI: 10.15507/*2413-1407*.102.026.201801.123-140*

Е. И. ДОЛГАЕВА

ФАКТОРЫ ОБЩЕРОССИЙСКОЙ НАЦИОНАЛЬНО-ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЖИТЕЛЕЙ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО РЕГИОНА

Благодарности: исследование выполнено при поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта «Формирование и гармонизация общероссийской и региональной идентичности в полиэтническом регионе Российской Федерации на примере Республики Мордовия» (грант РГНФ 16-03-00145 а).

Ключевые слова: полиэтнический регион; иерархия идентичностей; национально-гражданская идентичность; региональные различия; религиозные различия; этнические различия

Введение: становление единой национально-гражданской идентичности — одно из важных условий укрепления социальной системы российского общества. В связи с этим актуален социологический анализ факторов интеграции и дезинтеграции российской гражданской общности на основе качественной методологии с точки зрения смыслов, распространенных в обыденном сознании жителей полиэтнического региона.

Материалы и методы: в статье анализируются результаты социологического исследования «Народ России: что нас объединяет», проведенного в июле 2016 г. в Республике Мордовия методом фокус-группового интервью. Одна из его задач — на примере Республики Мордовия выявить основные факторы социального конструирования общероссийской национально-гражданской идентичности.

Результаты исследования: в сознании жителей Республики Мордовия присутствуют идеи, укрепляющие и ослабляющие общероссийскую

ДОЛГАЕВА Евгения Ивановна, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* ewgiv@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1256-7384

© Долгаева Е. И., 2018

национально-гражданскую идентичность, требующие учета при формировании государственной политики в этой области. Позитивное влияние на общероссийское самосознание оказывают следующие факторы: восприятие культурного многообразия российской гражданской нации как ее естественного состояния; убежденность в отсутствии противоречий между общероссийской национально-гражданской идентичностью и этническим, религиозным, региональным самосознанием, идея общей ментальности; признание объединяющей роли русского народа, русского языка и русской культуры в конструировании российской гражданской нации; отношение к государству как гаранту единого исторического, правового, культурного социализирующего пространства для взаимодействия этносов, конфессий, региональных социумов; одинаковое понимание внутренних проблем и внешних угроз, любовь к родине и готовность ее защищать. Ослабляют общероссийскую национально-гражданскую идентичность: неприятие частью общества социокультурной неоднородности России; разрушительный потенциал социальных неравенств, включая региональную дифференциацию по уровню и качеству жизни; различия в гражданском самосознании молодежи и старших поколений россиян, обусловленные неодинаковым историческим опытом и содержанием социализации личности.

Обсуждение и заключения: в целом исследование подтвердило существование в обыденном сознании жителей Республики Мордовия представлений об иерархии коллективных идентичностей с общероссийским национально-гражданским самосознанием во главе.

Введение. В условиях этнического, религиозного и регионального многообразия становление единой национально-гражданской идентичности — одно из основных условий укрепления социальной системы российского общества. Значимость научного осмысления этой проблемы подтверждается актуализацией рисков распространения в современном мире межэтнической, межконфессиональной напряженности и регионального сепаратизма, усилением внешнего экономического и политического давления на Россию. В связи с этим социологический анализ факторов интеграции и дезинтеграции российской гражданской общности представляется актуальной научной проблемой, особенно в контексте трактовок, распространенных в обыденном сознании.

Обзор литературы. В зарубежной социологии проблематика национальной идентичности включена в контекст мировых интеграционных процессов и противоречий: анализируется влияние глобализации на национальную идентичность [1], рассматривается формирование новых наднациональных идентичностей (европейской, транснациональной) [2]. Д. Джейкобс и Р. Майер пришли к выводу, что европейская идентичность формируется как продолжение национальных идентичностей; границы между гражданами и иностранцами в современной Европе переносятся на новый уровень, формируя постнациональную идентичность [3, с. 32]. Европейские социологические исследования подтверждают эту тенденцию: в 2017 г. 70 % респондентов идентифицировали себя с гражданами Европейского союза и этот показатель растет[1].

В методологии исследований доминирует конструктивистский подход, рассматривающий национальную идентичность как продукт целенаправленной деятельности политических элит. В его рамках продолжается дискуссия о применении категории «идентичность» в социологическом анализе. Р. Брубейкер пишет о «кризисе перепроизводства и последующей девальвации смысла» этого понятия[2], с чем можно согласиться: чрезмерно широкое и не всегда оправданное употребление данной категории приводит к размыванию ее содержания. Представляет интерес предлагаемая ученым альтернативная терминология, основанная на динамическом понимании изучаемого явления: процессах идентификации и категоризации, самопонимания, саморепрезентации и самоидентификации. В свою очередь обоснованные возражения вызывает предложение Р. Брубейкера исключить из аналитического инструментария социологии категории «раса», «нация» и «класс» по причине чрезмерного влияния на их содержание обыденно-практических конструкций. Ю. Д. Гранин в ответ на это обращает внимание на «относительную самостоятельность и обратное влияние науки на социальную практику» [4, с. 128]. На наш взгляд, применительно к российской социальной реальности понятия «идентичность» и «нация» пока не исчерпали своего аналитического потенциала.

Не ослабевает научный интерес к содержанию самосознания гражданских общностей отдельных государств. Например, М. Кляйн предпринял масштабное исследование национальной идентичности современных немцев с точки

[1] См.: Standard Eurobarometer 88. Autumn 2017. URL: file:// http://ec.europa.eu/commfrontoffice/publicopinion/ (дата обращения: 05.09.2017).

[2] См.: Брубейкер Р. Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. С. 67.

зрения социальных границ и ценностных ориентаций, исторического прошлого и политических предпочтений жителей современной Германии [5].

Факторы, объединяющие граждан одного государства, рассматриваются в современной социологии с точки зрения экономической и политической интеграции мира, интенсификации миграционных процессов. Эта тема исследуется в основном при помощи изучения общественного мнения граждан различных государств. По данным Pew Research Center 2016 г., несмотря на межстрановые различия, первое место среди интегрирующих факторов занимает общий язык: на это указали 77 % европейцев, 70 % респондентов в США и Японии, 69 % жителей Австралии. По остальным факторам, фигурирующим в исследовании (обычаи и традиции, общее место рождения, религия), наблюдаются более или менее существенные разногласия как между обществами, так и внутри них[3].

Проблематика социологических исследований общероссийской национально-гражданской идентичности в целом близка к повестке западных дискуссий, но имеет ряд исторически обусловленных особенностей и специфических тем, среди которых можно условно выделить три направления.

Первое анализирует понятие, структуру и факторы российской идентичности. Основные дискуссии разворачиваются вокруг категории «нация», которая в советской традиции применялась для обозначения этносов, а в современной науке означает социальную общность граждан одного государства. В. А. Тишков первым предложил рассматривать гражданскую идентичность как осознание принадлежности к российской гражданской нации. В его представлении нация — «это прежде всего форма коллективного самосознания (идентичности) людей по поводу принадлежности к определенной общности, которую они считают нацией»[4]. Допуская возможность сложной многоуровневой структуры российской нации, ученый определяет ее как «нацию наций». Согласно

[3] См.: What It Takes to Truly Be One of Us. URL: http://www.pewglobal.org/2017/02/01/what-it-takes-to-truly-be-one-of-us/ (дата обращения: 20.05.2017).

[4] См.: Тишков В.А. Что есть нация. В поисках российской идентичности. URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1485236040 (дата обращения: 20.05.2017).

его концепции, российская гражданская идентичность имеет два уровня: первый — нации-этносы (люди одной культуры), второй — нация-государство (граждане одного государства). Таким образом, при определении российской идентичности В. А. Тишков подчеркивает интегрирующую роль государства, которое соединяет нации-этносы в единую политическую общность (российскую нацию). Некоторые положения этой концепции подвергаются критике. Во-первых, в ней сделан акцент на «лояльности государству, признании его своим»[5]. Во-вторых, идея деполитизации понятия «этнос» противоречит сложившейся в России общественно-политической практике [6, с. 55].

Определение гражданской идентичности Л. М. Дробижевой более широкое: «отождествление себя с гражданами страны, ее государственно-территориальным пространством, представления о государстве, обществе, стране, “образ мы”, чувство общности, солидарности, ответственности за ситуацию в государстве» [7, с. 8]. Автор выделяет в структуре гражданского самосознания «когнитивные, эмоциональные и регулятивные составляющие», а также ведущие «деятельностные компоненты» [Там же, с. 8], подчеркивает «многосоставность» общероссийской идентичности: «Она включает в себя и государственную идентичность, и территориальную, страновую, историко-культурную» [8, с. 27]. Таким образом, объем значений, вкладываемых в понятие «идентичность», растет и в перспективе может привести к той самой девальвации смысла, о которой писал Р. Брубейкер.

Второе направление — сравнительный анализ значимости общероссийской и других коллективных идентичностей в общественном сознании, обусловленный сложными процессами постсоветской трансформации. Внимание исследователей сосредоточено на изучении потенциалов интеграции и дезинтеграции российского общества на основе гражданской, региональной и этнической идентичностей. Ведутся сравнительные исследования российского самосознания с западноевропейским [9], китайским [10].

Интересны попытки анализа иерархии коллективных идентичностей в российском социуме. М. В. Назукина и

[5] См.: Дробижева Л.М., Арутюнова Е.М., Григорьева К.С. и др. Межнациональное согласие как ресурс консолидации российского общества: моногр. / отв. ред. Л.М. Дробижева. М.: Ин-т социологии РАН, 2016. С. 65.

О. Б. Подвинцев, исследуя систему территориальных идентичностей современной России, приходят к выводу, что «спайка и взаимопроникновение различных идентичностей, их совместимость и соотносимость между собой, определяют степень устойчивости каждого из больших социумов, именуемых словом “страна”» [11, с. 51]. Логическое развитие этой идеи — изучение смыслов, распространенных в обыденном сознании: определение степени совместимости различных коллективных идентичностей с общероссийской национально-гражданской.

Третье направление — анализ результатов «политики идентичности», проводимой руководством страны и регионов. Он опирается на конструктивистское понимание российской идентичности как продукта целенаправленной деятельности власти по управлению социальной реальностью [12]. На Западе успехи такой политики пока выглядят неубедительными. Актуализация этнического самосознания в России 90-х гг. XX в., его опережающее развитие по сравнению с гражданским способствовали ускорению центробежных социальных процессов. В 2000-е гг. наметилась тенденция укрепления общероссийского гражданского самосознания россиян. Социологические исследования последних лет свидетельствуют о широкой распространенности общероссийской идентичности наряду с другими видами коллективного самосознания: в 2013—2015 гг. 75—80 % опрошенных ощущали близость с гражданами России[6]. Процессы социальной самоидентификации россиян обусловлены в том числе государственной политикой. Поэтому вопрос о содержании общероссийской гражданской идентичности в контексте влияния на нее разнообразных субъектов власти весьма актуален.

Общим для трех направлений является представление о сложной структуре общероссийской идентичности: она рассматривается как многоуровневая, многосоставная, подверженная влиянию разнообразных общественных процессов. В отличие от западных исследований, в центре отечественного анализа изучаемой проблемы — внутренние и внешние факторы интеграции и дезинтеграции российского социального пространства в условиях исторически сложившегося культурного многообразия. Особенно важно исследование обыденных интерпретаций общероссийской национально-

[6] Там же. С. 69.

гражданской идентичности с точки зрения качественной методологии.

Логичной, на наш взгляд, является гипотеза об иерархическом характере повседневных представлений о российской гражданской нации, которая может восприниматься обыденным сознанием как более высокий уровень идентичности по отношению к этническому, религиозному и региональному самосознанию.

Материалы и методы. Эмпирическая проверка гипотезы основана на социологическом исследовании «Народ России: что нас объединяет», проведенном в июле 2016 г. методом фокус-группового интервью. Одна из его задач — на примере Республики Мордовия выявить основные факторы социального конструирования общероссийской национально-гражданской идентичности. Состоялись 3 фокус-группы (ФГ) (по 7—9 чел. в каждой). Информанты — жители Республики Мордовия из городской (1-я, 3-я группы) и сельской (2-я группа) местности. При рекрутировании участников учитывались их пол, возраст, национальность и уровень образования. В результате группы оказались достаточно представительными по социальному составу. В каждой приняли участие мужчины и женщины самых многочисленных этносов республики разных поколений, профессий, религиозных взглядов. Дискуссии разворачивались вокруг вопроса «Как Вы считаете, являются ли все граждане России, будучи представителями разных национальностей, религий и культур, единым российским народом (по аналогии с американским, французским и др.)?».

Результаты исследования. В процессе обсуждения проблемы определились два противоположных мнения:

— россияне, несмотря на этнические, религиозные и другие различия, представляют собой единый народ;

— в России нет единого народа, различия между этносами, религиями и другими социальными группами носят непримиримый характер.

Стоит отметить отсутствие четких границ между указанными точками зрения, пересекающимися в промежуточных высказываниях: сторонники российского народа рассуждают о роли разнообразных региональных, этнических, религиозных и других различий в современной России, а противники — об объективных интеграционных процессах. В связи с этим

можно согласиться с диалектической формулой, предложенной одним из информантов: *«У представителей разных этносов, религий есть и сплоченность, и разрозненность. Есть много факторов, которые на это влияют»* (ФГ № 1, м., 23 года, русский).

Факторы, укрепляющие общероссийскую национально-гражданскую идентичность. Характерная черта сторонников существования единой российской нации — признание этнических, религиозных, региональных и других различий между соотечественниками несущественными, преодолимыми: *«Национальность, религия — не важно, главное — отношение людей друг к другу»* (ФГ № 2, м., 20 лет, татарин). Даже резонансные случаи девиантного поведения в Москве выходцев с Северного Кавказа приверженцы этой точки зрения оценивают как естественные *«особенности людей, живущих в разных районах одного города»* (ФГ № 3, м., 31 год, татарин).

Основным фактором, нейтрализующим все различия, считается российский менталитет, общий для жителей всех регионов, не противоречащий этнической и религиозной самобытности россиян: *«У нас общий менталитет»* (ФГ № 2, ж., 25 лет, русская), *«Пусть верим в разное, но все мы одинаковые»* (№ 2, Анастасия, 27 лет, русская). Один информант высказал идею о существовании как самобытных, так и общих правил, которые соблюдают все россияне независимо от этнической и религиозной принадлежности.

Подчеркивается роль русского народа и русского языка в создании единого социального пространства. *«Человек мыслит русским языком — это сплачивает»* (ФГ № 1, м., 27 лет, татарин). *«Национальности разные, но все мы говорим на русском языке, это всех нас сближает»* (ФГ № 2, м., 35 лет, мордовка). Русским является и слово для обозначения граждан страны независимо от их этнической и религиозной принадлежности: *«Россияне — это правильное слово и его надо держаться»* (ФГ № 2, м., 64 года, русский).

Мощным объединяющим началом являются российское государство, его территория, законы и история. «*Президент один, власть одна, ответственность за страну у нас тоже одна»* (ФГ № 3, м., 24 года, русский). *«Объединяет то, что я живу на территории Российской Федерации»* (ФГ № 2, м., 20 лет, татарин). Подчеркивается интегрирующая функция единого морального и правового пространства — *«общая мораль и законы, представления о том, “что можно, что нельзя”»* (ФГ № 1, м., 27 лет, татарин).

Идея значимости российской конституции и законодательства, общей истории как факторов единства регионов, этносов и конфессий доминировала во всех фокус-группах. По мнению участников дискуссий, именно длительное сосуществование в одном обществе позволило выработать культурные образцы гармоничного межэтнического, межрелигиозного и межрегионального взаимодействия: *«Мы живем на одной территории, в одном государстве, у нас есть свои традиции, доставшиеся от родителей, которые мы стараемся продолжать — это нас сплачивает»* (ФГ № 1, м., 23 года, русский); *«Мы же дружили всю жизнь: вера христианская, вера мусульманская»* (ФГ № 2, ж., 58 лет, татарка). Более того, культурное многообразие регионов оценивается как фактор, способствующий взаимопониманию и на всероссийском уровне: *«Мы знаем культуру жителей соседних регионов, поэтому легко общаемся с представителями других областей и республик России»* (ФГ № 2, ж., 27 лет, русская).

Среди культурных образцов взаимодействия чаще всего упоминались праздники. Одинаково значимыми для всех этносов и конфессий остаются Новый год и День Победы: *«Все мы радовались салюту в детстве, ждали Нового года, как чего-то невероятного»* (ФГ № 3, м., татарин); *«На 9 Мая все ходят на парад. Помните “Бессмертный полк”? Нас объединяет именно это»* (ФГ № 1, ж., 27 лет, мордовка). Общими названы также религиозные и этнические праздники, которые, на первый взгляд, должны были бы разъединять людей (христианская Пасха, мусульманский Сабантуй). *«Перенимаются какие-то обычаи. Взять праздник Пасхи, когда дети ходят по квартирам — и мусульмане, и православные. Кто-то им конфеты раздает [мусульмане], а кто-то — крашеные яйца [христиане]»* (ФГ № 1, ж., 27 лет, мордовка). *«Сабантуй — не только национальный, но и объединяющий праздник. К нам приезжают из многих регионов России»* (ФГ № 2, м., 64 года, русский). Представителям средних и старших возрастных групп близка идея преемственности российского и постсоветского социальных пространств.

Интегрирующая роль общих компонентов социализации личности реализуется через семью, школу, повседневную жизнь и труд.

Объединяющие функции семьи проявляются в двух направлениях: семья как ячейка общества: *«Россия для меня — это прежде всего семья. Люди, которые близки мне, они меня объединяют со всеми»* (ФГ № 1, м., 27 лет, татарин); смешанные браки между представителями разных этносов: *«В семьях уже переплелись все этносы, тут уже кровь наша не понятно чья»* (ФГ № 2, м., 64 года, русский).

Школьный этап социализации, по мнению информантов, формирует общее мировосприятие через одинаковые предметы и учебники. В широком смысле всех объединяет детство: *«Разные дети в разных городах играли на улице в футбол, проводили примерно одинаково свое свободное время»* (ФГ № 3, м., 31 год, татарин).

Единая в своей основе социализация приводит к формированию общих черт ментальности и культуры: *«Кто бы из нас ни поехал за границу, мордвин или татарин — его все равно будут считать русским. Вот это нас и объединяет»* (ФГ № 2, ж., 25 лет, русская).

Сплачивают повседневная жизнь, труд: *«бытие наше со всеми особенностями»* (ФГ № 2, ж., 58 лет, татарка); *«трудовая деятельность, общие интересы»* (ФГ № 1, ж., 34 года, мордовка); *«стремление сделать свою жизнь лучше»* (ФГ № 1, ж., 27 лет, мордовка).

Общей считается любовь к России, выражающаяся в уважении друг к другу, искренней привязанности к родине. *«Большинство людей, живущих в России, уважают друг друга и любят»* (ФГ № 1, ж., 21 год, мордовка). *«Я верю, что россияне, проживающие даже на самых далеких от нас территориях, тоже любят нашу страну, и это хорошо»* (ФГ № 3, ж., 20 лет, русская).

Важным фактором российского самосознания названы одинаковые проблемы: *«Во всех регионах одни и те же проблемы. Одна страна — одна проблема»* (ФГ № 1, ж.); *«Если уж дефолт, то во всей стране, а не в отдельных регионах»* (ФГ № 3, ж., 25 лет, русская). По словам информантов, скрепляют российский социум повсеместно встречающиеся низкий уровень и качество жизни, несправедливость распределения социальных благ, непопулярные

реформы, экологические проблемы, некачественные продукты питания и др. При этом участники дискуссии подчеркивали интегрирующие функции взаимопомощи: *«Помогаем мы друг другу в любых ситуациях, независимо от того, татарин, мордвин, армянин, русский — сплачиваемся и оказываем помощь»* (ФГ № 2, м., 64 года, русский).

Внутреннее единство стимулируют отношения с внешним миром, общие победы на международной арене и угрозы извне: *«Спортсмены, которые выступают от Дагестана, от Чечни, — все они представляют Россию»* (ФГ № 2, м., 20 лет, татарин). *«Сплачивает нас убежденность в том, что есть мы и есть кто-то, кто нам хочет сделать большую печаль: в XX в. это была Германия, потом — Америка, сейчас Европа со своими санкциями»* (ФГ № 1, м., 26 лет, русский); *«Если понадобится, и мусульманин, и русский, и мордвин — все они встанут за свое Отечество, как это было всегда»* (ФГ № 2, ж., 27 лет, русская). Подчеркивалась объединяющая роль террористической угрозы: *«терроризм оставил большой отпечаток»* (ФГ № 2, м., 20 лет, татарин).

Факторы, препятствующие развитию общероссийской национально-гражданской идентичности. Часть информантов убеждена: несмотря на государственную политику, единая общность под названием «российский народ» не сложилась, побеждают центробежные силы, подталкивающие жителей страны к конфликтам.

Характерной чертой приверженцев указанного мнения является негативное восприятие социокультурных различий между россиянами. Если сторонники единого российского народа интерпретируют этническое, религиозное и региональное многообразие как данность и даже преимущество России, то противники относятся к культурной дифференциации с раздражением: *«Христианство и ислам никогда не будут дружны, и это все миф, что можно всех подружить и всех объединить»* (ФГ № 1, ж., 34 года, мордовка). Понятие «единый народ» они трактуют как синоним полной культурной однородности социума, поэтому цель государственной политики идентичности интерпретируется ими как максимальное преодоление любых социокультурных различий. В этом контексте нарушением целостности российского общества считаются не только этнические и

религиозные различия, но и региональные особенности: *«Свои какие-то республики самобытные, свои области, где своя культура, своя национальность; свои населенные пункты, где живут по каким-то своим правилам»* (ФГ № 3, ж., 25 лет, русская).

Вместе с тем многие важные факторы, дезинтегрирующие российское общество, по мнению информантов, совершенно не связаны с культурным многообразием страны. О них рассуждали как сторонники, так и противники существования единого российского народа. Одной из главных проблем, раскалывающих российское общество, назван несправедливый уровень социального неравенства: *«Один тратит четверть миллиона евро в кафе за границей, а другому не хватает денег для оплаты ипотечного кредита»* (ФГ № 1, м., 27 лет, татарин). Информанты обеспокоены *«увеличением пропасти между очень богатыми и малоимущими людьми»* (ФГ № 1, ж., 34 года, мордовка). Подчеркивается тенденция накопления потенциального недовольства и нарастания рисков дезинтеграции: *«На данном этапе российский народ един в силу того, что время, отпущенное на создание двух наций (расу рабов и расу господ), еще не прошло»* (ФГ № 1, м., 42 года, русский).

Угрозой считается углубление региональной дифференциации: *«Объединяют примерно одинаковые условия жизни в городах. Но между разными городами и регионами объединяющего фактора нет»* (ФГ № 3, м., 26 лет, русский); *«У каждого региона своя средняя заработная плата и прожиточный минимум, цены на продукты у всех разные»* (ФГ № 1, м., 23 года, русский). Обособленными названы некоторые приграничные территории, жители которых скорее ориентированы на соседние страны. В качестве иллюстрации упоминались Республика Карелия, Мурманская, Псковская и Калининградская области («эстонские паспорта», «бесплатные визы»), а также Дальний Восток (в связи с переездами россиян на постоянное место жительства в Китай).

Опасны различия между поколениями в понимании некоторых политических дискурсов. У представителей старших возрастных групп жива память о советском народе, единство и сплоченность которого не спасли СССР от распада. Такой исторический опыт способствует осторожному

отношению к высказываниям на эту тему: *«Но Советский Союз развалился. Я думаю, мы все принадлежим к одному народу, независимо от национальности, вероисповедания. Хотя понятно, что были разные времена»* (ФГ № 2, м., 64 года, русский). Однако для участника дискуссии, родившегося в 1990 г., понятия «СССР», «дружба народов», «славянское братство» совершенно непонятны, он не считает белорусов, украинцев и русских единым народом. В целом память о советском прошлом вызывает у информантов скорее ощущение хрупкости сегодняшнего относительного единства: *«Мы раньше с украинцами существовали единым народом, а теперь общаемся не очень хорошо»* (ФГ № 1, м., 27 лет, татарин).

Обсуждение и заключения. В целом исследование подтвердило существование в обыденном сознании жителей Республики Мордовия представлений об иерархии коллективных идентичностей с общероссийским национально-гражданским самосознанием во главе; позволило охарактеризовать идеи, укрепляющие и ослабляющие общероссийскую национально-гражданскую идентичность, требующие учета при формировании соответствующей государственной политики.

В интерпретации участников фокус-групп укрепление общероссийской национально-гражданской идентичности стимулируют следующие факторы:

— восприятие культурного многообразия российской гражданской нации как ее естественного состояния (преимущества);

— убежденность в отсутствии противоречий между общероссийской национально-гражданской идентичностью и этническим, религиозным, региональным самосознанием, идея общей ментальности;

— признание объединяющей роли русского народа, русского языка и русской культуры в конструировании российской гражданской нации;

— отношение к государству как гаранту единого исторического, правового, культурного социализирующего пространства для взаимодействия этносов, конфессий, региональных социумов;

— одинаковое понимание внутренних проблем и внешних угроз, любовь к «большой Родине» и готовность ее защищать.

Анализ дискуссий позволяет определить факторы, препятствующие развитию общероссийской национально-гражданской идентичности.

Во-первых, неприятие частью общества социокультурной неоднородности России, этническая и религиозная нетерпимость. В групповых дискуссиях они проявились в мягкой форме — в виде переживаемого некоторыми информантами дискомфорта от присутствия рядом иных этнических и религиозных культур, традиций. Последние всероссийские социологические исследования показывают некоторое снижение степени распространенности этнической и религиозной нетерпимости в стране[7], однако региональные особенности этой проблемы требуют постоянного внимания.

Во-вторых, разрушительным потенциалом обладают социальные неравенства, раскалывающие российское общество. По сравнению с суждениями о других проблемах высказывания на эту тему окрашены более интенсивными отрицательными эмоциями («раса рабов и раса господ», «пропасть» и т. п.). Исследование позволяет говорить о негативном влиянии на гражданское самосознание россиян не только экономического расслоения в целом, но и существенных региональных различий в уровне и качестве жизни. Субъективные оценки информантов соответствуют объективным данным. Согласно исследованию Аналитического кредитного рейтингового агентства, в 2016 г. разрыв между самыми богатыми и самыми бедными регионами России по относительному уровню собственных доходов достигал 6,8 раза[8].

В-третьих, заслуживают научного анализа особенности гражданского самосознания разных поколений россиян: линия разделения проходит по неодинаковому историческому опыту и содержанию социализации личности. Представления молодых людей, рожденных после распада Советского Союза, о российской гражданской нации могут существенно отличаться от мировоззрения старших возрастных групп, свидетелей разрушения советского социального пространства по этническим и региональным границам.

[7] См.: Ксенофобия в 2017 году. URL: https://www.levada.ru/2017/08/23/16486/ (дата обращения: 25.08.2017).

[8] См.: АКРА: Разрыв между доходами богатых и бедных регионов увеличился. URL: https://www.nakanune.ru/news/2016/09/06/22446357/ (дата обращения: 03.05.2017).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Blum D.W. National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007. 225 p. DOI: 10.1017/CBO9780511490873

2. Risse T. A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca, NY and London: Cornell University Press, 2010. 287 p.

3. Jacobs D., Mayer R. European Identity: Construct, Fact and Fiction // Gastelaars M. & de Ruijter, A. (eds.) A United Europe. The Quest for aMultifaceted Identity. Maastricht: Shaker, 1998. Pp. 13—34. URL: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.524.3597&rep=rep1&type=pdf (дата обращения: 24.04.2017).

4. Гранин Ю.Д. К проблеме реальности в современной социологии: исчезновение группы? // Высшее образование в России. 2014. № 2. С. 126—130. URL: http://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-realnosti-v-sovremennoy-sotsiologii-ischeznovenie-gruppy (дата обращения: 24.04.2017).

5. Klein M. Die Nationale Identität der Deutschen: Commitment, Grenzkonstruktionen und Werte zu Beginn des 21 Jahrhunderts. Wiesbaden: Springer VS, 2014. 367 p.

6. Богатова О.А. Социальные технологии управления республиканской и российской идентичностью в оценках населения Республики Мордовия: опыт качественного социологического исследования // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2017. Т. 1, №. 1. С. 54—70. URL: http://en.sociology.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/spmo_2017_01_06.pdf (дата обращения: 04.05.2017).

7. Дробижева Л.М. Гражданская идентичность как условие ослабления этнического негативизма // Мир России. 2017. № 1. С. 7—31. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-kak-uslovie-oslableniya-etnicheskogo-negativizma (дата обращения: 04.05.2017).

8. Дробижева Л.М. Общероссийская идентичность и уровень межнационального согласия как отражение вектора консолидационных процессов // Социологические исследования. 2017. № 1. С. 26—36. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_1/Drobizheva.pdf (дата обращения: 04.05.2017).

9. Горшков М.К. Российская идентичность в контексте западноевропейской культуры // Власть. 2013. № 1. С. 9—14. URL: http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/1504/submission/original/1504-2867-1-SM.pdf (дата обращения: 04.05.2017).

10. Помозова Н.Б. Сравнительный анализ стратегий формирования гражданской идентичности в России и Китае // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 5. С. 210—214. URL: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/80812051.pdf (дата обращения: 04.05.2017).

11. Назукина М.В., Подвинцев О.Б. Российская Федерация как система и иерархия идентичностей // Вестник Пермского научного центра УРО РАН. 2013. № 4. С. 45—51. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-federatsiya-kak-sistema-i-ierarhiya-identichnostey (дата обращения: 04.05.2017).

12. Семененко И.С. Политика идентичности и идентичность в политике: этнонациональные ракурсы, европейский контекст // Полис. Политические исследования. 2016. № 4. С. 8—28. DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

Для цитирования: Долгаева Е.И. Факторы общероссийской национально-гражданской идентичности в интерпретации жителей полиэтнического региона // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 123—140. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.123-140

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

E. I. DOLGAEVA. INTERPRETATION OF THE FACTORS OF THE ALL-RUSSIAN NATIONAL AND CIVIL IDENTITY BY THE INHABITANTS OF A MULTIETHNIC REGION

Acknowledgments: the research was implemented with the support of the Russian Humanitarian Scientific Foundation in the framework of the research project 'Formation and Harmonization of the All-Russian and Regional Identity in a Multiethnic Region of the Russian Federation taking the Republic of Mordovia as an Example' (RHSF Grant 16-03-00145 a).

Key words: multiethnic region; hierarchy of identities; national and civil identity; regional differences; religious differences; ethnic differences

Introduction: the formation of a single national and civil identity is one of the important conditions for strengthening the social system of the Russian society. In this regard, a sociological analysis of the factors of integration and disintegration of the Russian civil community on the basis of qualitative methodology from the point of view of the meanings common in the everyday consciousness of the inhabitants of a multiethnic region is relevant.

Materials and Methods: the article analyzes the results of the sociological study 'The People of Russia: what Unites Us' conducted in July 2016 in the Republic of Mordovia by means of the method of a focus group interview. One of its tasks was to identify the main factors of social development of the all-Russian national and civil identity taking the Republic of Mordovia as an example.

Results: in the consciousness of the inhabitants of the Republic of Mordovia, there are ideas that strengthen and weaken the all-Russian national and civil identity and therefore require consideration when forming public policy in this area. The following factors have a positive impact on the all-Russian consciousness: perception of cultural diversity of the Russian civil nation as its natural state; conviction in the absence of contradictions between the all-Russian national and civil identity and the ethnic, religious and regional consciousness, the idea of common mentality; recognition of the unifying role of the Russian people, Russian language and Russian culture in building the Russian civil nation; attitude to the state as a guarantor of a single historical, legal and cultural socializing space for the interaction of ethnic groups, religions, regional societies; common understanding of internal problems and external threats, love for the Motherland and readiness to protect it. The following factors weaken the all-Russian national and civil identity: rejection of the socio-cultural heterogeneity of Russia by a part of the society; destructive potential of social inequalities, including regional differences in the level and quality of life; differences in civic awareness of young people and the older generations of Russians due to the different historical experience and content of socialization.

Discussion and Conclusions: in general, the study proved the existence of ideas about the hierarchy of collective identities with the Russian national and civil consciousness at the helm in the everyday consciousness of the inhabitants of the Republic of Mordovia.

REFERENCES

1. Blum D.W. National Identity and Globalization: Youth, State, and Society in Post-Soviet Eurasia. Cambridge: Cambridge University Press; 2007. 225 p. DOI: 10.1017/CBO9780511490873

2. Risse T. A Community of Europeans? Transnational Identities and Public Spheres. Ithaca, NY and London: Cornell University Press; 2010. 287 p.

3. Jacobs D., Mayer R. European Identity: Construct, Fact and Fiction // Gastelaars M. & de Ruijter, A. (eds.) A United Europe. The Quest for aMultifaceted Identity. Maastricht: Shaker; 1998. Pp. 13—34. Available at: http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.524.3597&rep=rep1&type=pdf (accessed 24.04.2017).

4. Granin Yu.D. [On the Problem of Reality in Modern Sociology: Disappearance of "Groups"]. *Vysshee Obrazovanie v Rossii* = Higher Education in Russia. 2014; 2:126—130. Available at: http://cyberleninka.ru/article/n/k-probleme-realnosti-v-sovremennoy-sotsiologii-ischeznovenie-gruppy (accessed 24.04.2017). (In Russ.)

5. Klein M. Die Nationale Identität der Deutschen: Commitment, Grenzkonstruktionen und Werte zu Beginn des 21 Jahrhunderts. Wiesbaden: Springer VS; 2014. 367 p.

6. Bogatova O.A. [Social Technologies of Management of Republican and Russian Identity in Estimations of the Population of the Republic of Mordovia: Experience of Qualitative Social Research]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sociologija. Politologija. Mezhdunarodnye otnoshenija* = Bulletin of Udmurt University. Sociology. Political Science. International Relations. 2017; 1(1):54—70. Available at: http://en.sociology.vestnik.udsu.ru/files/originsl_articles/spmo_2017_01_06.pdf (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

7. Drobizheva L.M. [National Identity as a Means of Reducing Ethnic Negativism]. *Mir Rossii* = Universe of Russia. 2017; 1:7—31. Available at:

https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskaya-identichnost-kak-uslovie-oslableniya-etnicheskogo-negativizma (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

8. Drobizheva L.M. [All-Russian Identity and Interethnic Accord as a Reflection of the Consolidation Processes in Russian Society]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* = Sociological Studies. 2017; 1:26—36. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2017/2017_1/Drobizheva.pdf (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

9. Gorshkov M.K. [The Russian Identity in the Context of the Western European Culture]. *Vlast'* = Vlast'. 2013; 1:9—14. Available at: http://jour.isras.ru/upload/journals/2/articles/1504/submission/original/1504-2867-1-SM.pdf (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

10. Pomozova N.B. [A Comparative Analysis of Strategies for the Formation of Civic Identity in Russia and China]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* = MGIMO-University Bulletin. 2012; 5:210—214. Available at: http://www.vestnik.mgimo.ru/sites/default/files/pdf/80812051.pdf (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

11. Nazukina M.V., Podvintsev O.B. [Russian Federation as a System and Hierarchy of Identities]. *Vestnik Permskogo nauchnogo centra URO RAN* = Bulletin of the Perm Scientific Center URO RAN. 2013; 4:45—51. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/rossiyskaya-federatsiya-kak-sistema-i-ierarhiya-identichnostey (accessed 04.05.2017). (In Russ.)

12. Semenenko I.S. [Identity Politics and Identities in Politics: Interethnic Perspectives in a European Context]. *Polis. Politicheskie issledovanija* = Polis. Political Studies. 2016; 4:8—28 DOI: https://doi.org/10.17976/jpps/2016.04.03

About the author:

Evgenia I. Dolgaeva, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* ewgiv@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-1256-7384.

For citation: Dolgaeva E.I. Interpretation of the Factors of the all-Russian National and Civil Identity by the Inhabitants of a Multiethnic Region. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):123—140. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.123-140

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 08.09.2017.

Социология региона / Sociology of a region

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.254-027.556:351.765
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.141-154

М. Ю. БАРЕЕВ *Е. А. САМОЙЛОВА*

СТАНОВЛЕНИЕ ЗООВОЛОНТЕРСКОГО ДВИЖЕНИЯ: РЕГИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ

Ключевые слова: регион; зооволонтерство; зоозащитная организация; массовые коммуникации; теория «сильных и слабых связей»; социальная сеть «ВКонтакте»

Введение: современный этап развития российского общества характеризуется расширением самоорганизационных практик. Наиболее распространенным их примером служит волонтерство, выступающее своеобразной формой социальной активности и способствующее формированию и развитию гражданского общества. Одним из направлений проявления социальной активности и гуманизма в отношении животных стало развитие движения

БАРЕЕВ Максим Юрьевич, доцент кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат социологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* bareevmaksim@rambler.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6228-100X

САМОЙЛОВА Елена Андреевна, магистрант кафедры социологии Национального исследовательского Мордовского государственного университета (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* lenasamoilova199612@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5393-6027

© Бареев М. Ю., Самойлова Е. А., 2018

зооволонтерства. Зоозащитное движение — относительно новое и малоизученное социальное явление, которое требует всестороннего анализа, определяющего его роль и место в структуре гражданского общества, а также состава волонтеров и мотивации к занятию волонтерством.

Материалы и методы: в статье представлены материалы социологического исследования «Особенности феномена зоозащитников-волонтеров в Республике Мордовия» (2017) с применением стратегии кейс-стади. При его проведении использовались следующие методы: неформализованное (свободное) гайд-интервью (план, сценарий интервью), содержащее рамочные вопросы для обсуждения, а также анализ кейсов организаций.

Результаты исследования: выявлены и изучены две зоозащитные организации, функционирующие в Республике Мордовия, — МРОО «Общество помощи бездомным животным» и Волонтерская помощь бездомным животным г. Саранска. Общество помощи бездомным животным находится на этапе принятия и практического применения действующих норм и правил, закрепленных в уставе организации, т. е. на этапе реально существующей социальной практики. Другая группа, несмотря на многочисленность, проходит этап формирования социальных норм и правил в ходе стихийного социального взаимодействия. В зооволонтерских группах региона насчитывается около 8 000 участников. Удалось выделить и охарактеризовать несколько факторов, благодаря которым информанты стали зооволонтерами.

Обсуждение и заключения: основными факторами становления зооволонтерского движения являются: инициативный, «социальные связи», информационно-коммуникативный, «эмпативное участие». При этом инициативный фактор доминирует: на него указали большинство опрошенных информантов. В качестве рекомендаций для продвижения зооволонтерского движения можно предложить более активное использование таких коммуникационных каналов, как социальная реклама на региональном телевидении, создание YouTube-канала в Интернете, распространение рекламы о зоозащитных организациях в социальных сетях, что способствовало бы качественному изменению отношения к зооволонтерской деятельности в общественном сознании и привлечению новых участников к ней.

Введение. Современный этап развития российского общества характеризуется расширением самоорганизационных практик[1]. Примером служит волонтерство, которое выступает формой социальной активности, способствует развитию и формированию гражданского общества, позиционируется как способ решения возникающих проблем.

[1] См.: Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. Левада-центр. 2014. URL: https://clck.ru/3WouWX (дата обращения: 02.02.2017).

Настоящий материал произведен и распространен иностранным агентом (решение Минюста России от 05.09.2016).

Одним из направлений социальной активности и гуманизма в отношении животных стало развитие движения зооволонтерства. Зоозащитное движение — относительно новое и малоизученное социальное явление, которое требует всестороннего анализа, определяющего его роль и место в структуре гражданского общества, состава и мотивации участников.

До начала XIX в. попытки защитить животных носили спонтанный характер, лишь на рубеже веков возникли первые организованные формы социального действия, на-правленные на защиту животных. В 1800 г. У. Палтни внес в парламент Великобритании «Билль против травли быков». В 1824 г. в Лондоне было создано первое в миро-вой практике общество по предотвращению жестокости в отношении животных. Большинство законов против жестокого обращения с животными приняты в 1830-е г. в Германии. В эти же годы в Европе стали возникать организации по защите животных. С 1875 г. начался новый этап станов-ления зоозащитной деятельности, связанный с появлением на «публичной сцене» движения антививисекторов; и крупных международных компаний по защите и спасению диких животных; Всемирной федерации по защите животных, Международное общество по защите животных, Всемирный фонд дикой природы, Международный фонд благополучия животных, Гринпис и др. Можно отметить, что история зоозащитного движения на Западе оказалась тесно связана с развитием публичной политики, ориентированной на идеалы демократии, равен-ства, свободы и справедливости [1, с. 229—234].

В СССР движение развивалось в иных условиях: эта проблема связывалась исключительно с охраной диких животных. Именно они, наряду с дикими растениями, рассматривались как ценный природный ресурс и находились под опекой созданного в 1924 г. Всероссийского общества охраны природы. Вплоть до начала 1990-х гг. в СССР не было не только официальных кодексов этичного обращения с животными, но и докумен-тов, регулирующих проведение медицинских исследований над животными. Нюрнбергский кодекс 1947 г., устанавли-вающий этические нормы медицинских экспериментов и вмешательств, был ратифицирован лишь в период распада СССР [1, с. 235—236].

По мнению Н. В. Левченко, зоозащитные организации в российских мегаполисах начали свою деятельность с

1990-х гг., а в регионах — с 2000-х гг. Сейчас рассматриваемая проблема все больше привлекает внимание общественности, но определить точную картину социальной активности в этой сфере в настоящее время достаточно сложно. Новые зоозащитные организации формируются в результате различного видения их членами способа решения проблемы бездомных животных, а также разного взгляда на деятельность самих организаций [2].

Зоозащитные организации сотрудничают со СМИ, которые освещают тему волонтерства, включая зоозащитное движение. Развитию как волонтерства, так и зооволонтерства способствовали Интернет и социальные сети, благодаря которым появились самоорганизующиеся группы и онлайн-сообщества волонтеров. Социальные сети оказались удобным инструментом общественной самоорганизации, так как они не только быстро и целенаправленно распространяют нужную информацию, но и увеличивают степень доверия участников друг к другу. Общество стало видеть, что за проектами стоят живые люди, поэтому более активно принимает в них участие. По данным международной благотворительной организации Charites Aid Foundation, в 2014 г. 1 млрд чел. старше 18 лет из 145 стран работали волонтерами в некоммерческом секторе, 2,2 млрд чел. оказывали помощь незнакомым людям[2].

В настоящее время волонтерское движение получило активное развитие именно потому, что его особенностью стала сетевая структура с использованием массовых коммуникаций, особенно Интернета. Сеть подразумевает под собой открытую структуру. Сетевая структура в волонтерстве означает, что любой человек в любое время может как войти в нее, так и выйти. Сеть является формой самоорганизации волонтерских объединений: в каждом из них есть главный управляющий, контролирующий общий процесс работы. Однако деятельность организации обеспечена работой каждого участника сети, какую бы роль он не выполнял. Это подтверждает теория М. Кастельса. Суть его концепции состоит в том, что социальная структура в сетевом обществе основана на сетях, которые активизируются новыми информационными

[2] См.: CAF. Worldgivingindex 2015. URL: http://www.cafrussia.ru/page/mirovoi_reiting_blagotvoritelnosti_1 (дата обращения: 02.02.2017).

технологиями и развиваются благодаря широкому распространению Интернета[3].

Обзор литературы. Конкретизируя сетевую структуру волонтерского движения, необходимо обратиться к теории М. Грановеттера о «сильных и слабых связях». Вовлечение в волонтерскую практику (зоозащиту) происходит благодаря активной работе СМИ, а также с помощью социальных сетей, в частности «ВКонтакте». Наиболее полезными в межличностном общении для волонтеров оказываются именно слабые связи. Примером сильных связей можно считать родственников и друзей, примером слабых связей — знакомых, соседей, коллег. М. Грановеттер объясняет это тем, что посредством сильных связей (благодаря их информационной избыточности) члены социума обмениваются ограниченным объемом данных, в то время как обмен действительно важной и полезной информацией осуществляется через слабые связи. Сильные связи являются каналом информации, почти не отличающимся от информации самого субъекта, поэтому именно слабые связи предоставляют человеку новую информацию. При этом ученый отмечает их важность в становлении и развитии человеческого капитала. Согласно его теории, для слабых связей важна их визуализация, поэтому социальные сети в Интернете играют определяющую роль в развитии зооволонтерского движения, так как зоозащитники-волонтеры распространяют и визуализируют свою информацию в основном через них [3].

Проблемам как волонтерства в целом, так и зоозащитной волонтерской деятельности в российской социологии уделено недостаточно внимания, тем не менее существует ряд работ, обеспечивающих методологическую основу для изучения этого феномена. В работах Ф. У. Айбазовой [4] и Н. В. Литвиновой[4] волонтерство выступает как основной коммуникационный канал в продвижении гражданских инициатив на региональном уровне и как важный элемент гражданского общества. О. И. Холина рассматривает его как социальный феномен современного российского общества [5].

[3] См.: Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ., под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.

[4] См.: Литвинова И.Н. Благотворительность и волонтерство как важный сегмент гражданского общества. URL: https://vivliophica.com/articles/sociology/511896/1 (дата обращения: 17.03.2017).

Достаточно широко проблемы, связанные непосредственно с зоозащитной волонтерской деятельностью, представлены в работах М. А. Боровик и Д. В. Михеля [1], Н. Б. Игнатовской[5], Н. В. Левченко [2], В. А. Рыбалко [6].

Материалы и методы. В ходе проведенного в 2017 г. социологического исследования «Особенности феномена зоозащитников-волонтеров в Республике Мордовия» с применением исследовательской стратегии кейс-стади были выявлены общие черты и различия региональных зоозащитных организаций. Использовался метод неформализованного (свободного) гайд-интервью (план, сценарий интервью), содержащий рамочные вопросы для обсуждения, а также анализ кейсов зоозащитных организаций. В опросе приняли участие 13 волонтеров-зоозащитников (12 женщин и 1 мужчина) в возрасте от 18 до 65 лет, проживающих в Республике Мордовия.

Результаты исследования. Исследование показало, что в регионе действуют две организации помощи бездомным животным: Мордовская общественная региональная организация (МРОО) «Общество помощи бездомным животным» и Волонтерская помощь бездомным животным г. Саранска. Эти организации различаются численностью, нормативными документами, методами зоозащиты.

МРОО «Общество помощи бездомным животным» находится на этапе принятия и практического применения действующих норм и правил, закрепленных в уставе организации, т. е. на этапе реально существующей социальной практики; Волонтерская помощь бездомным животным г. Саранска, несмотря на свою многочисленность, проходит этап формирования социальных правил и норм в процессе стихийного социального взаимодействия. Это можно объяснить тем, что МРОО «Общество помощи бездомным животным» появилось раньше, поэтому отличается более развитой структурой: помимо группы в социальной сети «ВКонтакте», имеет официальный сайт, электронную почту, устав, банковский счет (таблица).

Необходимо отметить различия в нормативных актах, принимаемых членами групп. В МРОО «Общество помощи

[5] См.: Игнатовская Н.Б. Отношение к животным как проблема нравственности // Этическая мысль: науч.-публ. чт. / под ред. А.А. Гусейнова и др. М.: Политиздат, 1988. С. 220—239.

бездомным животным» правила по большей части касаются организационной структуры, а в Волонтерской помощи бездомным животным г. Саранска — непосредственно помощи животным.

Таблица

Анализ кейсов зоозащитных организаций Республики Мордовия[6]

Показатель	МРОО «Общество помощи бездомным животным»	Волонтерская помощь бездомным животным г. Саранска
Официальный сайт	http://animals13.ru	Отсутствует
Наличие аккаунтов в социальных сетях	https://vk.com/animals_13, других аккаунтов в социальных сетях нет	https://vk.com/animals_help_saransk, других аккаунтов в социальных сетях нет
Общая электронная почта	help@animals13.ru	Отсутствует. Наличие горячей линии
Дата основания	11 марта 2011 г.	22 мая 2012 г.
Свод правил, регулирующих деятельность организации	Устав	Устава нет, но есть четко сформулированные цели, задачи и правила в группе «ВКонтакте»
Легитимность	Не имеет юридического статуса (не зарегистрирована в реестре НКО)	Не имеет юридического статуса (не зарегистрирована в реестре НКО)
Наличие банковского счета	Есть	Есть
Организационная форма	Общественная организация	Общественная организация

* Таблица составлена нами.

Для привлечения новых членов МРОО «Общество помощи бездомным животным» проводило такие акции, как продажа мыла для рук с логотипом общества, организация концертов, создание «копилок помощи», расположенных в местах массового посещения (магазины, концертные залы, парки и т. п.), а также проведение благотворительной фотосессии как с животными, так и без них. Также реализуется акция по изучению жителями региона английского языка, вырученные за занятия средства идут на нужды животных.

Организации информируют местное население о необходимости гуманного обращения с животными, о том, что недопустимо отказываться от питомца, уже находящегося в домашнем хозяйстве, продвигают концепцию свободного взятия животных из питомников и приютов, без бюрократических проволочек, борясь одновременно со стереотипом

[6] Табл. 1 составлена нами.

«второсортности» животных, находящихся на попечении волонтерской организации. В результате проведенных мероприятий количество участников организаций увеличилось с 2011 по 2017 г. от 20 до 7 800 чел.

Правила взаимоотношений в зоозащитных организациях складывались поэтапно в силу необходимости эффективно взаимодействовать, связаны они в первую очередь с организацией передачи животного новому хозяину. Для этого зоозащитники предварительно изучают страничку потенциального хозяина в социальных сетях, беседуют, договариваются о возможности проверить условия содержания животного. Проверка может иметь различные варианты, например фотоотчеты в Сети. При этом, позиционируя себя как гуманных и позитивных людей, руководители и члены группы следят за тем, чтобы формы взаимодействия носили вежливый и корректный характер, без использования ненормативной лексики и др.

Приведем примеры опроса с участниками зоозащитных организаций, отражающие социокультурные особенности коммуникации в них.

«В группе [“ВКонтакте”] есть правила, которые очень долго и тщательно прорабатывались девочками-администраторами. Это правила и общения, и размещения постов и отчетов, и передачи животных хозяевам… Только в этом случае сами кураторы решают, воспользоваться ими или нет, когда отдают подопечного» (ж., 29 л., не замужем, детей нет, работает).

В ходе интервью, проводившегося в рамках исследования, удалось выяснить, что офиса и определенного места для встреч активистов-зоозащитников с будущими хозяевами животных нет ни у МРОО «Общество помощи бездомным животным», ни у Волонтерской помощи бездомным животным г. Саранска. Все коммуникации происходят через социальные сети и мобильные телефоны.

По результатам исследования удалось выделить несколько факторов, благодаря которым информанты стали зооволонтерами.

1. Инициативный (нашли в социальной сети группу, заинтересовались, начали помогать). Использование зоозащитной организацией массовых коммуникаций (в частности Интернета) позволяет передавать населению различные

сообщения, тем самым привлекая внимание к проблеме бездомных животных.

«Однажды нашла в “ВКонтакте” такую группу, в каком году это было, точно уже не помню… Вступила, начала просматривать посты, по возможности чем-то помогать. Так и втянулась, помогала финансово, когда была возможность» (ж., 28 л., замужем, есть дети, в декретном отпуске).

2. «Социальные связи» (к зоозащитной деятельности привлекли друзья, близкие). Кто-то из родственников, друзей, взяв себе питомца, вызывал интерес к деятельности группы помощи животным, высылая своим друзьям информационные посты группы, привлекая внимание к проблеме. Сначала люди смотрят страничку в социальной сети своих друзей, обращают внимание на проблему бездомных животных.

«Подруга подобрала животное из этой группы. Вернее, завела себе. Начала “репостить” их объявления, ну, я увидела, зашла в группу. Потом мне нужно было пристроить кошечку одну, у нашего дома появилась. Пристроила» (ж., 25 л., замужем, детей нет, работает).

3. Информационно-коммуникативный (заинтересовали информационные материалы группы помощи). Несмотря на активное использование Интернета, традиционные способы коммуникации также присутствуют. Некоторые информанты узнали о группе помощи животным через информационные материалы, которые раздавали сами волонтеры.

«Началось все с листовки… Моей дочери на празднике Дня города на площади дали листовку о том, что в городе создается группа помощи животным. И мы можем взять там для себя питомца» (ж., 50 л., в разводе, трое детей, работает).

4. «Эмпативное участие» (пожалели одно животное, начали помогать остальным). Помогая в первый раз, человек узнавал причины и способы решения проблемы бездомных животных, в дальнейшем он уже осознано решает помогать животным.

«Началось нечаянно с одного животного, некуда было его девать, начала пристраивать его через группу. И втянулась. А потом еще один и еще второй. Наверное, это кому-то дано, а кому-то нет все-таки. Просто раньше, когда этим не занималась, увижу больного котенка, пройду мимо, а в глазах еще неделями он стоит, этот

котенок, сердце не на месте. А теперь, я могу изменить ситуацию, я просто могу ему помочь» (ж., 35 л., замужем, детей нет, работает).

Основными методами привлечения внимания к проблеме бездомных животных являются: «репосты стен» (информационные посты) в социальных сетях, выставки, тематические призы, конкурсы, акции, благотворительные фотосессии (средства, собранные за них, идут на помощь животным), митинги, сотрудничество с новостными группами и газетами, лекции в школе на тему бездомных животных.

«В самой группе мы стараемся проводить тематические конкурсы с призами, марафоны, акции. Это влияет на распространение информации о нашей группе. Кроме постов про животных, мы публикуем различные информационные посты. Также мы сотрудничаем со многими новостными группами и газетами. Например, газеты "Столица С", "Известия Мордовии", портал Mordovmedia.ru также публикуют информацию о подопечных группы и иногда другие важные сведения. Периодически проводим раздачу листовок. Участвуем в выставках собак, в прошлом году благодаря нашим друзьям, волонтерам из Пензы, получилось поучаствовать в выставке кошек» (ж., 29 л., не замужем, детей нет, работает).

Для привлечения людей к зоозащитной деятельности применяют разные формы: проведение акций, пикетов, выставок животных, во время которых посетители могут лично познакомиться с зооволонтерами и узнать о нуждах зоозащитной организации. Помимо того, обозначенные мероприятия предоставляют зоозащитникам возможность личного общения с приглашенными представителями прессы, осуществляя целенаправленную коммуникацию со СМИ.

Обсуждение и заключения. Таким образом, основными факторами становления зооволонтерского движения являются: инициативный, «социальные связи», информационно-коммуникативный, «эмпативное участие». При этом инициативный фактор оказался доминирующим, поскольку на него указали большинство (8 из 13) информантов.

В качестве рекомендаций для продвижения зооволонтерского движения можно предложить более активное использование таких коммуникационных каналов, как социальная реклама на региональном телевидении, создание

YouTube-канала в Интернете, распространение рекламы о зоозащитных организациях в социальных сетях, что могло бы качественно изменить отношение общества к зооволонтерской деятельности, повлиять на общественное сознание, способствовало бы привлечению значительного количества людей к зоозащитной деятельности. Все это позволило бы решить важную общественную проблему, состоящую в том, что из-за социальных стереотипов, экономических условий, специфики исторического развития государства распространенность зооволонтерской деятельности в России находится на недостаточном уровне и значительно уступает европейской.

Зоозащитное движение начало развиваться в регионе недавно, поэтому пока можно говорить о становлении этого вида общественно-полезной деятельности, распространяющей идеи гуманизма по отношению к животным. Именно в этом плане наиболее ярко и наглядно проявляется степень нравственного развития общества. При этом умение и привычка человека следовать передовым нормам человеческого общежития стали мерилом развития цивилизации, когда о степени зрелости общества судят по его отношению к наименее защищенным существам.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Боровик М.А., Михель Д.В. Движения по защите животных: история, политика, практика // Журнал исследований социальной политики. 2010. № 8. С. 227—252. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/dvizheniya-po-zaschite-zhivotnyh-istoriya-politika-praktika (дата обращения: 17.06.2017).

2. Левченко Н.В. Российские зоозащитники: кто они и как действуют? // Социологические исследования. 2015. № 2. С. 151—155. URL: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Levchenko.pdf (дата обращения: 17.06.2017).

3. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: a Network Theory Revisited // Sociological Theory. 1983. Vol. 1. Pp. 201—233. URL: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/friedkin/Syllabi/Soc148/Granovetter%201983.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

4. Айбазова Ф.У. Волонтерство как канал гражданских инициатив на региональном уровне // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2012. № 4. С. 106—110. URL: http://kaspy.asu.edu.ru/files/4(33)/106-111.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

5. Холина О.И. Волонтерство как социальный феномен современного российского общества // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 71—73. URL: https://cyberleninka.ru/article/v/volonterstvo-kak-

sotsialnyy-fenomen-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva (дата обращения: 17.03.2017).

6. Рыбалко В.А. Мировой опыт в решении проблем бездомных животных // Ветеринарная патология. 2006. № 2. С. 12—19. URL: http://vetpat.ru/wp-content/uploads/2014/03/Vet_patologija_02_06.pdf (дата обращения: 17.03.2017).

Заявленный вклад авторов:

БАРЕЕВ Максим Юрьевич — постановка научной проблемы статьи и определение основных направлений ее решения, определение теоретико-методологических основ исследования, написание статьи.

САМОЙЛОВА Елена Андреевна — актуализация практических приложений результатов исследования, доработка статьи.

Для цитирования: Бареев М.Ю., Самойлова Е.А. Становление зооволонтерского движения: региональный опыт // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 141—154. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.141-154

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

M. Yu. BAREEV, E. A. SAMOILOVA. DEVELOPMENT OF ANIMAL RIGHTS VOLUNTEER MOVEMENT: REGIONAL EXPERIENCE

Key words: region; animal rights volunteer movement; animal protection organization; mass communications; strong and weak ties theory; social network VKontakte

Introduction: the current stage of development of the Russian society is characterized by the expansion of self-organizing practices. The most common example of self-organization in the society is volunteering, which is a kind of social activity, contributing to the formation and development of civil society. Development of the animal rights volunteer movement has become one of the ways of manifestation of social activity and humanity towards animals. The animal protection movement is a relatively new and little-studied social phenomenon that requires a comprehensive analysis of its role and place in the structure of civil society, as well as of the composition and motivation of volunteers.

Materials and Methods: the article presents the materials of sociological research 'Peculiarities of the Phenomenon of Animal Protection Volunteers in the Republic of Mordovia' (2017) with the use of the case study research strategy. The following methods were used in the study: non-formalized (free) guide interview (plan, interview scenario), containing framework questions for discussion as well as analysis of cases of organizations.

Results: two animal protection organizations operating in the Republic of Mordovia, 'Homeless Animals Aid Society' and 'Volunteer Help to Homeless Animals in the City of Saransk', were identified and studied. 'Homeless Animals Aid Society' is at the stage of adoption and practical application of the existing rules and regulations enshrined in the Charter of the organization, i. e. it is at the stage of actual social practice. The other group, despite a large number of its members, is at the stage of forming social norms and rules in the course of spontaneous social interaction. There are about 8,000 members in the voluntary animal rights protection groups. The study made it possible to identify and describe several factors that had encouraged the respondents to become animal rights activists.

Discussion and Conclusions: the main factors of formation animal rights volunteer movement are the following: the initiative one, social networks, information and communication one, and empathic participation. At the same time, the initiative factor is the dominant one as it was mentioned by the majority of respondents. As recommendations for the promotion of animal rights volunteer movement the authors suggest a more active use of such communication channels as social advertising on regional TV, creating a YouTube channel on the Internet, proliferation of advertisements about animal protection organizations in social networks, which would contribute to a qualitative change in relation to animal rights volunteer movement activities in the public consciousness and could attract more people to the animal protection volunteer activities.

REFERENCES

1. Borovik M.A., Mikhel D.V. [Animal Protection Movement: History, Policies, Practice]. *Zhurnal issledovanij social'noj politiki* = The Journal of Social Policy Studies. 2010; 8:227—252. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/dvizheniya-po-zaschite-zhivotnyh-istoriya-politika-praktika (accessed 17.06.2017). (In Russ.)

2. Levchenko N.V. [Russian Animal Protectors: Who are They and How They Act?]. *Sotsiologicheskie Issledovaniia* = Sociological Studies. 2015; 2:151—155. Available at: http://socis.isras.ru/files/File/2015/2015_2/Levchenko.pdf (accessed 17.06.2017) (In Russ.)

3. Granovetter M. The Strength of Weak Ties: a Network Theory Revisited. *Sociological Theory*. 1983; 1:201—233. Available at: http://www.soc.ucsb.edu/faculty/friedkin/Syllabi/Soc148/Granovetter%201983.pdf (accessed 17.03.2017).

4. Aybazova F.U. [Olunteering as a Channel of Civil Initiatives at Regional Level]. *Kaspijskij region: politika, jekonomika, kul'tura* = The Caspian Region: Politics, Economics, Culture. 2012; 4:106—110. Available at: http://kaspy.asu.edu.ru/files/4(33)/106-111.pdf (accessed 17.03.2017). (In Russ.)

5. Holina O.I. [Volunteering as Social Phenomenon of Modern Russian Society]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitija* = Theory and Practice of Social Development. 2011; 8:71—73. Available at: https://cyberleninka.ru/article/v/volonterstvo-kak-sotsialnyy-fenomen-sovremennogo-rossiyskogo-obschestva (accessed 17.03.2017). (In Russ.)

6. Rybalko V.A. [Global Experience in Solving Problems of Homeless Animals]. *Veterinarnaya Patologiya* = Veterinary Pathology. 2006; 2:12—19. Avail-

able at: http://vetpat.ru/wp-content/uploads/2014/03/Vet_patologija_02_06.pdf (accessed 17.03.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Maxim Yu. Bareev — statement of the scientific problem of the article and identification of the main ways to solve it, determination of the theoretical and methodological foundations of the research, writing the article.

Elena A. Samoylova — implementation of practical applications of the research results, revision of the article.

About the authors:

Maxim Yu. Bareev, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* bareevmaksim@rambler.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-6228-100X.

Elena A. Samoilova, Student Pursuing a Master's Degree at the Department of Sociology, National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* lenasamoilova199612@gmail.com). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-5393-6027.

For citation: Bareev M.Yu., Samoilova E.A. Development of Animal Rights Volunteer Movement: Regional Experience. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):141—154. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.141-154

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 10.09.2017.

Социология региона / Sociology of a region

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549

УДК 316.334.52:373(470+571)
*DOI: 10.15507/*2413-1407.*102.026.201801.155-178*

А. Г. ФИЛИПОВА,
А. В. ВЫСОЦКАЯ

ИССЛЕДОВАНИЕ СИСТЕМ ОБЩЕГО СРЕДНЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В РЕГИОНАХ РОССИИ: МЕТОД «СЕРОГО ЯЩИКА»

Благодарности: работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 16-36-60041).

Ключевые слова: регион; общее образование; средний балл ЕГЭ; «серый ящик»; региональные факторы; регрессионный анализ

Введение: социально-экономическое неравенство российских регионов стало основой неравного доступа детей и молодежи к образовательным ресурсам. Средний балл ЕГЭ в региональном разрезе может служить средством фиксации региональных различий систем общего образования. Задачами представленного в статье фрагмента исследований являются описание региональных систем общего образования детей и выявление региональных факторов, влияющих на эффективность функционирования систем, оценка силы этого влияния.

Материалы и методы: использование метода «серого ящика» для исследования региональных систем общего образования позволило определить «входы» и «выходы» системы, наметить ее внутреннюю структуру и перейти к выявлению связей между элементами (факторами) системы и внешней среды, оценке силы этих влияний. Сформирован набор из 30 управляющих факторов, воздействующих на результативность сдачи ЕГЭ: «Демография» (9 факторов), «Общее образование» (14 факторов), «Экономика и инфраструктура региона» (7 факторов). Количественное наполнение этих 30 управляющих факторов, а также целевого фактора

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна, профессор Департамента социальных и психологических наук Дальневосточного федерального университета, доктор социологических наук, доцент (690922, г. Владивосток, о. Русский, Кампус ДВФУ, корп. А(24)) (*e-mail:* alexgen77@list.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7475-1961. Researcher ID: L-5384-2015.

ВЫСОЦКАЯ Алена Валерьевна, и. о. заведующего кафедрой информационных систем федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Комсомольский-на-Амуре государственный университет» (681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27) (*e-mail:* al-w-buaa@rambler.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7048-028X. Researcher ID: W-4879-2017.

© Филипова А. Г., Высоцкая А. В., 2018

(средний балл ЕГЭ) осуществлялось посредством обращения к статистической информации. Выбраны три периода наблюдения: 2013/14, 2014/15 и 2015/16 учебные годы.

Результаты исследования: в каждом периоде с помощью регрессионного анализа получен набор из трех управляющих факторов. В 2013/14 учебном году — это x_1 (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), x_{16} (доля вечерних общеобразовательных организаций) и x_{18} (доля неблагоустроенных школ). В 2014/15 учебном году — это x_{18} (доля неблагоустроенных школ), x_{27} (доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом к Интернету) и x_{29} (уровень занятости населения). В 2015/16 учебном году — x_1 (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), x_{10} (отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе), x_{18} (доля неблагоустроенных школ). Во всех трех периодах зафиксировано воздействие фактора x_{18} с примерно одинаковой силой на y — средний балл ЕГЭ. В двух периодах из трех на y оказывает влияние x_1, а в оставшемся периоде в уравнение регрессии был включен x_{29} (уровень занятости), имеющий умеренную связь с x_1.

Обсуждение и заключения: метод «серого ящика» позволил выявить некоторые элементы модели, взаимосвязи элементов модели и внешней среды, а также убрать избыточные показатели, что сократит время функционального и нефункционального моделирования. Поиск новых управляющих факторов, а также установление их математической связи с уже выявленными факторами станут задачами следующего этапа исследовательской работы.

Введение. Конституция Российской Федерации, Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ закрепляют право на образование[1]. Однако в регионах современная ситуация с образованием складывается неоднозначная. Неравенство социально-экономических ресурсов регионов вызывает неравенство образовательных возможностей детей и молодежи, снижение влияния образования на социальную мобильность [1].

Ученые международной лаборатории анализа образовательной политики НИУ ВШЭ, изучив динамику баллов ЕГЭ по регионам за 2009—2014 гг., считают, что «экономические и образовательные характеристики регионов определяют баллы ЕГЭ на 64 % по русскому языку и на 53 % по математике»[2].

[1] См.: Конституция Российской Федерации // Справ.-прав. система «КонсультантПлюс» (дата обращения: 01.08.2017); Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Там же.

[2] Адамович К.А., Захаров А.Б., Лазарева О.В. Как отличаются баллы ЕГЭ по регионам: результаты школьников и региональное неравенство. URL: http://ioe.hse.ru/lepa/news/206295646.html (дата обращения: 05.08.2017).

Основой равного доступа детей к образовательным ресурсам должен выступать уровень социально-экономического развития региона, позволяющий благоустраивать школы не только в городах, но и в сельской местности, обеспечивать полный охват населения региона Интернетом, повышать заработную плату педагогическим работникам, создавать условия для дополнительного образования, инклюзии детей с ограниченными возможностями здоровья. Неслучайно в качестве одной из задач государственной программы «Развитие образования на 2013—2020 гг.» обозначено «развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих равную доступность услуг дошкольного, общего и дополнительного образования детей»[3].

Целью настоящего исследования стало изучение региональных систем общего образования детей и региональных условий функционирования этих систем за 2013—2015 гг., выявление ключевых факторов, влияющих на эффективность функционирования систем, оценка силы этого влияния.

Обзор литературы. Вопросом изучения единого государственного экзамена как инструмента оценки качества российского общего образования стали заниматься с 2009 г. С этого момента, наряду с другими проблемами современного образования (коммерциализация образования, доступность качественного образования, социальная селекция образовательной системы и др.), ученые заняты исследованием феномена ЕГЭ. Педагоги, психологи, социологи пытаются установить связь между баллами ЕГЭ и качеством образовательной подготовки в российских школах, выявить региональные особенности и обосновать региональные отличия результатов ЕГЭ[4]. В качестве инструментов анализа

[3] См.: Постановление Правительства Российской Федерации «Об утверждении государственной программы Российской Федерации “Развитие науки и технологий” на 2013—2020 годы» от 15 апр. 2014 г. № 301 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 15.08.2017).

[4] См.: Констенко М.А. Использование результатов оценочных процедур в совершенствовании подходов и содержания повышения квалификации педагогических кадров // Повышение квалификации педагогических кадров в изменяющемся образовании: сб. материалов V Всерос. интернет-конф. с междунар. участием (20—22 дек. 2016 г): в 2 ч. 2017. М.: ФГАОУ ДПО АПК и ППРО, 2017. Ч. 1. С. 31—36; Социология образования: тр. по социологии образования. Т. 14. Вып. 24 / под ред. В.С. Собкина. М.: Ин-т социологии образования РАО, 2010. 191 с.

региональных факторов исследователи используют методы кластеризации[5], установления корреляций. И. А. Прахов выявил зависимости между средним баллом ЕГЭ в вузе и индивидуальными (личный результат ЕГЭ), семейными (образование отца, доход семьи, семейная библиотека), школьными (наличие специализации класса, особый тип учебного заведения) ресурсами, а также денежными инвестициями в дополнительную образовательную подготовку [2].

Важным направлением является мониторинг экономики образования, проводимый с 2002 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» «с целью информационной поддержки образовательной политики, обеспечения органов управления образованием России актуальной информацией об экономическом положении системы образования, формирования информационной базы, необходимой для анализа и прогноза развития сферы образования»[6].

Исследованием образования в разрезе образовательного неравенства также занимается группа ученых под руководством Д. Л. Константиновского в Центре социологии образования, науки и культуры Института социологии Российской академии наук[7].

[5] См.: Вешнева И.В. Математические модели в системе управления качеством высшего образования с использованием методов нечеткой логики. Саратов: Сарат. источник, 2010. 187 с.

[6] См.: Мониторинг экономики образования. URL: https://memo.hse.ru/ (дата обращения: 12.08.2017); Пинская М.А., Хавенсон Т.Е., Чиркина Т.А., Михайлова А.М. Резильентные школы: высокие достижения в социально неблагополучном окружении. URL: https://memo.hse.ru/data/2017/11/23/1160865181/2017_inbul_120(21).pdf (дата обращения: 12.08.2017); Травкин П.В., Рудаков В.Н. Преподаватели и студенты профессиональных образовательных организаций: трудовые и образовательные стратегии. Как меняются условия работы и профессиональное самочувствие учителей? URL: https://memo.hse.ru/data/2017/09/19/1173214018/%D0%98%D0%91_%D0%9C%D0%AD%D0%9E_113_(14_2017).pdf (дата обращения: 12.08.2017); Рощина Я.М., Рудаков В.Н. Региональные и московские вузы в 2015 г.: различия стратегий студентов и преподавателей. URL: https://www.hse.ru/data/2017/03/30/1168527343/%23103.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

[7] См.: Константиновский Д.Л., Чередниченко Г.А. и др. Российская молодежь в динамике десятилетий: статистические материалы и результаты исследований. М.: IS RAS, 2017. 167 с.; Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: сб. науч. тр. М.: Центр социол. исслед., 2016. 384 с. URL: http://www.isras.ru/index.php?page_id=1198&id=4550 (дата обращения: 16.08.2017).

Материалы и методы. При исследовании больших и сложных систем, к каковым относится и образование, одним из основных методов служит моделирование [4]. Оно осуществляется через эксперимент-процедуру организации и наблюдения каких-либо явлений, которые проводятся в условиях, максимально приближенных к действительности или имитирующих их. В ходе моделирования исследователь наблюдает за системой, регулируя воздействие внешних или внутренних факторов и определяя возможность функционирования системы при сочетании разных условий[8].

Один из вариантов реализации метода моделирования — модель «черного и белого ящиков». В этом случае сама система остается для исследователя непонятной, но можно изучать все находящееся за ее пределами и связанное с ней. На входе система получает ресурсы для реализации своей функции, на выходе — демонстрирует реализацию целевых показателей[9]. Последовательно «черный ящик» заменяется «белым ящиком» — системой, состоящей из известных компонентов. В процессе раскрытия «черного ящика» перед исследователем возникает ряд задач: выбора структуры модели, оценивания вектора коэффициентов модели, выбора критерия оценки качества модели[10]. Эти задачи тесно связаны между собой. Промежуточное положение занимает «серый ящик», когда процессы, происходящие внутри данной системы, известны лишь частично[11].

Однако, как показывает практика, ни один подход не используется в чистом виде, чаще всего исходная структура модели строится на основании анализа процессов в системе, а коэффициенты определяются по экспериментальным данным[12]. Исследование региональных систем среднего общего образования будет осуществляться с использованием метода «серого ящика», когда определены «входы» и «выходы» си-

[8] См.: Алиев Т.И. Исследование сложных систем на основе комбинированного подхода. Имитационное моделирование систем. URL: http://gpss.ru/immod%2703/009.html (дата обращения: 02.08.2017).

[9] Там же.

[10] См.: Развитие теории системного анализа. URL: https://studopedia.ru/3_36368_cherniy-yashchik-beliy-yashchik.html (дата обращения: 14.06.2017).

[11] См.: Бондарев В.П. Концепции современного естествознания. М.: АЛЬФА-М, 2003. 464 с.

[12] См.: Теория систем и системный анализ. Модели в системном анализе. URL: https://e-educ.ru/tsisa19.html (дата обращения: 02.08.2017).

стемы, намечена ее внутренняя структура и идет движение в направлении выявления связей между элементами (факторами) системы и внешней среды, оценки силы этих влияний (с использованием инструмента многофакторной регрессии).

В качестве целевого фактора («выхода») системы среднего общего образования и показателя эффективности ее функционирования рассматривается средний балл ЕГЭ. С одной стороны, ЕГЭ — инструмент оценки эффективности работы общеобразовательных организаций (высокие баллы ЕГЭ — одно из оснований стимулирующих выплат учителям), с другой — высокие баллы — фактор социальной мобильности выпускников (возможность поступить в престижный вуз, уехать из села в город, из города Сибири и Дальнего Востока в город европейской части России).

Изучение статистических данных, касающихся социально-экономических характеристик регионов России, а также региональных систем общего образования, позволило сформировать набор из 30 управляющих факторов, воздействующих на результативность ЕГЭ. Для использования метода «серого ящика» анализируемые параметры разбиты на три уровня: «Демография», «Общее образование», «Экономика и инфраструктура региона» [3].

Уровень «Демография» включает 9 показателей: x_1 — доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %; x_2 — удельный вес городского населения в общей численности населения, %; x_3 — количество жителей с высшим образованием на 1 тыс. чел.; x_4 — количество преступлений, совершенных несовершеннолетними и при их соучастии; x_5 — количество зарегистрированных преступлений на 100 тыс. чел. населения; x_6 — соотношение браков и разводов; x_7 — коэффициент демографической нагрузки; x_8 — миграционный прирост лиц моложе трудоспособного возраста, чел.; x_9 — доля мигрантов из других стран, % от общего числа прибывших.

Уровень «Общее образование», являясь базовым для модели, состоит из 14 показателей: x_{10} — отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе, %; x_{11} — удельный вес численности детей, получающих услуги дошкольного образования, %; x_{12} — отношение числа детей с ограниченными возможностями к

количеству общеобразовательных организаций для детей с ограниченными возможностями, чел./учреждений; x_{13} — процент обучающихся в общеобразовательных организациях во вторую и третью смены, %; x_{14} — удельный вес численности детей, получающих услуги дополнительного образования, в общей численности детей в возрасте от 5 до 18 лет, %; x_{15} — удельный вес частных общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, %; x_{16} — удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, %; x_{17} — средняя наполняемость классов в государственных и муниципальных общеобразовательных организациях (без вечерних (сменных) общеобразовательных организаций), чел.; x_{18} — доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных), %; x_{19} — отношение расходов консолидированного бюджета региона на образование ко всем региональным расходам, %; x_{20} — количество персональных компьютеров в образовательных организациях с доступом к Интернету на 100 учащихся, шт.; x_{21} — отношение числа детей, отдохнувших в оздоровительных лагерях, к числу детей, обучающихся по программам общего образования, дет./дет.; x_{22} — отношение числа вузов и филиалов к численности населения на 10 тыс. чел.; x_{23} — профессорско-преподавательский состав на 1 тыс. чел. населения.

Уровень «Экономика и инфраструктура региона» включает 7 показателей: x_{24} — ВРП на душу населения, руб.; x_{25} — общая площадь жилых помещений, приходящаяся в среднем на одного жителя, м^2; x_{26} — библиотечный фонд на 1 тыс. чел. населения, экз.; x_{27} — удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом к Интернету, %; x_{28} — число зрителей театров и количество посещений музеев на 1 тыс. чел. населения; x_{29} — уровень занятости населения, %; x_{30} — количество автобусов общего пользования на 100 тыс. чел. населения, ед.; Для оценки влияния управляющих факторов (x_1 — 30) на целевой фактор (y_1) значения показателей взяты на конец 2013, 2014 и 2015 гг.

Количественное наполнение перечисленных 30 управляющих факторов, а также целевого фактора (средний балл ЕГЭ) осуществлялось посредством обращения к источникам статистической информации. Были выбраны три периода наблюдения: 2013/14, 2014/15 и 2015/16 учебные годы. Статистические данные для изучения взяты из сборников «Регионы России»[13], единой межведомственной информационно-статистической системы[14], а также информационно-аналитических отчетов региональных центров обработки информации и региональных центров оценки качества образования.

Результаты исследования. Отбор факторов для итоговой модели, определение связей между ними, расчет силы этих связей осуществлялись посредством инструмента многофакторной регрессии. Регрессионные уравнения были построены для каждого учебного года в отдельности, а затем были сделаны их сравнение и анализ.

В число определяющих факторов в течение рассматриваемого периода вошел показатель x_{18} «Доля неблагоустроенных образовательных организаций». Под неблагоустроенными общеобразовательными организациями, согласно данным статистических сборников, мы понимаем, во-первых, организации, требующие капитального ремонта на момент сбора статистической информации, а, во-вторых, организации, не имеющие водопровода, центрального отопления и канализации.

Уровень ветхости и аварийного состояния школьной инфраструктуры является одной из острых проблем региональных систем общего образования.

Статистические данные демонстрируют снижение значения данного показателя в большинстве регионов России (табл. 1). Положительная динамика x_{18} наблюдается только в Краснодарском, Красноярском и Приморском краях, Ленинградской и Рязанской областях, Республике Хакасия.

[13] См.: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. М.: Росстат, 2016. 1326 с.

[14] См.: Единая межведомственная информационно-статистическая система. URL: https://fedstat.ru (дата обращения: 16.08.2017).

Таблица 1

Динамика изменения показателя «Доля неблагоустроенных образовательных организаций» за 2013—2015 гг., %[15]

Регион	Год			Регион	Год		
	2014	2015	2016		2014	2015	2016
Алтайский край	31,05	23,52	16,73	Пензенская область	5,72	3,70	1,14
Амурская область	31,65	23,06	23,81	Пермский край	5,66	4,36	1,51
Астраханская область	20,00	19,16	19,02	Приморский край	3,29	3,96	5,44
Белгородская область	24,34	21,75	19,64	Псковская область	11,99	15,53	12,31
Брянская область	23,41	22,24	21,68	Республика Адыгея	8,13	10,76	1,90
Владимирская область	3,03	1,02	1,31	Республика Башкортостан	4,37	4,18	3,91
Волгоградская область	9,74	9,75	7,36	Республика Бурятия	12,73	18,58	18,10
Вологодская область	7,29	6,49	6,02	Республика Ингушетия	90,43	81,42	78,45
Воронежская область	10,91	13,84	11,87	Республика Калмыкия	11,24	10,17	13,22
г. Москва	23,14	25,47	8,25	Республика Карелия	2,29	21,88	23,98
г. Санкт-Петербург	0,29	2,35	1,32	Республика Коми	1,28	2,96	2,51
Еврейская автономная область	11,39	6,58	5,33	Республика Марий Эл	3,27	2,21	2,33
Забайкальский край	10,81	28,55	28,64	Республика Мордовия	26,54	15,18	13,87
Ивановская область	5,14	3,14	3,19	Республика Саха (Якутия)	51,09	57,52	50,31
Иркутская область	19,28	19,88	22,82	Республика Северная Осетия-Алания	22,60	27,67	13,46
Кабардино-Балкарская Республика	41,49	41,79	40,07	Республика Татарстан	26,10	20,72	24,94
Калининградская область	3,74	3,76	2,12	Республика Тыва	9,94	8,24	8,24
Калужская область	26,92	24,64	22,19	Республика Хакасия	2,38	2,42	6,53
Камчатская край	2,59	6,03	6,96	Ростовская область	10,57	8,75	8,06
Карачаево-Черкесская Республика	50,85	58,19	59,66	Рязанская область	13,87	14,19	14,67
Кемеровская область	0,29	0,73	0,59	Самарская область	7,94	7,34	11,05
Кировская область	8,31	7,36	9,67	Саратовская область	15,38	24,65	17,98
Костромская область	3,94	2,83	1,60	Свердловская область	13,70	12,26	10,96
Краснодарский край	1,72	2,55	4,56	Смоленская область	6,19	2,11	0,70
Красноярский край	9,59	9,75	10,04	Ставропольский край	24,70	22,10	18,89
Курганская область	20,37	17,34	20,51	Тамбовская область	3,42	0,21	16,28
Курская область	22,06	19,93	18,68	Тверская область	5,00	4,55	5,34
Ленинградская область	2,36	3,14	3,93	Томская область	24,66	23,29	24,59
Липецкая область	1,23	1,25	1,01	Тульская область	4,11	4,48	5,11
Магаданская область	1,64	3,28	5,00	Удмуртская Республика	18,13	20,70	18,23
Московская область	6,20	3,36	3,30	Ульяновская область	5,59	13,84	12,67
Мурманская область	3,45	5,17	3,53	Хабаровский край	1,25	0,76	2,31
Нижегородская область	0,95	0,32	0,56	Ханты-Мансийский автономный округ	11,31	9,88	8,59
Новгородская область	9,82	8,26	5,29	Челябинская область	5,46	5,12	5,12
Новосибирская область	7,03	8,55	9,56	Чувашская Республика	8,75	8,50	7,57
Омская область	0,26	0,13	0,54	Ямало-Ненецкий автономный округ	6,82	14,62	12,98
Оренбургская область	16,49	15,11	13,31	Ярославская область	0,00	0,00	0,78
Орловская область	4,20	4,26	3,08				

[15] Все таблицы в статье составлены нами.

Табл. 1 демонстрирует выбросы в 2013—2015 гг. (значение показателя больше 40,0 % при среднем значении показателя — 13,7 %) в 4 регионах России (Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесия, Республика Саха (Якутия), Кабардино-Балкарская Республика). При этом Республика Ингушетия имеет самое высокое значение показателя во всех трех рассматриваемых периодах, однако региону удалось сократить его значение с 90,43 % в 2013 г. до 78,45 % в 2015 г.

Высокие значения x_{18} могут объясняться небольшими значениями x_{19} при существенном уровне износа основных средств образовательных учреждений в климатических условиях с агрессивной атмосферой и (или) в условиях интенсивной эксплуатации.

В 2013/14 учебном году уравнение регрессии, позволяющее описать связь y с нескольких независимыми переменными, приняло вид:

$$Y_{2013} = 60{,}5 - 0{,}31x_1 - 0{,}64x_{16} - 0{,}078x_{18}, \qquad (1)$$

где x_1 — доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, %; x_{16} — удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций, %; x_{18} — доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных), %.

Результаты расчетов, произведенных с помощью пакета анализа MS Excel, показали, что $R_2 = 0{,}3512$, т. е. 35,12 % общей вариации результативного признака объясняется вариацией обозначенных факторных признаков. Рассчитанный уровень значимости $a_p = 0{,}000001 < 0{,}05$, что подтверждает значимость R_2. $F_{выч} = 12{,}811$, что больше $F_{крит} = 2{,}74$. Следовательно, гипотеза об отсутствии связи признаков отклоняется и делается вывод о существенности данной связи. Уравнение регрессии признается статистически значимым.

Поскольку на долю неучтенных факторов, оказывающих свое влияние на средний балл ЕГЭ в регионах, приходится более 60,5 %, в уравнение регрессии была введена константа, равная 60,5.

Факторы, включенные в уравнение регрессии, имеют отрицательное значение коэффициентов, что говорит об их обратном влиянии на целевой фактор. Наиболее сильное понижающее влияние на значение целевого показателя в 2013 г. оказал x_{16}. В риторике представителей системы общего образования прослеживается неоднозначность оценок этого типа образовательных учреждений. Авторы статьи «Такие разные вечерние школы», например, к преимуществам вечернего обучения, отнесли: возможность учиться не каждый день, график, удобный для совмещения с другой учебой или работой, ускоренное обучение, к его недостаткам — разновозрастной состав обучающихся, схематичность изложения материала на некоторых формах обучения, требование постоянного самоконтроля[16].

На профессиональных форумах в 2007—2014 гг. обсуждался вопрос сдачи ЕГЭ в вечерних школах: «Практика показывает, что учащиеся профтеха и вечерок сдают ЕГЭ на неудовлетворительные оценки»[17]. Поэтому результаты сдачи ЕГЭ выпускниками вечерних школ отрицательно сказываются на среднем уровне показателя ЕГЭ в регионах.

На протяжении рассматриваемого периода (2013—2015 гг.) устойчиво сохраняется тенденция снижения доли вечерних школ в регионах России: они укрупняются, интегрируются в образовательные центры и (или) СПО (табл. 2).

Регионами, в которых в 2013 г. значение x_{16} было больше 4,5 % (при среднем уровне показателя 2,41 %), были Республика Адыгея, Республика Тыва, Приморский край, Камчатский край, Мурманская область. В 2015—2016 гг. высокие значения показателя сохраняются только в двух регионах — в Камчатском крае и Республике Тыве, но и в них наблюдается отрицательная динамика: количество школ в Республике Тыва сократилось с 7,07 до 5,06 %, в Камчатском крае — с 5,69 до 4,96 %. Нулевые значения показатели за три анализируемых периода отмечены в Республике Ингушетия. В 2014 г. вечерние школы исчезли в Амурской области, а с 2015 г. перестали существовать в Республике Хакасия.

[16] См.: Крайнов И. Такие разные вечерние школы. URL: http://www.7ya.ru/article/Takie-raznye-vechernie-shkoly/ (дата обращения: 17.08.2017).

[17] См.: ЕГЭ в вечерних школах. URL: https://pedsovet.org/page/o-sayte (дата обращения: 25.08.2017).

Таблица 2

Динамика показателя «Доля вечерних школ» в 2013—2015 гг., %

Регион	Год			Регион	Год		
	2013	2014	2015		2013	2014	2015
Республика Адыгея	5,66	1,33	2,63	Кировская область	2,00	1,87	1,92
Республика Башкортостан	0,73	0,75	0,44	Костромская область	2,06	1,54	0,95
Республика Бурятия	3,64	3,68	3,36	Курганская область	3,08	2,65	2,22
Республика Ингушетия	0,00	0,00	0,00	Курская область	1,79	1,62	1,64
Кабардино-Балкарская Республика	2,08	1,83	1,84	Ленинградская область	1,55	1,56	1,56
Республика Калмыкия	1,18	1,2	1,78	Липецкая область	2,38	1,72	1,39
Карачаево-Черкесская Республика	1,10	0,56	0,55	Магаданская область	1,59	1,59	1,64
Республика Карелия	3,51	3,56	2,26	Московская область	2,32	1,86	1,14
Республика Коми	1,51	1,32	1,10	Мурманская область	5,59	4,49	2,37
Республика Марий Эл	1,83	1,85	1,92	Нижегородская область	3,63	3,43	2,22
Республика Мордовия	1,46	1,56	1,07	Новгородская область	2,11	2,17	1,16
Республика Саха (Якутия)	2,28	2,30	2,30	Новосибирская область	2,81	2,67	2,19
Республика Северная Осетия — Алания	0,53	0,53	0,53	Омская область	2,11	1,89	1,71
Республика Татарстан	1,18	1,13	0,97	Оренбургская область	1,22	1,03	0,87
Республика Тыва	7,07	7,10	5,56	Орловская область	1,76	1,52	1,3
Удмуртская Республика	1,73	1,92	1,65	Пензенская область	0,9	1,07	0,88
Республика Хакасия	1,63	1,63	0,00	Пермский край	3,33	2,65	1,84
Чувашская Республика	1,02	1,03	1,05	Псковская область	2,92	2,97	2,81
Алтайский край	0,89	0,82	0,67	Ростовская область	2,72	2,58	2,27
Краснодарский край	2,75	2,52	2,08	Рязанская область	1,64	1,32	1,00
Красноярский край	2,28	2,09	1,55	Самарская область	0,55	0,56	0,42
Приморский край	4,97	4,33	2,14	Саратовская область	1,24	1,27	1,18
Ставропольский край	3,39	3,10	2,66	Свердловская область	3,17	2,79	2,48
Хабаровский край	2,91	2,69	2,24	Смоленская область	2,64	2,69	2,80
Амурская область	1,42	0,00	0,00	Тамбовская область	4,39	4,42	4,46
Астраханская область	4,28	3,65	3,39	Тверская область	2,89	2,94	3,08
Белгородская область	1,21	1,22	1,06	Томская область	2,97	2,69	1,52
Брянская область	1,79	1,83	1,68	Тульская область	2,44	1,83	1,55
Владимирская область	2,44	2,23	1,78	Ульяновская область	1,83	1,81	1,15
Волгоградская область	3,68	3,75	2,29	Челябинская область	2,43	2,01	1,26
Вологодская область	1,06	1,14	1,29	Забайкальский край	4,01	2,81	2,05
Воронежская область	1,61	1,17	0,95	Ярославская область	2,60	2,68	2,26
Ивановская область	2,91	2,64	2,35	г. Москва	0,67	0,09	0,11
Иркутская область	2,61	2,67	2,07	г. Санкт-Петербург	2,51	2,50	1,61
Калининградская область	3,21	2,16	2,15	Еврейская автономная область	4,11	4,23	2,90
Калужская область	0,80	0,55	0,56	Ханты-Мансийский автономный округ	2,06	1,48	1,22
Камчатский край	5,69	4,88	4,96	Ямало-Ненецкий автономный округ	2,90	2,22	2,22
Кемеровская область	1,94	1,85	1,71				

К числу факторов, отрицательно влияющих на средний балл ЕГЭ, относится показатель x_1. В табл. 3 дана динамика изменения этого фактора. Стоит отметить, что к 2015 г. значение этого показателя выросло во всех рассматриваемых регионах, за исключением Москвы, Санкт-Петербурга и Калмыкии. Традиционно бедными регионами являются республики Калмыкия, Тыва и Еврейская автономная область, в них доля населения с доходами ниже прожиточного минимума колеблется в пределах от 20,0 до 36,0 %. Наибольший скачок показателя в сторону увеличения зафиксирован в Курганской области (с 16,4 до 20,9 %), Республике Карачаево-Черкессия (с 19,5 до 23,6 %) и Республике Ингушетия (с 19,5 до 31,9 %).

Официальное общероссийское издание «Ведомости» отмечает тенденцию снижения реальных располагаемых денежных доходов населения по всей стране: «в 2014 г. — на 0,7 % по сравнению с предыдущим годом, в 2015 г. — на 3,2 %, в 2016 г. — на 5,9 %, в январе — мае 2017 г. — на 1,8 %. До 2014 г. реальные располагаемые денежные доходы населения непрерывно росли начиная с 2000 г.»[18].

Исследователи говорят также о структуре потребительских расходов населения: одновременно с ростом расходов на питание и оплату жилищно-коммунальных услуг, оплату кредитов сокращаются расходы на образование. Все резервы свободных средств были направлены на приобретение активов (товаров), организацию вкладов, некоторые группы населения увеличивали расходы на здравоохранение, а не на оплату образовательных услуг[19].

Для 2014/15 учебного года составлено следующее уравнение регрессии:

$$Y_{2014} = 46{,}4 - 0{,}085x_{18} - 0{,}129x_{27} + 0{,}301x_{29}, \qquad (2)$$

где x_{18} — доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных), %; x_{27} — удельный вес домохозяйств, имеющих персональные

[18] Николаев И. Почему растет ВВП и не растут доходы населения. URL: https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/12/30/746984-verhovnii-sud-priznal-zakonnim (дата обращения: 10.07.2017).

[19] См.: Шкаратан О.И. Социология неравенства. Теория и реальность. М.: Издат. дом Высш. шк. экономики, 2012. 526 с.

компьютеры с доступом к Интернету, %; x_{29} — уровень занятости населения, %.

Таблица 3

Динамика показателя «Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума» в 2013—2015 гг., %

Регион	Год			Регион	Год		
	2013	2014	2015		2013	2014	2015
Республика Адыгея	12,0	11,0	13,9	Кировская область	13,6	12,7	14,9
Республика Башкортостан	10,4	10,8	12,8	Костромская область	14,0	13,5	14,0
Республика Бурятия	15,9	16,9	17,7	Курганская область	16,4	16,6	20,9
Республика Ингушетия	19,5	24,9	31,9	Курская область	9,0	8,7	10,2
Кабардино-Балкарская Республика	18,6	18,5	21,0	Ленинградская область	10,5	10,4	10,9
Республика Калмыкия	35,4	34,7	33,6	Липецкая область	7,9	8,0	9,1
Карачаево-Черкесия	19,5	19,4	23,6	Магаданская область	12,2	12,1	13,2
Республика Карелия	14,1	14,2	16,4	Московская область	7,6	7,6	8,6
Республика Коми	13,7	14,3	14,6	Мурманская область	10,8	10,9	12,7
Республика Марий Эл	19,5	19,7	22,2	Нижегородская область	9	8,5	9,6
Республика Мордовия	18,2	17,2	19,5	Новгородская область	12,1	12,2	13,9
Республика Саха (Якутия)	16,3	17,4	18,9	Новосибирская область	14,4	15,2	18,2
Республика Северная Осетия — Алания	12,1	12,1	14,1	Омская область	12,1	12,0	13,9
Республика Татарстан	7,2	7,0	7,2	Оренбургская область	12,1	11,9	13,9
Республика Тыва	33,4	34,7	38,2	Орловская область	12,6	12,8	14,0
Удмуртская Республика	11,2	11,3	12,3	Пензенская область	12,6	12,6	14,2
Республика Хакасия	16,6	17,5	17,7	Пермский край	11,4	12,0	12,6
Чувашская Республика	16,0	16,1	17,5	Псковская область	16,0	16,1	18,8
Алтайский край	17,6	17,0	17,9	Ростовская область	12,9	12,9	14,0
Краснодарский край	10,4	10,1	11,7	Рязанская область	11,7	10,9	12,7
Красноярский край	15,2	16,7	18,8	Самарская область	12,1	12,6	13,3
Приморский край	15,9	14,7	15,3	Саратовская область	15,4	14,9	16,9
Ставропольский край	11,8	11,6	13,5	Свердловская область	8,2	8,3	9,7
Хабаровский край	12,5	13,2	13,7	Смоленская область	15,1	15,2	17,0
Амурская область	15,1	14,0	14,2	Тамбовская область	8,2	9,3	10,8
Астраханская область	12,0	12,0	14,1	Тверская область	11,8	11,9	13,2
Белгородская область	7,4	7,5	8,5	Томская область	16,1	16,4	17,2
Брянская область	11,7	12,3	13,0	Тульская область	9,7	9,8	10,6
Владимирская область	13,5	13,5	14,1	Ульяновская область	13,3	12,1	14,7
Волгоградская область	13,6	14,0	14,7	Челябинская область	11,2	11,7	13,8
Вологодская область	13,0	12,9	14,2	Забайкальский край	16,2	18,0	20,4
Воронежская область	9,2	9,0	9,2	Ярославская область	10,6	9,9	10,5
Ивановская область	14,1	14,2	15,8	г. Москва	8,9	9,0	8,9
Иркутская область	17,0	18,6	20,0	г. Санкт-Петербург	8,0	8,3	8,0
Калининградская область	12,4	12,1	13,4	Еврейская автономная область	20,9	21,4	24,3
Калужская область	9,0	9,4	10,9	Ханты-Мансийский автономный округ	10,7	10,9	12,7
Камчатский край	16,8	17	17,9	Ямало-Ненецкий автономный округ	6,6	6,9	7,5
Кемеровская область	13,9	14,1	15,7				

R_2 = 0,3085, уровень значимости a_p = 0,000008 < 0,05, $F_{выч}$ = 10,56 больше $F_{крит}$ = 2,74. Для обозначения влияния неучтенных факторов введена константа, равная 49,921.

Факторы, которые были включены в уравнение (2), оказывают как положительное, так и отрицательное влияние на значение результирующего показателя «Уровень ЕГЭ» в регионах. В 2015 г. в уравнении появляется новый фактор «Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом к Интернету». Этот показатель имеет прирост практически во всех регионах страны (табл. 4).

Даже Республика Ингушетия, у которой, по официальным данным, доля домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом к Интернету, в 2013 г. составляла 1,0 %, к 2015 г. увеличила показатель до 80,2 %. Среднее значение x_{28} по 75 регионам России выросло с 62,1 % (в 2013 г.) до 72,1 % (в 2015 г.). Максимальное значение показателя в 91,7 % в 2015 г. зафиксировано в Ямало-Ненецком автономном округе, что коррелирует с его экономическими показателями, в частности ВРП на душу населения.

Столь резкий прирост показателя можно объяснить не только проведением широкополосного Интернета в регионах, но также масштабным использованием мобильных устройств для выхода в Интернет, на их долю приходится около 44,0 % всех подключений[20].

В уравнении регрессии коэффициент влияния фактора x_{28} отрицателен, что, по-видимому, можно объяснить отвлечением детей от учебы. Кроме того, использование ИКТ направляет детей не на понимание задач, теорий и правил, а на поиск правильных ответов: «зачастую дети используют достижения технологического прогресса вовсе не для того, чтобы узнать больше, а чтобы делать меньше»[21].

Из трех факторов построенной регрессионной модели у фактора x_{29} (уровень занятости населения) обнаружено наибольшее положительное значение коэффициента. При исследовании всех факторов на мультиколлинеарность была выявлена умеренная по силе связь (= -0,51) x_{29} с x_1, представленным в уравнении регрессии за 2013 г. Вероятно, эту связь можно определить как снижение доли населения с

[20] См.: Мобильный ШПД интернет-рынок России. Данные Deloitte. URL: http://www.tadviser.ru/index.php (дата обращения: 16.09.2017).

[21] См.: Дети и гаджеты: что делать родителям и учителям. URL: https://newtonew.com/school/multitasking-studying (дата обращения: 28.09.2017).

доходами ниже прожиточного минимума при росте уровня занятости населения.

Таблица 4

Динамика показателя «Удельный вес домохозяйств, имеющих персональный компьютер с доступом к Интернету» в 2013—2015 гг., %

Регион	Год			Регион	Год		
	2013	2014	2015		2013	2014	2015
Республика Адыгея	56,1	62,5	64,3	Кировская область	66,4	60,1	64,9
Республика Башкортостан	73,7	67,4	71,2	Костромская область	55,4	68,2	63,1
Республика Бурятия	57,7	58,2	59,7	Курганская область	72,2	60,3	61,0
Республика Ингушетия	1,0	71,3	80,2	Курская область	51,7	61,0	61,5
Кабардино-Балкарская Республика	36,6	64,7	72,2	Ленинградская область	70,7	75,6	76,4
Республика Калмыкия	49,7	52,2	70,4	Липецкая область	53,9	62,1	70,4
Карачаево-Черкесская Республика	42,8	66,4	63,0	Магаданская область	55,6	86,4	91,1
Республика Карелия	80,1	70,8	74,6	Московская область	61,5	74,3	78,1
Республика Коми	75,1	70,3	83,2	Мурманская область	79,4	80,4	87,3
Республика Марий Эл	60,7	63,8	71,2	Нижегородская область	59,3	64,9	61,1
Республика Мордовия	54,5	73,8	69,6	Новгородская область	63,2	63,1	71,4
Республика Саха (Якутия)	44,8	73,0	75,5	Новосибирская область	60,0	72,6	72,7
Республика Северная Осетия — Алания	65,2	73,1	71,2	Омская область	65,2	70,8	73,3
Республика Татарстан	66,1	76,6	83,1	Оренбургская область	58,7	67,3	71,9
Республика Тыва	33,3	65,8	68,6	Орловская область	58,7	67,0	68,0
Удмуртская Республика	76,2	73,5	69,4	Пензенская область	52,4	63,6	62,4
Республика Хакасия	64,0	62,2	76,5	Пермский край	65,7	67,5	67,8
Чувашская Республика	58,8	70,3	73,2	Псковская область	50,8	63,6	65,6
Алтайский край	64,4	65,8	66,1	Ростовская область	63,4	68,4	74,9
Краснодарский край	61,8	65,3	70,1	Рязанская область	49,8	69,4	63,3
Красноярский край	72,6	67,5	68,7	Самарская область	64,9	65,6	67,6
Приморский край	73,0	73,4	74,3	Саратовская область	62,7	65,0	65,7
Ставропольский край	68,7	65,9	71,4	Свердловская область	61,9	74,6	69,0
Хабаровский край	73,2	68,4	72,6	Смоленская область	69,5	65,4	71,6
Амурская область	64,0	60,9	67,1	Тамбовская область	51,3	61,4	68,0
Астраханская область	72,6	65,4	77,2	Тверская область	63,8	65,3	66,6
Белгородская область	62,6	68,9	66,4	Томская область	67,7	60,9	67,0
Брянская область	60,0	56,1	61,7	Тульская область	57,5	76,0	74,4
Владимирская область	55,6	68,0	69,2	Ульяновская область	61,5	61,9	62,9
Волгоградская область	69,8	73,7	72,1	Челябинская область	71,6	67,0	66,6
Вологодская область	64,6	62,6	62,9	Забайкальский край	61,4	55,0	65,1
Воронежская область	50,1	62,4	70,9	Ярославская область	64,0	64,2	69,2
Ивановская область	65,2	62,0	67,3	г. Москва	82,1	80,7	80,4
Иркутская область	58,3	68,2	74,6	г. Санкт-Петербург	81,6	84,9	87,4
Калининградская область	69,9	81,6	79,4	Еврейская автономная область	63,5	63,4	68,2
Калужская область	65,9	63,8	68,0	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	86,8	86,3	83,3
Камчатский край	62,3	72,1	75,3	Ямало-Ненецкий автономный округ	81,7	91,4	91,7
Кемеровская область	59,4	71,3	69,4				

В исследуемый период 46 регионов России из 75 имели положительную динамику по показателю «Уровень занятости», в 27 регионах в 2013 г. и в 24 регионах в 2014 г. значение данного показателя падало (табл. 5). В массиве регионов выделяется Челябинская область, в которой обозначенный фактор имел отрицательную динамику за все три года исследования.

В 2015 г. уравнение, определяющее «Уровень ЕГЭ», принимает вид:

$$Y_{2015} = 83{,}81 - 0{,}224x_1 - 0{,}2x_{10} + 0{,}08x_{18}, \qquad (3)$$

где x_1 — доля населения с доходами ниже прожиточного минимума; x_{10} — отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе, %; x_{18} — доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных), %.

$R_2 = 0{,}3031$, $a_p = 0{,}00001 < 0{,}05$, $F_{выч} = 10{,}29$ больше $F_{крит} = 2{,}74$.

Для обозначения влияния неучтенных факторов введена константа, равная 83,81, что является наибольшим значением из трех представленных аналогичных показателей и, вероятно, объясняется появлением новых неучтенных факторов, влияющих на сдачу ЕГЭ в регионах.

Как и в уравнении Y_{2013}, на результаты сдачи единого государственного экзамена в 2015 г. влияют показатели x_1 и x_{18}. Однако за три года коэффициент влияния фактора x_1 снизился с -0,31 (2013 г.) до -0,22 (2015 г.).

Таблица 5

Динамика показателя «Уровень занятости населения» в 2013—2015 гг., %

Регион	Год			Регион	Год		
	2013	2014	2015		2013	2014	2015
Республика Адыгея	58,3	55,5	55,7	Кировская область	62,8	64,4	65,0
Республика Башкортостан	61,2	61,8	62,6	Костромская область	65,2	64,6	62,6
Республика Бурятия	58,6	58,4	58,6	Курганская область	60,3	60,0	60,8
Республика Ингушетия	38,6	49,4	50,2	Курская область	63,8	64,5	64,7
Кабардино-Балкарская Республика	58,7	61,6	60,4	Ленинградская область	67,5	66,6	66,6
Республика Калмыкия	57,6	61,6	61,7	Липецкая область	65,8	64,9	65,0
Карачаево-Черкесская Республика	57,6	56,7	53,5	Магаданская область	76,8	74,4	74,3
Республика Карелия	61,1	61,7	61,9	Московская область	69,6	69,1	69,2
Республика Коми	66,9	65,7	66,2	Мурманская область	69,0	69,3	69,3
Республика Марий Эл	65,0	64,5	65,1	Нижегородская область	66,8	67,4	67,5
Республика Мордовия	67,7	68,0	67,9	Новгородская область	66,8	66,1	66,6
Республика Саха (Якутия)	65,2	65,4	65,6	Новосибирская область	64,6	65,1	64,3
Республика Северная Осетия — Алания	60,6	60,1	58,4	Омская область	64,6	65,1	65,4
Республика Татарстан	67,3	68,1	68,5	Оренбургская область	65,7	65,7	64,3
Республика Тыва	46,6	48,4	49,2	Орловская область	61,8	62,3	61,8
Удмуртская Республика	67,5	68,2	68,5	Пензенская область	62,6	64,2	64,2
Республика Хакасия	61,9	60,4	62,1	Пермский край	62,3	60,8	61,8
Чувашская Республика	66,4	68,9	68,3	Псковская область	63,8	63,3	62,6
Алтайский край	57,4	59	60,5	Ростовская область	60,9	61,7	61,9
Краснодарский край	60,9	61,1	62,6	Рязанская область	60,1	58,9	59,2
Красноярский край	64,9	66,1	64,6	Самарская область	67,1	68,3	68,6
Приморский край	63,9	64,2	64,9	Саратовская область	61,3	62,5	62,9
Ставропольский край	60,5	61,5	61,8	Свердловская область	65,5	65,2	65,7
Хабаровский край	66,0	66,3	65,9	Смоленская область	66,7	66,1	66,4
Амурская область	61,9	63,6	62,9	Тамбовская область	60,8	61	61,4
Астраханская область	64,0	64,5	64,5	Тверская область	66,3	66,7	66,5
Белгородская область	65,4	66,1	65,7	Томская область	57,8	61,9	59,1
Брянская область	62,6	63,4	63,5	Тульская область	64,2	65,7	66,1
Владимирская область	67,1	66,8	66,9	Ульяновская область	64,2	62,7	63,3
Волгоградская область	63,0	62,5	62,5	Челябинская область	66,1	66,0	65,8
Вологодская область	64,5	65,2	63,5	Забайкальский край	58,0	59,0	59,4
Воронежская область	61,0	62,0	62,5	Ярославская область	66,0	69,5	67,8
Ивановская область	63,9	64,3	65,3	г. Москва	71,8	74,0	73,4
Иркутская область	62,9	62,1	64,2	г. Санкт-Петербург	71,3	71,9	72,2
Калининградская область	67,1	67,4	67,2	Еврейская автономная область	60,2	59,3	60,4
Калужская область	67,4	66,5	66,8	Ханты-Мансийский автономный округ — Югра	69,8	71	71,2
Камчатский край	69,7	69,2	71,0	Ямало-Ненецкий автономный округ	74,6	75,1	72,6
Кемеровская область	63,7	63,7	61,9				

В 2015 г. выявлено влияние на «средний балл ЕГЭ» фактора x_{10}. Коэффициент влияния этого показателя на средний балл ЕГЭ принял отрицательное значение, хотя, как видно из табл. 6, в 2013—2015 гг. наблюдался рост средней заработной платы педагогических работников.

В 2014 г. всего в 48 % регионов наблюдается снижение значения показателя относительно предыдущего года, а в 2015 г. снижение зафиксировано только в Алтайском крае. Такая тенденция в значительной мере объясняется исполнением Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в части повышения заработной платы педагогов[22].

Отрицательное влияние x_{10} на результаты сдачи ЕГЭ в какой-то степени можно объяснить увеличением внеучебной нагрузки педагогов.

По опросам социологов Федерального государственного автономного научного учреждения «Центр социологических исследований» при Министерстве образования и науки Российской Федерации (г. Москва), повышение заработной платы учителей связано с оплатой работ, не имеющих непосредственного отношения к учебной деятельности: это работы по уборке класса и территории (65,3 и 64,3 %), внеплановые мероприятия с учащимися (59,3 %), внеплановые консультации (44,2 %), участие в подготовке административной отчетности (36,0 %), привлечение для оказания помощи другим организациям (21,6 %)[23].

Связь увеличения заработной платы педагогов с ростом внеурочной нагрузки в свою очередь отрицательно сказывается на подготовке учеников к сдаче ЕГЭ.

[22] См.: Указ Президента Российской Федерации «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» от 7 мая 2012 г. № 597 // Информ.-прав. обеспечение ГАРАНТ (дата обращения: 15.08.2017).

[23] См.: Конюхова К. Провел урок? Теперь помой полы! URL: https://www.kp.ru/daily/26601.5/3617013 (дата обращения: 15.08.2017).

Таблица 6

Динамика показателя «Отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе» в 2013—2015 гг., %

Регион	Год			Регион	Год		
	2013	2014	2015		2013	2014	2015
Республика Адыгея	95,7	102,0	119,3	Кировская область	97,3	102,0	110,4
Республика Башкортостан	106,5	100,1	110,6	Костромская область	101,6	102,4	110,6
Республика Бурятия	100,9	99,9	116,6	Курганская область	107,1	102,6	114,8
Республика Ингушетия	97,4	98,2	116,3	Курская область	99,5	101,1	105,9
Кабардино-Балкарская Республика	106,8	102,2	117,2	Ленинградская область	105,3	104,2	122,3
Республика Калмыкия	94,6	97,9	107,5	Липецкая область	103,4	102,9	107,3
Карачаево-Черкесская Республика	98,7	101,7	108,8	Магаданская область	102,5	98,1	109,0
Республика Карелия	101,3	99,2	111,2	Московская область	106,0	111,3	119,7
Республика Коми	106,0	104,2	119,4	Мурманская область	105,1	102,0	112,4
Республика Марий Эл	94,7	99,6	100,9	Нижегородская область	101,6	102,6	110,7
Республика Мордовия	101,1	101,9	112,2	Новгородская область	103,9	101,7	110,5
Республика Саха (Якутия)	104,6	102,3	110,4	Новосибирская область	102,4	103,6	108,5
Республика Северная Осетия — Алания	96,4	93,9	115,5	Омская область	101,1	102,0	111,5
Республика Татарстан	101,1	100,9	105,6	Оренбургская область	99,7	100,0	110,4
Республика Тыва	90,3	93,1	107,1	Орловская область	102,2	101,9	106,2
Удмуртская Республика	100,1	100,2	109,2	Пензенская область	103,0	101,9	117,0
Республика Хакасия	99,6	108,3	116,0	Пермский край	101,7	103,4	115,0
Чувашская Республика	103,7	102,0	106,7	Псковская область	104,8	100,2	102,2
Алтайский край	96,4	100,5	98,5	Ростовская область	103,5	104,1	111,8
Краснодарский край	102,7	107,0	116,8	Рязанская область	101,4	101,0	104,4
Красноярский край	100,1	104,1	113,0	Самарская область	105,0	103,3	107,7
Приморский край	103,3	104,7	117,9	Саратовская область	101,1	99,8	118,2
Ставропольский край	109,1	102,6	117,2	Свердловская область	104,3	105,4	117,5
Хабаровский край	113,0	106,9	110,1	Смоленская область	102,0	103,0	108,7
Амурская область	100,5	100,9	113,1	Тамбовская область	100,0	101,7	105,5
Астраханская область	101,0	101,0	110,6	Тверская область	107,5	101,4	112,5
Белгородская область	101,4	99,0	105,3	Томская область	98,9	101,4	112,4
Брянская область	98,6	100,1	103,9	Тульская область	101,0	106,1	109,8
Владимирская область	104,2	99,2	105,6	Ульяновская область	103,6	106,5	113,1
Волгоградская область	100,1	99,6	111,5	Челябинская область	97,1	97,7	106,9
Вологодская область	98,2	100,5	111,7	Забайкальский край	97,4	97,2	108,3
Воронежская область	101,0	102,5	112,6	Ярославская область	101,8	107,5	109,8
Ивановская область	101,0	97,4	113,5	г. Москва	106,7	97,8	113,7
Иркутская область	101,9	100,6	110,2	г. Санкт-Петербург	102,6	104,0	106,7
Калининградская область	98,1	102,7	109,1	Еврейская автономная область	103,0	102,9	114,0
Калужская область	101,2	100,5	104,5	Ханты-Мансийский автономный округ	105,6	105,1	111,5
Камчатский край	103,4	104,6	122,9	Ямало-Ненецкий автономный округ	105,6	100,5	111,3
Кемеровская область	98,3	101,4	104,6				

Обсуждение и заключения. Изучение в динамике результатов сдачи ЕГЭ по русскому языку и профильной математике в 2013—2015 гг. и влияющих на них трех групп управляющих факторов (демографических, институциональных и экономико-инфраструктурных), позволило построить три уравнения регрессии, выделить факторы, статистически значимо влияющие на средний балл ЕГЭ, а также исследовать природу этих влияний.

Во всех трех периодах зафиксировано воздействие фактора x_{18} на «средний балл ЕГЭ» с примерно одинаковой силой влияния (−0,078 в 2013 г., −0,085 в 2014 г. и −0,08 в 2015 г). Хотя коэффициент фактора невелик по своему значению, но его устойчивость свидетельствует о необходимости усиления работ в данном направлении.

Также в двух периодах из трех на показатель ЕГЭ оказывает влияние x_1 — доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, однако сила его влияния немного снижается с 0,31 (в 2013 г.) до 0,224 (в 2015 г.). В 2014 г. в уравнение регрессии был включен x_{29}, имеющий умеренную связь с x_1.

В сравнении с демографическими факторами факторы групп «Общее образование» и «Экономика и инфраструктура региона» в большей степени поддаются изменениям под воздействием других управляющих факторов. Поиск данных факторов, а также установление их математической связи с выявленными x_1 (доля населения с доходами ниже прожиточного минимума), x_{10} (отношение средней заработной платы педагогических работников образовательных учреждений общего образования к средней заработной плате в регионе), x_{16} (удельный вес вечерних общеобразовательных организаций в общем количестве общеобразовательных организаций), x_{18} (доля государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, здания которых находятся в аварийном состоянии или требуют капитального ремонта, в общей численности государственных (муниципальных)), x_{29} (уровень занятости населения) станут задачами для следующего этапа исследовательской работы.

Метод «серого ящика» позволил выявить некоторые элементы модели, обнаружить взаимосвязи элементов модели и внешней среды, а также убрать избыточные показатели, что в последующем сократит время функционального и не-

функционального моделирования. Предложенная методика обработки и анализа данных будет использована в дальнейшем для оценки успешности освоения программ среднего общего образования по результатам ГИА и для построения имитационной модели, которая позволит оценить «успешность освоения образовательных программ» при текущих региональных условиях, оптимизировать показатели понижающего и стимулирующего характера, а также определить оптимальную структуру и значения параметров модели.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Зубаревич Н.В., Сафронов С.Г. Неравенство социально-экономического развития регионов и городов России 2000-х годов: рост или снижение? // Общественные науки и современность. 2013. № 6. С. 15—26. URL: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (дата обращения: 14.08.2017).

2. Прахов И.А. Барьеры доступа к качественному высшему образованию в условиях ЕГЭ: семья и школа как сдерживающие факторы // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 88—117. URL: https://memo.hse.ru/data/2015/11/11/1078548296/1-2015_Prakhov.pdf (дата обращения: 14.08.2017).

3. Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Образовательный потенциал детства в российских регионах // Дискурс. 2017. № 8. С. 127—134. URL: http://journal-discurs.ru/files/arkhiv-zhurnala/Scientific-journal-Discourse-2017-8-10.pdf (дата обращения: 03.08.2017). URL: http://journal-discurs.ru/index.php/91-8-2107/410-filipova-a-g-vysotskaya-a-v (дата обращения: 14.08.2017).

4. Царева Е.Н., Рыжкова М.Н. Построение математической модели обучаемого для оптимизации учебного процесса // Открытое и дистанционное образование. 2014. № 2. С. 64—68. URL: http://files.amisod.ru/mediacontent/vipuski/2014/4/amisod-2014-04-29-tsareva-ryzhkova.pdf (дата обращения: 14.08.2017).

Заявленный вклад авторов:

ФИЛИПОВА Александра Геннадьевна — научное руководство, проведение критического анализа материалов, окончательная доработка текста статьи.

ВЫСОЦКАЯ Алена Валерьевна — поиск аналитических материалов, подготовка начального проекта текста статьи.

Для цитирования: Филипова А.Г., Высоцкая А.В. Исследование систем общего среднего образования в регионах России: метод «серого ящика» // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 155—178. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

A. G. FILIPOVA, A. V. VYSOCKAYA. STUDYING GENERAL SECONDARY EDUCATION SYSTEMS IN THE REGIONS OF RUSSIA: THE 'GRAY BOX' METHOD

Acknowledgements: the work was performed with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research (project No. 16-36-60041).

Key words: region; general education; average Unified State Examination score; gray box; regional factors; regression analysis

Introduction: socio-economic inequality in the Russian regions has become the basis for unequal access of children and young people to educational resources. In the regional context, the average Unified State Examination score may serve as a means of fixing the regional differences of general education systems. The task of the fragment of research presented in the article is to describe the regional systems of children's general education, to identify regional factors affecting the effectiveness of the systems and to assess the strength of this influence.

Materials and Methods: the use of the 'gray box' method for studying regional systems of general education allowed to determine the 'Inputs' and 'Outputs' of a system, to outline its internal structure and to proceed to the identification of links between elements (factors) of the system and the environment, to assess the strength of these influences. A set of 30 control factors affecting the effectiveness of the Unified State Examination was formed: 'Demography' (9 factors), 'General education' (14 factors), 'Economy and infrastructure of the region' (7 factors). The quantitative content of these 30 control factors, as well as the target factor (the average score of the Unified State Examination) was carried out by means of using statistical information. The selected three periods of observation are school years 2013—14, 2014—15 and 2015—16.

Results: in each period, a set of three control factors was obtained by means of regression analysis. In the school year 2013—14, it was x_1 (the proportion of the population with incomes below the subsistence level), x_{16} (the proportion of night schools of general education) and x_{18} (the proportion of ill-equipped schools). In the school year 2014—15, it was x_{18} (the proportion of ill-equipped schools), x_{27} (the proportion of households with a personal computer with Internet access) and x_{29} (the employment rate). In the school year 2015—16 it was x_1 (the proportion of the population with incomes below the subsistence level), x_{10} (the proportion of the average salary of teachers of general education institutions to the average salary in the region), x_{18} (the proportion of ill-equipped schools). In all the three periods, influence of factor x_{18} on y (the average point of the unified state examination) with approximately identical force was noted. In two of the three periods, y is influenced by x_1 and, in the remaining period, the regression equation included x_{29} (the employment rate), which has a moderate relationship with x_1.

Discussion and Conclusions: the 'gray box' method allowed to reveal some elements of the model, interrelations between elements of the model and the environment as well as to remove excess indicators, which will reduce the time needed for functional and non-functional modeling. The

search for new control factors as well as the establishment of their mathematical relations with the already identified factors will be the objectives of the next stage of the research.

REFERENCES

1. Zubarevich N.V., Safronov S.G. [Inequality of Socio-Economic Development of Regions and Cities of Russia in the 2000s: Growth or Decline?]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* = Social Sciences and Contemporary World. 2013; 6:15—26. Available at: http://ecsocman.hse.ru/data/2015/05/25/1251201390/15-26_Zubarevich.pdf (accessed 14.08.2017). (In Russ.)

2. Prakhov I.A. [Barriers Limiting Access to Quality Higher Education in the Context of the USE: Family and School as Constraining Factors]. *Voprosy obrazovaniya* = Educational Studies. 2015; 1:88—117. Available at: https://memo.hse.ru/data/2015/11/11/1078548296/1-2015_Prakhov.pdf (accessed 14.08.2017). (In Russ.)

3. Filipova A.G., Vysockaya A.V. [Educational Potential of Childhood in Russian Regions]. *Diskurs* = Discours. 2017; 8:127—134. Available at: http://journal-discurs.ru/index.php/91-8-2107/410-filipova-a-g-vysotskaya-a-v (accessed 03.08.2017). (In Russ.)

4. Tsareva E.N., Ryzhkova M.N. [System for Learning Process Optimization]. *Otkrytoe i distancionnoe obrazovanie* = Open and Distance Education. 2014; 2:64—68. Available at: http://files.amisod.ru/mediacontent/vipuski/2014/4/amisod-2014-04-29-tsareva-ryzhkova.pdf (accessed 14.08.2017). (In Russ.)

Contribution of the authors:

Alexandra G. Filipova — academic advising, critical analysis of the materials, final revision of the text of the article.

Alena V. Vysockaya — search for analytical materials, writing the initial version of the text of the article.

About the authors:

Alexandra G. Filipova, Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor at the Department of Social and Psychological Sciences, Far Eastern Federal University (Bldg A (24), FEFU Campus, Russky Isl., Vladivostok 690922, Russia) (*e-mail:* alexgen77@list.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-7475-1961. Researcher's ID: L-5384-2015.

Alena V. Vysockaya, Acting Head of the Department of Information Systems, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (27 Lenin Ave., Komsomolsk-on-Amur, Khabarovsk Territory, 681013, Russia) (*e-mail:* al-w-buaa@rambler.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0001-7048-028X. Researcher's ID: W-4879-2017.

For citation: Filipova A.G., Vysockaya A.V. Studying General Secondary Education Systems in the Regions of Russia: the 'Gray Box' Method. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):155—178. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.155-178

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 15.09.2017.

КОНФЕРЕНЦИИ. ВСТРЕЧИ. ДИСКУССИИ / CONFERENCES. MEETINGS. DISCUSSIONS

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549
УДК 061.3:14(511.31)
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183

МЕЖДУНАРОДНАЯ БАХТИНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В ШАНХАЕ

Благодарности: исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00341 А.

Ключевые слова: М. М. Бахтин; регион; Китайская Народная Республика; научная конференция; бахтинские исследования; методологическая действенность теорий М. М. Бахтина

Статья представляет собой обзор последней по времени международной научной конференции, посвященной междисциплинарному изучению научного наследия М. М. Бахтина. В работе конференции приняли участие более ста выступавших из разных регионов России, а также из других стран (Великобритании, Канады, США, Мексики, Индии, Бразилии, Польши, Японии и др.). Конференция проходила в Шанхае и была организована Фуданьским университетом при поддержке Всекитайского Бахтинского общества и Всекитайского общества по зарубежной критике, литературоведению и сравнительной поэтике, Китайской ассоциации иностранной литературы.

Одна из важных идей М. М. Бахтина — идея диалога, понимаемого гуманитарной наукой как диалог сознаний и культур, — в конце XX — начале XXI в. превращается в диалог глобального и локального, регионов и региональных пространств.

6—10 сентября 2017 г. в Шанхае состоялась XVI Международная Бахтинская конференция «Бахтин в постреволюционную эпоху». Конференция организована Фуданьским университетом при участии и поддержке Всекитайского Бахтинского общества и Всекитайского общества по зарубежной критике, литературоведению и сравнительной поэтике, Китайской ассоциации иностранной литературы. Взаимодействие с Бахтинским центром Шеффилдского университета, кафедрой сравнительного литературоведения Университета Королевы Марии, Институтом мировой литературы им. А. М. Горького Российской академии наук обеспечило возможность широкого представительства исследователей из самых разных стран.

Шанхайская конференция продолжила традиционные международные академические форумы, посвященные исследованию идей М. М. Бахтина и его наследия, объединив в диалоге ученых всего мира. В работе конференции приняли участие более ста выступавших из разных регионов России, а также из Великобритании, Канады, США, Мексики, Индии, Бразилии, Польши, Японии и других стран. Наибольшее

представительство имела Китайская Народная Республика (КНР). Большинство докладов касалось традиционных бахтинских вопросов, «революционный» Бахтин в постреволюционную эпоху воспринимался прежде всего как возможность разговора не столько на тему «Бахтин и революция», сколько в границах осмысления революционного значения идей русского мыслителя для второй половины XX—XXI вв.

Открыл конференцию доклад Чжоу Цичао, директора Исследовательского центра по теории литературы Академии общественных наук КНР, президента Всекитайского общества М. Бахтина. Докладчик, подчеркнув освобождающую силу идей Бахтина, дал обзор освоения теории мыслителя китайскими учеными. Можно сказать, что китайское бахтиноведение осваивает весь пласт опубликованного российскими, французскими, английскими и американскими исследователями и интегрирует это в практику современного китайского литературоведения. То, какими темпами развиваются бахтинские исследования в Китае, показывает следующее: с 1995 г. в Пекине проводятся «Всекитайские научные конференции по бахтиноведению», в Пекинском педагогическом университете на филологическом факультете монография М. М. Бахтина «Проблемы поэтики Достоевского» используется в качестве учебного пособия для чтения и обсуждения, опубликовано уже два собрания сочинений М. М. Бахтина на китайском языке, насчитываются десятки монографий и сборников, посвященных ученому. Подобная «регионализация» может быть определена как один из трендов бахтинских исследований сегодня.

Сама организация конференции показала способность китайской стороны эффективно сочетать новации с давно и хорошо зарекомендовавшими способами презентации докладов. Была восстановлена практика ежедневных пленарных заседаний, на которых ведущие бахтинисты выступали по актуальным бахтиноведческим проблемам. Для такого обсуждения было предложено 14 ключевых сюжетов, что позволило обозначить ряд проблемных полей в современном изучении научного наследия русского мыслителя.

Первое поле охватывает историю, семантику, сравнительный контекст идей М. М. Бахтина. Назовем несколько тем: И. Л. Попова (ИМЛИ РАН) представила исследование ключевой для Бахтина категории «большого времени»; Линг Джанхоу (Пекинский университет) проанализировал в сравнительной перспективе концепции диалога (М. Бахтин) и интертекстуальности (Ю. Кристева); Ванг Хонгчанг (Фуданьский университет) рассмотрел теорию романа, в частности проблемы построения теории китайского романа; Ван Джанхинг (Нанкинский университет) исследовал теорию интонации в ее применении к анализу интонации рассказчика и интонации автора; К. Хиршкоп (Университет Ватерлоо) проанализировал идею современности как важнейшую в становлении теории романного слова, а также показал, как включение Бахтиным Ф. М. Достоевского в европейский культурфилософский контекст кардинально меняет западное представление о мире.

Тесно переплетенное с первым второе проблемное поле связанно с использованием бахтинских идей для изучения культуры и литературы. Так, доклад О. Е. Осовского (Национальный исследовательский Мордовский государственный университет) был посвящен исследованию романа новейшего времени как гибридной конструкции; в выступлении К. Брэндиста (Бахтинский центр Шеффилдского университета) анализировалась возможность применения идей Бахтина в изучении неевропейских литератур; доклад Кью Вейгоу (Фуданьский университет) затрагивал проблемы применения теории культуры Бахтина в транскультурных контекстах.

Третий круг вопросов касался восстановления эпизодов биографии М. М. Бахтина. Отметим, что собственно биографических докладов не было. Историко-биографический контекст привлекался прежде всего как средство более четкого позиционирования конкретных бахтинских идей и событий во времени и пространстве. Так, профессор Лондонского университета Г. Тиханов (Университет Королевы Марии) посвятил свой доклад «Бахтин и китайская литература» рассмотрению известного проспекта, написанного ученым для кружка по изучению китайской литературы в начале 1950-х гг. Проспект Бахтина рассматривался докладчиком на фоне проблем советско-китайских отношений этого времени. Особую достоверность предположениям Г. Тиханова придавали материалы, обнаруженные им в личной библиотеке М. М. Бахтина. Переводчик работ М. М. Бахтина на польский язык Б. Жилко в докладе «Польские учителя Бахтина в Петрограде (1916—1918)» реконструировал эпизод из жизни молодого ученого. Здесь речь идет об интеллектуальной биографии, делается попытка установить, какие идеи ученого могут быть лучше поняты, если прочитать их, по определению докладчика, как умственный диалог с петроградскими поляками, известными филологами с Ф. Ф. Зелинским и И. А. Бодуэном де Куртенэ, философом и теоретиком права профессором Санкт-Петербургского, позднее Варшавского университетов Л. Петражицким. Нужно сказать и о докладе А. Балашовой (Университет Абу-Даби) о Бахтине в Кустанае: основанный на архивных материалах, он был посвящен событиям и людям, которые окружали Бахтина в годы ссылки.

Четвертое поле связано с проблемами перевода и «переводимости» (К. Эмерсон) терминологии М. М. Бахтина. Так, Лу Сяо-хэ, профессор, ведущий научный сотрудник Академии общественных наук КНР, переводчик и один из редакторов собрания сочинений М. М. Бахтина (2009), на примере слов «смысл» и «значение» продемонстрировал, насколько широк диапазон возможных толкований при их переводе на английский, немецкий, французский и китайский языки.

Перспективность междисциплинарного подхода к кругу бахтинских идей и основанным на них концепциям нашла свое подтверждение в секционных выступлениях, большую долю которых составляли доклады, демонстрирующие использование идей Бахтина на практике. При этом диапазон использования расширился до «экологического диалога» и конструирования собственной биографии как ответа на вопрос, заданный художественным произведением.

На секционных заседаниях обсуждались вопросы методологической действенности теорий Бахтина. В большей мере были представлены

современные контексты: от политического (отражение на страницах периодики развернувшейся кампании отставки президента Бразилии) и педагогического (анкетирование научных руководителей диссертаций, экспериментальные проекты, нацеленные на развитие диалогической педагогики) до карнавального, выглядящего вполне традиционно на фоне все еще неожиданности первых.

Особенностью Шанхайской конференции стало привлечение внимания к педагогической теории и практике образования. Характерной чертой подобных выступлений было стремление проблематизировать применение бахтинских концепций и исследовать их результативность для теории и практики образования.

Необходимо сказать о литературоведческих и философских докладах. Традиционно популярны темы смеха, карнавала и карнавализации. Ряд докладов был посвящен этим идеям Бахтина и их применению при интерпретации политических ситуаций, культурных явлений и литературных произведений. Докладчики опирались как на тексты ученого, так и на контексты (социокультурный, биографический). Спектр приложений охватывал широкий круг: от анализа пародийного стиля династии Мин (Туо Джанкинг) до рассмотрения приемов карнавализации истории в романном творчестве В. Шарова (Ли Синмэй) и поиска аналогий в карнавале и театре абсурда (Чжао Сюемэй).

Обсуждение идей М. М. Бахтина в философско-социологическом ключе представляло собой сопоставительные исследования теорий мыслителя с теориями М. Хайдеггера, Л. Витгенштейна, Г. Шпета и др.

Особый интерес вызвало выступление Р. Альварадо, известного мексиканского исследователя, уже несколько лет осуществляющего проект, цель которого — записать видеоинтервью с ведущими фигурами бахтиноведения. Замысел ученого заключается в том, чтобы не столько описать позиции каждого исследователя, сколько создать своеобразную биографию идей, рождающихся вокруг диалогической мысли Бахтина в разных культурах и хронотопах.

В ходе работы конференции был обозначен ряд перспектив. К. Брэндист обосновал необходимость создания многоязычного универсального словаря бахтинской терминологии, главная задача которого заключается не столько в толковании того или иного бахтинского термина, сколько в выявлении и согласовании унифицированных его номинаций на разных языках.

Конференция подтвердила не просто сохраняющийся, но расширяющийся интерес к научному наследию М. М. Бахтина в мире, продемонстрировала необходимость углубленной разработки идей и концепций русского мыслителя и в гуманитарной сфере, и в контексте новых поисков всего комплекса наук о человеке, в частности политологии, социологии и др.

Важное решение конференции прозвучало в финале — местом проведения XVII Международной Бахтинской конференции 2020 г. был назван Национальный исследовательский Мордовский государственный университет (г. Саранск).

С. А. Дубровская

Об авторе:

ДУБРОВСКАЯ Светлана Анатольевна, заместитель директора Центра М. М. Бахтина, доцент кафедры русского языка как иностранного Национального исследовательского Мордовского государственного университета, кандидат филологических наук (430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевистская, 68) (*e-mail:* s.dubrovskaya@bk.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5660-8977

Для цитирования: Дубровская С.А. Международная Бахтинская конференция в Шанхае // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 179—183. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

S. A. DUBROVSKAYA. INTERNATIONAL BAKHTIN CONFERENCE IN SHANGHAI

Acknowledgements: the research was implemented with the support of the Russian Foundation for Basic Research, № 18-012-00341 A.

Key words: M. M. Bakhtin; region; People's Republic of China; scientific conference; Bakhtin studies; methodological validity of M. M. Bakhtin's theories

The article is an overview of the latest international scientific conference devoted to the interdisciplinary study of Mikhail Bakhtin's scientific heritage. The conference was attended by more than a hundred speakers from different regions of Russia as well as from other countries (UK, Canada, USA, Mexico, India, Brazil, Poland, Japan, etc.). The conference was held in Shanghai and was organized by Fudan University with the support of the All-China Bakhtin Society and the All-China Society for Foreign Critique, Literary Studies and Comparative Poetics, the Chinese Association for Foreign Literature.

About the author:

Svetlana A. Dubrovskaya, Candidate of Philology Sciences, Deputy Director of M. M. Bakhtin Center, Associate Professor of the Chair of Russian as a Foreign Language National Research Mordovia State University (68 Bolshevistskaya St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* s.dubrovskaya@bk.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0002-5660-8977.

For citation: Dubrovskaya S.A. International Bakhtin Conference in Shanghai. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):179—183. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.179-183

The author have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 20.11.2017.

Конференции. Встречи. Дискуссии / Conferences. Meetings. Discussions

http://regionsar.ru ISSN 2413-1407, eISSN 2587-8549
УДК 061.3:330(470+571)
DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.184-191

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ И МЕТОДИКИ МОНИТОРИНГА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ», ПОСВЯЩЕННАЯ 15-ЛЕТИЮ ГКУ РМ «НЦСЭМ»

Ключевые слова: регион; мониторинг; конференция; управление; экономика; политика; образование; государственная власть; муниципальная власть

В статье дан обзор пленарного заседания научно-практической конференции «Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации», посвященной 15-летнему юбилею ГКУ РМ «НЦСЭМ». Изложены основные теоретико-методологические положения мониторинговых исследований социально-экономического развития регионов, а также перспективы дальнейшего сотрудничества органов государственной власти, местного самоуправления и науки.

5 сентября 2017 г. в г. Саранске прошла Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов Российской Федерации», посвященная 15-летию Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга» (Научный центр).

В работе конференции приняли участие ученые из Москвы, Самары, Пензы, Тольятти, Саранска и др. К ее началу сотрудниками Научного центра был подготовлен одноименный сборник материалов. Их прислали ученые из таких городов, как Барнаул, Тольятти, Москва, Пенза, Саратов, Самара, Саранск, Рузаевка, Минск, Мадрид, Варшава, София.

В. В. Конаков, директор Научного центра, рассказал об истории возникновения и деятельности учреждения, его составе, основных задачах и результатах деятельности за 15 лет. Формальным началом институализации мониторинговых исследований в регионе следует считать момент выхода Указа Главы Республики Мордовия «О мерах по организации регионального социально-экономического мониторинга» от 16 июля 2002 г. № 86-УГ и во исполнение названного указа Распоряжения Правительства Республики Мордовия от 12 августа 2002 г. № 394, которым функции Научного центра были возложены на НИИ регионологии МГУ им. Н. П. Огарёва. При этом следует отметить, что мониторинг социально-экономического развития Мордовии начал осуществляться значительно раньше.

Основная задача Научного центра — систематический анализ социально-экономических процессов для своевременного выявления изменений, происходящих в социальной и экономической сферах республики. Мордовия одним из первых регионов России организовала системный мониторинг ситуации путем создания еще в 1991 г. НИИ регионологии в составе Мордовского университета, а затем Научного центра на базе НИИ регионологии. Это было вызвано формированием принципиально новых отношений, возникших вследствие распада СССР.

Конституция Российской Федерации 1993 г. определила основы взаимодействия федерального центра и субъектов Федерации, города и районы начали руководствоваться законом о местном самоуправлении. В Мордовии были разработаны и введены межбюджетные отношения, которые до тех пор не практиковались в стране. Их внедрение потребовало системного изучения реакции на происходящие процессы.

Подготовка отмеченного указа главы региона, заложившая основу деятельности Научного центра, с которой и начались в республике системные социологические исследования, — прямая заслуга профессора А. И. Сухарева.

В пленарном заседании приняли участие представители органов власти, учреждений образования и науки. В адрес участников конференции и сотрудников Научного центра поступили поздравления от Комитета по экономической политике, промышленности, инновационному развитию и предпринимательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, от депутата Государственной Думы С. В. Чиндяскина, Министерства социальной защиты населения Республики Мордовия, Департамента развития малого и среднего предпринимательства и конкуренции Министерства экономического развития Российской Федерации, Комитета Государственного Собрания Республики Мордовия по социальной политике, Министерства промышленности, науки и новых технологий Республики Мордовия, Саранского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, МГПИ им. М. Е. Евсевьева, Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), Государственного комитета Республики Мордовия по труду и занятости населения, Управления по внутренней политике Администрации Главы Республики Мордовия, Тольяттинского государственного университета.

В. В. Маркин, руководитель Центра региональной социологии и конфликтологии Института социологии ФНИСЦ РАН, признал за Научным центром лидерство в проведении крупномасштабных социально-экономических и социологических исследований в Мордовии и высокий методологический и аналитический уровень исследований и разработок, проблематика которых обширна. В значительной степени разработанные Научным центром федеральные, региональные и отраслевые программы стали надежным механизмом комплексного, гармоничного развития Мордовии. Идею гармонизации социальных отношений как механизма согласования интересов В. В. Маркин видит основой

разрабатываемых научно-практических проектов. Реализуя эти проекты, Научный центр осуществляет тесное сотрудничество с ведущими научными организациями России и Республики Мордовия. Это позволяет ему сохранять и приумножать академические традиции основателя Научного центра — профессора А. И. Сухарева.

В. В. Маркин отметил тесное сотрудничество Научного центра с Институтом социологии ФНИСЦ РАН, одним из результатов которого является успешно реализованный грант 2015 г. «Региональная дифференциация и консолидация социального пространства России: реалии и новые вызовы», позволивший провести Всероссийскую научно-практическую конференцию с международным участием (V Сухаревские чтения).

С. В. Купцов, заместитель министра социальной защиты населения Республики Мордовия, отметил весомый вклад социально-экономического мониторинга в развитие экономики, науки и культуры Мордовии посредством осуществления аналитических исследований социально-экономической ситуации и региональных проблем. Докладчик подчеркнул сложившийся опыт тесного и плодотворного сотрудничества министерства и Научного центра, в результате чего разработана Республиканская целевая программа «Дети Мордовии» на 2007—2010 гг., основной целью которой стало создание условий, направленных на поддержание социально приемлемого уровня жизни детей. Отмечен также вклад специалистов Научного центра в подготовку основных социальных программ Республики Мордовия «Доступная среда» на 2014—2018 гг. и «Социальная поддержка граждан» на 2014—2020 гг. Особое место выступающий отвел проведению независимой оценки качества оказания услуг организациями социального обслуживания региона, в которой с 2014 г. Научный центр выступает в качестве организации-оператора. Аналитические доклады, подготовленные по результатам независимой оценки, имеют большое практическое значение в совершенствовании работы организаций системы социального обслуживания региона.

Мониторинг социально-экономического развития играет огромную роль в формировании системы общественного контроля в системе социальной защиты населения Мордовии. Сотрудники Научного центра участвуют в работе общественного совета при Министерстве социальной защиты населения Республики Мордовия. Совместное исследование «Репродуктивные установки как фактор воспроизводства населения в Республике Мордовия» проведено дважды: в 2015 и 2017 гг.

Р. З. Аширов, председатель Комитета Государственного Собрания Республики Мордовия по социальной политике, отметил колоссальный объем работы по исследованию различных сфер государственно-общественных отношений, сбору и систематизации информации, способствующей поступательным преобразованиям в регионе, а также позволяющей выстраивать и корректировать стратегические планы и программы развития. Благодаря мониторинговым исследованиям в регионе появилась основа для создания эффективной системы сбора и использования социологических данных в выработке и принятии грамотных управленческих решений. Получаемые от этого результаты во многом определяют сейчас статус Мордовии как политически стабильного субъекта Федерации с крепким экономическим и научным потенциалом, реальными перспективами внедрения инноваций, гармоничными межнациональными и межконфессиональными отношениями.

Научный центр внес существенную лепту в определение курса развития республики, ее муниципальных районов и г. Саранска. Особого внимания заслуживает работа по оценке эффективности и полноты реализации законов и других нормативных правовых актов, что гарантирует соблюдение в республике прав и свобод граждан и создает благоприятную атмосферу для выражения и реализации интересов различных слоев общества.

О. А. Гурьянов, первый заместитель министра промышленности, науки и новых технологий Республики Мордовия, назвал 15-летие учреждения важным событием для всей общественности региона, «важной вехой внедрения научного социологического знания в управленческую практику». За годы работы Научный центр стал важным механизмом предоставления объективной информации о социально-политической, экономической, экологической и других сферах жизнедеятельности Республики Мордовия, выработки рекомендаций и оптимальных стратегий развития для каждой их них. В Мордовии сформирована комплексная система мониторинга, способствующая гармоничному развитию региона. Особенностью мониторинга является широкая практика информирования населения региона о наиболее значимых результатах исследований, проводимых учреждением, через СМИ.

М. А. Слободская, президент Института проблем гражданского общества, рассказала об опыте работы института, интересных проектах, о взаимодействии с регионами, в частности с Мордовией, а также о перспективных направлениях работы.

Н. П. Макаркин, президент Национального исследовательского Мордовского государственного университета, отметил, что сегодня Научный центр — широко известный в республике и за ее пределами центр по исследованию общественного мнения. Коллектив сохраняет и развивает идеи, традиции, подходы к реализации проектов, заложенные его основателем А. И. Сухаревым. По мнению Н. П. Макаркина, в Научном центре создана инфраструктура для отработки методики научного анализа общественной жизни региона и подготовки аналитических материалов для нужд республики. Было отмечено, что сотрудники Научного центра реализовали важные проекты по получению информации о состоянии экономической, социально-политической, культурно-просветительской сфер деятельности региона, многочисленные замеры общественного мнения жителей региона.

И. В. Капитонов, директор Саранского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, отметил, что проведение широкомасштабных мониторинговых исследований наиболее востребовано в строительстве новой России. Научные обобщения и выводы ложатся в основу принятия

серьезных государственных решений, идущих во благо страны и Мордовии.

А. В. Чернов, заместитель директора — ученый секретарь НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия, отметил, что в начале 2000-х гг. Мордовия вступила в фазу динамичного и планомерного развития во всех сферах жизнедеятельности и сегодня вносит заметный вклад в укрепление промышленного и сельскохозяйственного комплексов России, развитие науки, образования и культуры. Важную роль в этом сыграло создание Научного центра, призванного осуществлять систематический научный анализ социально-экономических процессов, происходящих в регионе, а также подготовку для органов государственной власти республики аналитических материалов. Он подчеркнул, что эта работа необходима для своевременного выявления изменений и вызывающих их факторов в социально-экономическом секторе региона, негативных тенденций, ведущих к формированию очагов социальной напряженности, а также для выработки предупредительных мер.

Г. Г. Зейналов, профессор кафедры философии МГПИ им. М. Е. Евсевьева, подчеркнул важную и многогранную исследовательскую деятельность коллектива Научного центра, активную гражданскую позицию, понимание современных социально-экономических процессов, исключительно важных для становления конкурентоспособного региона. Осуществление мониторинга предполагает постоянное стремление к профессиональному росту, использованию новейших методик и технологий в исследованиях закономерностей комплексного экономического, социального, экологического, политического развития и духовного воспроизводства социумов регионов, управления этими процессами.

Н. Н. Мукасеева, доцент Средне-Волжского института (филиала) ВГУЮ (РПА Минюста России), отметила большое количество научно-исследовательских трудов, в том числе разработку стратегий и программ социально-экономического развития Республики Мордовия, формирование информационно-аналитической базы развития муниципальных образований, мониторинг социально-экономических, общественно-политических и социокультурных процессов в регионе. Она выразила надежду, что и в дальнейшем будут вырабатываться оптимальные модели совершенствования и развития не только Мордовии, но и России в целом.

Т. Н. Илюшкина, начальник отдела программ занятости и рынка труда Государственного комитета Республики Мордовия по труду и занятости населения, отметила, что комитет и Научный центр совместно разработали первую программу содействия занятости населения — Республиканскую целевую программу переселения соотечественников из-за рубежа, направленную на привлечение в республику дополнительных трудовых ресурсов и улучшение миграционной ситуации. Успешно решается задача по проведению независимой оценки качества работы организаций здравоохранения, социального обслуживания, образования и культуры. Регулярно проводимые социологические опросы, связанные со сферой труда и занятости, позволяют повышать качество и доступность оказываемых населению услуг.

Т. Н. Иванова, заведующая кафедрой социологии ФГБОУ ВО «Тольяттинский государственный университет», выступила с докладом «Проблемы создания мониторинга устойчивого развития городов». Для обеспечения управленческих структур объективной и полной информацией необходима организация мониторинга устойчивого развития территорий, в частности городов. Это предполагает использование системы показателей, отражающих наиболее важные направления развития городов — их инфраструктуры. Разработчики методологии мониторинга говорят о необходимости инновационного развития, которое выступает сейчас одной из наиболее актуальных проблем научного знания. Выступающая отметила активную и многоплановую экспертно-аналитическую, мониторинговую, научно-исследовательскую и просветительскую деятельность Научного центра, который вносит заметный вклад в социально-экономическое развитие Мордовии, в модернизацию и оптимизацию системы управления в регионе, в процесс укрепления кадрового потенциала.

А. И. Торопов, заведующий отделом по обращениям граждан и мониторингу социальных процессов управления по внутренней политике Администрации Главы Республики Мордовия, выступающий от имени Главы Республики Мордовия В. Д. Волкова, особо подчеркнул, что эффективное управление и стабильное развитие региона невозможны без учета общественного мнения. Именно люди дают самую верную и точную оценку деятельности власти, указывают на беспокоящие проблемы, а также перспективные направления развития. Профессиональная деятельность социологического сообщества Мордовии на протяжении многих лет стала значимым подспорьем в работе руководства республики. Важным направлением сотрудничества Научного центра и Администрации Главы Республики Мордовия является участие социологов в разработке социально-экономических программ. Решению этих задач подчинены масштабные прикладные социологические исследования, основанные на тесной взаимосвязи науки и практики. Многие годы плодотворного сотрудничества позволяют с уверенностью смотреть на перспективы совместной работы в интересах всех жителей республики.

А. А. Гагаев, профессор кафедры философии Национального исследовательского Мордовского государственного университета, выступил с докладом «Наука как социальный институт. Мониторинг этоса наук». Современные общества в процессе эволюции и истории выживают, если создают и поддерживают науку как основу развития творческой способности рас и этносов. Если им это не удается, они исчезают из эволюции и истории. По мнению выступающего, в России создан тип общества, в котором развитие науки как социального и гносеологического института и как массового процесса в субъектах Федерации возможно только случайным образом.

Затем конференция продолжила работу в секционных заседаниях. По ее итогам для органов государственной власти и местного самоуправления были сформулированы практические рекомендации относительно комплексного, системного социально-экономического развития регионов.

В. П. Миничкина,
В. В. Козин

Об авторах:

МИНИЧКИНА Валентина Павловна, заместитель директора по научной работе Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», кандидат экономических наук, доцент (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а) (*e-mail:* minichkina@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1789-3944

КОЗИН Владимир Васильевич, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга демографии и трудовых процессов Государственного казенного учреждения Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», кандидат социологических наук, доцент (430005, Россия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а) (*e-mail:* vladimir.kozin13@mail.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1646-6636

Заявленный вклад авторов:

МИНИЧКИНА Валентина Павловна — подготовка начального проекта текста статьи.

КОЗИН Владимир Васильевич — доработка текста статьи.

Для цитирования: Миничкина В.П., Козин В.В. Всероссийская научно-практическая конференция «Проблемы методологии и методики мониторинга социально-экономического развития регионов российской федерации», посвященная 15-летию ГКУ РМ «НЦСЭМ» // РЕГИОНОЛОГИЯ REGIONOLOGY. 2018. Т. 26, № 1. С. 184—191. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.184-191

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

V. P. MINICHKINA, V. V. KOZIN. ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE 'ISSUES OF METHODOLOGY AND METHODS OF MONITORING SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF REGIONS OF THE RUSSIAN FEDERATION' DEDICATED TO THE 15TH ANNIVERSARY OF THE STATE INSTITUTION OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA 'SCIENTIFIC CENTER FOR SOCIO-ECONOMIC MONITORING'

Key words: region; monitoring; conference; management; economy; politics; education; state power; municipal power

The article gives an overview of the plenary session of the scientific and practical conference 'Issues of Methodology and Methods of Monitoring Socio-Economic Development of Regions of the Russian Federation' dedicated to the 15th anniversary of the State Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Socio-Economic Monitoring.' The basic theoretical and methodological provisions of monitoring studies of regions' socio-economic development are expounded as well as prospects for further cooperation between public authorities, local self-government bodies and scientific institutions.

Contribution of the authors:

Valentina P. Minichkina — writing the initial version of the text of the article.

Vladimir V. Kozin — revision of the article.

About the authors:

Valentina P. Minichkina, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Research Director of the State Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Socio-Economic Monitoring' (39a B. Khmelnitskogo St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* minichkina@mail.ru). ORCID: https://orcid.org/0000-0003-1789-3944.

Vladimir V. Kozin, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor, Leading Research Officer at the Department for Monitoring Demography and Labor Processes, State Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Socio-Economic Monitoring' (39a B. Khmelnitskogo St., Saransk, 430005, Russia) (*e-mail:* vladimir.kozin13@mail.ru). ORCID: http://orcid.org/0000-0002-1646-6636.

For citation: Minichkina V.P., Kozin V.V. All-Russian Scientific and Practical Conference 'Issues of Methodology and Methods of Monitoring Socio-Economic Development of Regions of the Russian Federation' Dedicated to the 15th Anniversary of the State Institution of the Republic of Mordovia 'Scientific Center for Socio-Economic Monitoring'. *REGIONOLOGIYA* = REGIONOLOGY. 2018; 1(26):184—191. DOI: 10.15507/2413-1407.102.026.201801.184-191

The authors have read and approved the final manuscript.

Поступила/Submitted 18.12.2017.

Редакторы *С. В. Денисова, А. А. Парамонов*
Редактор текста на английском языке *А. В. Пузаков*

Подписной индекс в каталоге АО Агентство «Роспечать» — 73335.

Территория распространения журнала: Российская Федерация, зарубежные страны

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор). Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС77-65932 от 06 июня 2016 г.

Подписано в печать 26.02.2018. Дата выхода в свет 30.03.2018. Формат 60x84 1/16. Усл. печ. л. 11,2. Уч.-изд. л. 10,3. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура JournalCTT. Тираж 1 000 экз. I завод — 200 экз. Заказ № 355. Свободная цена.

Адрес редакции: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Б. Хмельницкого, 39а
Тел.: (8342) 32-86-14. E-mail: redreg@mrsu.ru
http://regionsar.ru
Адрес учредителя и издателя: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Большевистская, д. 68
Адрес типографии: 430005, Республика Мордовия, г. Саранск, ул. Советская, д. 24 (Издательство федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва»)

Фотографии предоставлены самими авторами и опубликованы с их согласия.